

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ
МОЛДАВИИ

1941-1944

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК КП МОЛДАВИИ—
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ МОЛДАВИИ

1941 • 1944

Кишинев
Картя Молдовеняскэ
1984

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. А. Коренев

С. Я. Афтенюк

К. Е. Олейник

К63 Коммунистическое подполье Молдавии 1941—1944 /Редкол.: А. А. Коренев и др. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1984.—144 с.

В предлагаемом сборнике на основе исследований последних лет освещаются организация и деятельность подпольных райкомов партии, подпольных партийных организаций и партизанских отрядов, действовавших в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Молдавии. Показывается бессмертный подвиг трудящихся республики, поднявшихся на священную борьбу против фашистских захватчиков.

Издание предназначено для преподавателей вузов и средних учебных заведений, пропагандистов, для всех тех, кто интересуется историей Молдавской ССР.

0902020000—005

К—15—83

66.61(2М)

М751(12)—84

© Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1984.

В годы Великой Отечественной войны советские люди, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС о 60-й годовщине образования СССР, «проявили массовый героизм и непреклонную волю к победе, разгромили фашистских захватчиков, спасли народы мира от порабощения и уничтожения»¹. Вдохновителем и организатором всенародной борьбы с врагом была Коммунистическая партия, которая в своей деятельности по защите социалистического Отечества исходила из положений и установок, содержащихся в трудах классиков марксизма-ленинизма, учитывала огромный практический опыт, приобретенный в годы гражданской войны. Под ее руководством была одержана победа над наиболее агрессивными силами империализма — германским фашизмом и японским милитаризмом.

В. И. Ленин учил, что «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо»². Руководствуясь ленинскими указаниями, партия делала все, чтобы превратить страну в единый военный лагерь. ЦК ВКП(б) с первых же дней войны разработал четкую программу борьбы с фашистским агрессором. Наряду с мерами по перестройке всей работы в соответствии с требованиями военного времени, укреплению боевой мощи Красной Армии, мобилизации материальных ресурсов страны, партия уделяла большое внимание развертыванию борьбы в тылу врага на временно оккупированной советской территории. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным, советским организациям прифронтовых областей — основном программном документе по организации отпора врагу, выработке форм и методов борьбы на оккупированной территории — содержались конкретные указания по организации партизанской и подпольной борьбы. Центральный Комитет партии ставил задачу — в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать их и уничтожать, срывать все их мероприятия. «В занятых врагом районах,— записано в

директиве, — создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д.»³

Призыв партии, по образному выражению М. И. Калинина, «дал выход, открыл шлюзы народной страсти, указал способ применения народной энергии в партизанской борьбе»⁴.

Партийное руководство всенародной борьбой в тылу врага придавало ей широту и организованность. Ленинское требование о том, что «партизанские боевые выступления должны производиться под контролем партии»⁵, нашло конкретное воплощение в постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», принятом 18 июля 1941 г. ЦК ВКП(б) указал, что мобилизующая и организующая деятельность партии является важнейшим условием развертывания борьбы на оккупированной советской территории и потребовал от руководителей местных партийных организаций «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов»⁶.

Организованная партией поистине всенародная борьба во вражеском тылу выросла в важный стратегический фактор войны, сыгравший значительную роль в разгроме гитлеровской Германии и ее сателлитов. Эта борьба развернулась во всех республиках и областях, временно захваченных фашистами.

Молдавская ССР с первых же часов войны подверглась вражескому нападению. ЦК КП(б) Молдавии в соответствии с указаниями партии направил 30 июня 1941 г. в уездные, городские и районные комитеты партии директивное письмо, в котором излагались мероприятия по организации партизанского движения, коммунистического подполья на территории республики в случае отхода частей Красной Армии. В письме определялись цели, задачи, формы народной борьбы с учетом географических, социально-экономических факторов, плотности населения и других особенностей Молдавии и предлагалось «немедленно приступить к организации партизанских отрядов и диверсионных групп для оставления их в тылу противника», а для их руководства, установления связи между ними «приступить к созданию из надежных коммунистов подпольных парторганизаций и явочных квартир». Особое внимание уделялось кадровым вопросам, в

частности, предлагалось формировать подполье из людей «до конца преданных делу партии, смелых, решительных и инициативных, готовых переносить любые трудности и лишения», из числа коммунистов, комсомольцев, бывших участников коммунистического подполья Бессарабии. ЦК КП(б) Молдавии рекомендовал также «отряды и группы комплектовать из числа рабочих промышленных предприятий и крестьян-бедняков... работников советского и хозяйственного аппарата, бывших политзаключенных, участников отряда Г. И. Котовского и участников восстаний против румынских оккупантов». Для максимальной конспиративности и маневрирования отрядов и групп количественный состав «в первое время не должен превышать 10—15 человек»⁷

Подготовка к борьбе в тылу врага на территории Молдавии проходила в сложной обстановке прифронтовой полосы. Партийные органы республики успели утвердить состав лишь одного подпольного горкома, двух райкомов партии, сеть партийных организаций, сформировать, по неполным данным, 147 партизанских отрядов и диверсионных групп⁸. Из-за быстрого продвижения фронта завершить подготовку и оставить в тылу врага широкую сеть подпольных партийных комитетов и организаций, партизанских отрядов, обеспечить их связью, кадрами не удалось.

В июле-августе 1941 г., после ожесточенных боев, понеся большие потери, противнику удалось оккупировать Молдавскую ССР. Фашистские захватчики немедленно приступили к осуществлению своих колонизаторских планов. Они ликвидировали все социалистические завоевания, государственную и национальную самостоятельность молдавского народа, восстановили власть помещиков и капиталистов. В Молдавии, как и на всей временно захваченной советской территории, фашистские поработители установили пресловутый «новый порядок» — террор, насилие, безудержный грабеж. Стремясь вытравить из памяти народа сам факт существования молдавской советской государственности, захватчики территориально расчленили республику. Правобережные районы Молдавской ССР были включены в губернаторство «Бессарабия», которое было объявлено составной частью румынского королевства. На территории губернаторства были распространены законы королевской Румынии, а проживающие здесь молдаване объявлялись румынами. Левобережные районы республики вошли в губернаторство «Транснистрия». Формально оно в состав румынского государства не входило. Фашистская Румыния получила лишь мандат на осуществление временной «администрации и эко-

номической эксплуатации» этой части советской территории, но она вынашивала планы со временем аннексировать и эту территорию. «Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и выслем оттуда всех иноплеменных. Во имя осуществления этой цели я готов вынести на своих плечах все тяжести»⁹, — заявил И. Антонеску.

С первых же дней оккупации началось массовое уничтожение советских людей, и в первую очередь коммунистов, комсомольцев, активистов. Согласно приказу И. Антонеску от 14 сентября 1941 г., «все жители русской национальности и все те, кто служил при большевиках, считались подозрительными»¹⁰, а к коммунистам и «подозрительным» требовалось относиться беспощадно. «Любого подозрительного расстрелять», — гласила его резолюция на одном из документов¹¹. Молдавия покрылась сетью тюрем, концлагерей, где томились подпольщики, партизаны, все те, кто вызывал у оккупантов подозрение. За годы оккупации было истреблено около 64 тыс. жителей Молдавии, свыше 47 тыс. угнано в рабство, более 207 тыс. были подвергнуты пыткам и истязаниям¹².

Безудержный террор дополнялся ничем не прикрытым грабежом. Из республики оккупанты вывозили зерно, скот, оборудование заводов, фабрик, МТС. В правобережных районах Молдавии фашисты ликвидировали созданные в 1940—1941 гг. колхозы, совхозы, МТС. Их имущество было передано возвратившимся помещикам или вывезено в Румынию. Колхозы левобережных районов были превращены в так называемые «трудовые общины», а совхозы — в «государственные имения»¹³. В них был введен принудительный труд, собранный урожай забирали оккупанты.

В многонациональной республике, где наряду с молдаванами проживали русские, украинцы, болгары, гагаузы, фашистские оккупанты с помощью молдавских буржуазных националистов пытались подорвать морально-политическое единство советских людей, посеять рознь между народами, ненависть друг к другу, и в первую очередь ко всему русскому. Однако все попытки оккупантов подорвать дружбу народов не принесли им желаемых результатов.

Тяжесть оккупационного режима не сломила волю трудящихся республики к борьбе за свободу и независимость. Жестокость, бесправие, террор еще больше усиливали ненависть к врагу. В борьбу против оккупантов вступали тысячи патриотов — коммунистов, комсомольцев, беспартийных трудящихся, представителей различных социальных групп и возрастов. Воспитанные на идеях Великого Октября, на

опыте революционно-освободительной борьбы против боярорумынских оккупантов, трудящиеся Молдавии выражали непреклонную волю отстоять свободу и независимость социалистического Отечества. В связи с тем, что работа по созданию коммунистического подполья, проводимая партийными органами еще до оккупации республики, не была завершена, многое пришлось решать уже после оставления территории Молдавии нашими войсками. Находясь в эвакуации, ЦК КП(б) Молдавии продолжал сложную работу по организации борьбы в тылу врага, по установлению связи с оставленными в республике подпольными организациями и партизанскими отрядами. В конце августа 1941 г. через линию фронта была переправлена группа коммунистов, участников подполья Бессарабии, в том числе бывшие секретари Бессарабского обкома партии И. А. Бужор и Ю. А. Коротков. Но все они погибли от рук карателей. В сентябре 1941 г. бюро ЦК КП(б) Молдавии, находившееся в это время в Донецке, утвердило и направило в оккупированную республику подпольный партийный центр в составе 9 человек, возглавляемый секретарем Слободзейского райкома партии А. М. Терещенко. Все они также погибли в неравном бою с противником сразу же после приземления (у села Микауцы).

Меры по организации партизанского, подпольно-патриотического движения на оккупированной территории республики неоднократно обсуждались на заседании бюро ЦК КП(б) Молдавии. Многие вопросы, и прежде всего подготовки кадров, ЦК КП(б) Молдавии решал при помощи ЦК КП(б) Украины и Украинского штаба партизанского движения. Огромное значение в расширении и углублении партизанского движения имели принятое 28 мая 1942 г. бюро ЦК КП(б) Молдавии постановление «Об усилении партизанской войны в тылу немецких захватчиков», создание в декабре 1942 г. при Украинском штабе партизанского движения Молдавского отдела, постановления от 12 мая 1943 г. и 30 августа 1943 г. о создании Молдавских соединений. Для выполнения решений наряду с группами организаторов в тыл противника были направлены секретарь ЦК КП(б) Молдавии И. И. Алешин, утвержденный уполномоченным ЦК по руководству подпольными организациями и партизанским движением, заместитель Председателя СНК МССР Г. Я. Рудь, ответственные партийные и советские работники, депутаты Верховного Совета МССР, в их числе В. Н. Дамаскин, Л. С. Дьяченко, В. В. Сваричевский, Г. Ф. Кириак и другие. Весной и летом 1944 г. при помощи Военных советов

2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов на территорию Молдавии было заброшено около сорока партизанских отрядов и групп организаторов.

Коммунистическое подполье Молдавии формировалось, развивалось и действовало на основе идей партии, ее призывов, лозунгов. В правобережных районах, где в довоенное время еще полностью не была завершена перестройка экономики на социалистический лад, где не были до конца ликвидированы эксплуататорские классы, борьба против фашистских захватчиков сочеталась с борьбой против местных классовых врагов.

В соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. в состав подпольных партийных организаций входили и беспартийные патриоты. Для Молдавской республики, и прежде всего ее правобережных районов, положение директивы о том, «чтобы в создаваемые подпольные коммунистические ячейки включались также беспартийные советские патриоты, глубоко преданные идеям партии, Советской власти, способные в тяжелых условиях оккупации вести борьбу с захватчиками»¹⁴, имело огромное значение. В предвоенный год в этих районах число первичных парторганизаций и коммунистов в них было незначительным. Прием в партию из местного населения согласно Уставу партии должен был начаться только спустя год после воссоединения Бессарабии с СССР, т. е. в конце июня 1941 г. Работа по переводу бессарабских коммунистов в ВКП(б) также началась в июне 1941 г. Эти обстоятельства наложили отпечаток на состав коммунистического подполья, возникшего в правобережных районах Молдавии.

За годы оккупации на территории Молдавии разновременно было создано более 60 подпольных организаций, в том числе районные партийные комитеты, партийные, комсомольские, патриотические организации и группы, которые действовали в столице Молдавии — г. Кишиневе, других городах, районных центрах, во многих селах республики. Возникнув в суровые дни 1941—1942 гг., коммунистическое подполье разрасталось, набирало силу, охватывало новые слои населения, становилось массовым. Уже в первые месяцы оккупации приступили к действиям две подпольные организации в Кишиневе, костяк которых составили рабочие предприятий города, участники бессарабского коммунистического подполья — В. Триколич, А. Ботезату, В. Огородник, Н. Кэрунту, Н. Грицко, П. Фрунзе, К. Мельник и др. В Бендерах одну из подпольных организаций возглавил участник гражданской войны А. П. Прокопец, другую — молодеж-

ную — Н. Ф. Калашников. В конце 1941 г. начало формироваться коммунистическое подполье в Каменском районе, которым впоследствии руководил созданный в мае 1942 г. районный партийный комитет, возглавляемый Я. А. Кучеровым. Несколько подпольных организаций было создано в Тирасполе. Их возглавляли коммунист В. С. Панин, комсомолки З. Н. Чабан, М. С. Скопенко. В Кагуле с осени 1941 г. действовали две организации, которые объединяли несколько десятков юношей и девушек, многие из них вступили в комсомол в 1941 г. Их создали учитель из с. Зернешты М. Краснов, рабочие П. Поливод, Т. Морозов, В. Кожокару, Н. Кавчук. В сентябре 1941 г. возникла подпольно-патриотическая группа в с. Старая Сынжерея, которую возглавил В. Журжиу, в Слободзее — комсомольско-молодежная организация, руководимая комсоргом местного колхоза К. Цурканом, в с. Николаевка Сорокского уезда — подпольная организация во главе с С. Гулеватым. Две молодежные организации действовали в Сороках. Возглавили их Г. Булат и Г. Гуменный.

Аресты, нечеловеческие пытки в застенках сигуранцы, расстрелы многих преданных патриотов не остановили освободительную борьбу. Укреплялись, приобретали опыт уцелевшие от разгрома подпольные организации и группы, создавались новые. Так, в г. Рыбнице возник подпольный партийный комитет в составе коммунистов В. И. Рыбалко, А. И. Балана, И. И. Диревича, А. С. Плугаря, И. С. Челпана. Многочисленная подпольная организация, возглавляемая участником гражданской войны коммунистом П. Е. Кустовым, действовала в Тирасполе. Активную работу проводили подпольные партийная и комсомольско-молодежная организации Григориополя, подпольные организации Дубоссар. По инициативе местных жителей начала действовать одна из наиболее многочисленных в республике межрайонная подпольно-патриотическая организация с центром в г. Кишиневе, в состав которой входило 18 ячеек города и близлежащих сел. Подпольные группы были созданы в ряде сел Приднестровья — Ближнем Хуторе, Ново-Котовске, Парканах, Первомайске и др.

Коммунистическое подполье использовало различные средства и методы борьбы, имело свою специфику, обусловленную историческим развитием края, его географическим положением, но главное состояло в том, что, развернувшись с первых же дней оккупации, борьба не прекращалась, а наоборот, набирала силы, расширялась и велась вплоть до освобождения республики. Трудящиеся Молдавии защищали

те политические, социально-экономические завоевания, которые предоставила им Советская власть. Они не желали возврата к капиталистическим порядкам. Ведь в недавнем прошлом большая часть из них уже испытала оккупационный режим, установленный королевской Румынией. 22 года многострадальный народ Бессарабии подвергался грабежу и насилию. Светлый праздник освобождения наступил в июне 1940 г. На собственном опыте раскрепощенный народ убедился в преимуществах социалистического строя, в силе дружбы, взаимопомощи народов многонациональной Советской страны. И когда фашистские захватчики оккупировали республику, все честные люди, оказавшиеся на ее территории, встали на борьбу против иноземных поработителей и их прислужников. Это была священная борьба за независимость своей Родины, за Советскую власть, борьба, пронизанная пламенным советским патриотизмом и интернационализмом. Она была массовой, охватывала различные слои населения Молдавии, представителей многих национальностей, проживавших в крае. В этом и заключались сила и непобедимость коммунистического подполья, его роль и значение как неотъемлемой части общей борьбы советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Деятельность подпольных организаций и групп была разносторонней. В каждом конкретном случае применялись те формы, которые наилучшим образом помогали бороться с ненавистным врагом. Вместе с тем на разных этапах борьбы выделялись наиболее целесообразные методы, которые занимали центральное место в деятельности всех подпольщиков. Так, в начальный период оккупации на первое место выступала массово-политическая, агитационно-разъяснительная работа среди населения. С большим риском подпольщики добывали радиоприемники и пишущие машинки, чтобы, прослушав сводки Совинформбюро, устно или в виде листовок распространять правду о положении на фронтах, призывы к сопротивлению оккупантам, саботажу их мероприятий. Использовались также листовки и газеты, сбрасываемые на оккупированную территорию с советских самолетов.

В дальнейшем, под воздействием блестящих побед Красной Армии под Сталинградом, на Северном Кавказе, на Курской дуге, на первое место в подпольном движении выдвигались диверсионная деятельность, массовый саботаж и вооруженная борьба. Подпольные организации Молдавии создавали боевые группы, партизанские отряды, добывали оружие, тщательно разрабатывали и осуществляли в массовом масштабе диверсии. Они препятствовали испол-

нению чудовишных фашистских планов «выжженной земли», вывозу из Молдавии материальных ценностей, готовились оказать вооруженную помощь Красной Армии в освобождении республики. Все формы борьбы, применяемые подпольщиками Молдавии, органически сливались в единый поток, были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Наиболее массовым было участие населения в срыве экономических, политических и военных планов и мероприятий оккупантов. При этом использовались любые возможности, чтобы нанести урон оккупантам. Рабочие не выходили на работу, выводили из строя оборудование предприятий, крестьяне саботировали поставки продовольствия, утаивали размеры засеянных площадей, уклонялись от выполнения трудовых повинностей по ремонту дорог, заготовке дров, транспортировке военных материалов и т. д. Многочисленные документы оккупационных органов пестрят подобными сообщениями¹⁵.

С начала 1944 г., с приближением фронта к границам Молдавии, широкий размах начинает принимать партизанская борьба. Местное население оказывало большую помощь заброшенным на территорию Молдавии партизанским отрядам и группам, которые в ходе боев с оккупантами вырастали в мощные боевые единицы, нанося значительный урон немецко-румынским фашистским оккупантам.

Изучение и освещение многообразия форм и методов подпольной борьбы и в целом опыта всенародной войны в тылу врага, опыта партийного руководства ею имеет огромное научное и политическое значение. Без глубокой разработки этих проблем невозможно правдиво, в полном объеме осветить историю участия трудящихся Молдавии в Великой Отечественной войне, организующую и направляющую роль партии в это грозное время. Освещение героических подвигов подпольщиков, их мужества и бесстрашия перед озверелым врагом поможет воспитанию у советских людей, особенно молодежи, чувства патриотизма, священной преданности социалистической Отчизне, Коммунистической партии. Наконец, разработка этих проблем явится ответом буржуазным и иным фальсификаторам, пытающимся извратить исторические факты, внушить общественности ложное утверждение о том, что борьба в тылу врага не носила общенародного характера, что оставшиеся на захваченной территории трудящиеся Молдавии смирились с оккупантами, «уживались» с ними, что «победители и побежденные нашли общий язык на почве бизнеса и черного рынка»¹⁶.

Проблема возникновения и развития коммунистическо-

го подполья Молдавии в годы Великой Отечественной войны разработана недостаточно. Еще нет монографического исследования, раскрывающего проблему многопланово, с учетом всех сложных социально-экономических, политических процессов, которые происходили на временно оккупированной территории Молдавии. В обобщающих работах по истории Молдавской ССР, республиканской партийной организации эта проблема освещена в общем плане. Вопросам создания и деятельности подпольных организаций и групп посвящено несколько научно-популярных брошюр, статей, а в освещении наиболее массовых форм борьбы сделаны лишь первые шаги.

В определенной мере восполнить этот пробел призван настоящий сборник, статьи которого написаны на основе материалов, рассмотренных и утвержденных за последние пять лет Республиканской комиссией по выявлению и учету участников коммунистического подполья, партизанского движения и других форм борьбы против фашистских захватчиков на территории МССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы готовились сотрудниками проблемной группы института, которые совместно с городскими, районными комитетами партии, местными комиссиями собирали достоверные источники, изучили историю возникновения и деятельность ряда городских и сельских подпольных организаций.

Читатель впервые подробно познакомится с историей создания и деятельностью Каменского и Рыбницкого подпольных партийных комитетов, подпольной партийной организации, возникшей среди узников фашистской тюрьмы г. Тирасполя, комсомольской организации с. Парканы. Значительный интерес представляют статьи о борьбе против оккупантов трудящихся Кишинева, Тирасполя, Григориополя, Дубоссар, приднестровских сел Ближний Хутор, Ново-Котовск, Первомайск. Новый материал содержится и в двух статьях, подготовленных другими специалистами по проблеме и посвященных участию рабочего класса, трудового крестьянства Молдавии в массовых формах борьбы против оккупантов. Институт продолжает тщательно собирать, изучать и делать достоянием общественности факты о героических делах патриотов, составляющих гордость молдавского народа. Мы просим всех, кто располагает документами или сведениями о всенародном подвиге, помочь нам в этой весьма важной работе.

*Проблемная группа Института
истории партии при ЦК КП Молдавии*

КАМЕНСКИЙ ПОДПОЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ КОМИТЕТ

В начале июля 1941 г. Каменский райком партии, выполняя указания ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Молдавии, развернул работу по созданию подпольных партийных организаций для борьбы с врагом в его тылу в случае отхода частей Красной Армии. К середине июля в районе было создано шесть подпольных партийных организаций в селах Стронецы, Рашково, Подоймица, Хрустовая, Окница и Кузьмин, в состав которых вошли коммунисты В. П. Бондарчук, И. Г. Гроза, Я. А. Кучеров, А. Н. Литновский и другие советские патриоты. Всего для подпольной работы было подобрано и утверждено 24 человека, в том числе 19 коммунистов¹⁷.

18 июля фашистам удалось форсировать Днестр в районе Могилев-Подольского, и вскоре вся территория Каменского района оказалась захваченной врагом. Основная масса населения района, в том числе партийного, советского и комсомольского актива, не успела эвакуироваться. Вскоре вернулись и многие из тех, кто выехал из Молдавии, но оказался на оккупированной врагом территории Украины.

Воспитанные Коммунистической партией в духе любви к социалистической Родине и ненависти к врагу, трудящиеся района считали своим долгом и были готовы защищать завоевания социализма. Однако для успешной борьбы с таким опытным и коварным врагом, как немецко-фашистские захватчики, нужно было создать организацию, материальную базу, подготовить опытные кадры. Из-за быстрого продвижения фронта для всего этого не хватило времени. Даже специально подобранные и утвержденные райкомом партии для подпольной работы в тылу врага люди не успели пройти надлежащей подготовки, не получили средств связи, паролей, явок, многие из них в условиях оккупации оказались изолированными друг от друга.

В Каменском районе, как и повсюду на захваченной советской земле, с первых же дней оккупации создавалась очень сложная обстановка. Враг свирепствовал. В район вернулись кулаки и другие антисоветские элементы, бежавшие в свое время от Советской власти в королевскую Румынию. Они развернули активную антисоветскую деятельность,

вместе с карательными органами оккупантов буквально охотились за коммунистами, комсомольцами и другими советскими патриотами, которые могли бы возглавить борьбу с захватчиками.

Дикий разгул фашистской военщины — грабежи, насилия, расстрелы без суда и следствия (в одной только Каменке было расстреляно свыше 320 человек) — дополнялся разнузданной антисоветской пропагандой, которую проводили немецко-румынские фашистские оккупанты и их прислужники. Враг стремился любыми путями и методами запугать советских людей, заставить их покориться. Коммунистам, оставленным для подпольной работы, как и другим советским патриотам, необходимо было время для организационного становления, консолидации своих сил, отбора людей, которые не растерялись и были готовы к борьбе с врагом. В первые дни фашистской оккупации коммунисты изучали обстановку, искали пути и средства для борьбы с врагом, разоблачали фашистскую клевету о разгроме Красной Армии, захвате Москвы, Ленинграда и скорой гибели Советской власти.

Для успешного проведения этой работы необходимо было иметь связь с Большой землей, а для начала хотя бы радиоприемник, чтобы слушать сообщения Совинформбюро и сообщать советским людям правду о положении на фронте. В октябре 1941 г. коммунисту М. Л. Скрицкому и беспартийному В. Н. Ткаченко удалось найти и установить радиоприемник в физическом кабинете Каменской украинской школы. Здесь среди различных приборов и другого школьного имущества он был незаметен. Так началось регулярное слушание радиовещаний. Вокруг организаторов радиослушания постепенно складывался актив, который в устной форме передавал хорошо знакомым людям сообщения, принятые по радио, а те, в свою очередь, передавали новости своим знакомым и близким.

Однако эта пропаганда охватывала сравнительно узкий круг людей. Необходимо было организовать выпуск листовок, которые В. И. Ленин считал наиболее доступной формой массовой агитации. Первые листовки писались от руки. Их авторами и распространителями были: в селе Севериновка — учитель М. Я. Поповский, в Каменке — старший зоотехник Наркомзема МССР М. Л. Скрицкий, учитель В. Н. Ткаченко и помощник прокурора А. Р. Самоний. Вскоре в развалинах здания райисполкома была найдена старая пишущая машинка. У нее отсутствовало несколько букв, но М. Л. Скрицкий и его товарищи приспособились печатать листовки на этой машинке.

Член партии с 1924 г., участник Октябрьской революции, гражданской войны, Я. А. Кучеров был оставлен в тылу врага секретарем подпольной партийной организации села Хрустовая. Под видом продавца деревянных корыт он в базарные дни бывал в Каменке. Внимательно присматривался к тем, кого знал еще до войны, осторожно изучал поведение каждого из них в новых условиях. Ему удалось установить тесные контакты с коммунистами М. Л. Скрицким, А. Р. Самонием, Ф. К. Демецким, беспартийными советскими патриотами М. Я. Поповским, В. Н. Ткаченко. Я. А. Кучеров поставил вопрос перед товарищами о необходимости расширения разъяснительной работы среди населения, регулярном информировании его о положении на фронтах. «Об этом, — говорил он, — в условиях оккупации во весь голос не скажешь и митинг не проведешь»¹⁸. Поэтому важнейшее значение он придавал выпуску листовок.

Нужна была подпольная типография. После долгих и упорных поисков в полуразрушенном здании типографии районной газеты они раскопали остатки шрифта и печатного станка, но восстановить станок не смогли. Первые попытки печатать листовки типографским шрифтом были предприняты М. Л. Скрицким, который в небольшую коробочку складывал буквы, связанные в слова, и заливал воском. Листовки были весьма краткими, печатать их массовым тиражом было невозможно. В них рассказывалось о положении на фронте, население призывалось к борьбе с врагом.

В ноябре-декабре 1941 г. в селах Катериновка и Рашково также консолидируется группа патриотов во главе с М. Ф. Максимовичем. У них был радиоприемник, но не было питания для него. Поиски привели их в Каменку, где местные подпольщики оказали им помощь.

Мощным импульсом к дальнейшему усилению борьбы с врагом явились принятые по радио и распространенные патриотами среди трудящихся сообщения Совинформбюро о разгроме фашистских войск под Москвой. Под впечатлением этого огромного успеха Красной Армии стал расширяться круг подпольщиков и начала складываться нелегальная организация Каменского района, которая к концу 1941 г. уже насчитывала в своих рядах до 20 человек¹⁹. Из их среды выделилась группа товарищей (Я. А. Кучеров, М. Л. Скрицкий, А. Р. Самоний, М. Я. Поповский, В. Н. Ткаченко), постоянно занимавшаяся вопросами пропаганды и организации подпольной работы и установившая связь с рядом сел района.

Весной 1942 г. по предложению Я. А. Кучерова было ре-

шено объединить усилия подпольщиков, создать единый центр для руководства борьбой трудящихся в масштабе района. 4 мая 1942 г. состоялось организационное заседание, на котором был создан комитет подпольной коммунистической организации Каменского района Молдавской ССР. На повестке дня организационного заседания стояли вопросы: принятие присяги членами комитета, очередные задачи комитета, распределение нагрузок и текущие дела²⁰.

До наших дней сохранился подлинник протокола этого заседания, подписанный всеми членами комитета. В нем ярко выражен патриотизм членов комитета, их стремление активно включиться в борьбу с ненавистным врагом. Проект присяги был подготовлен М. Л. Скрицким. В нем говорилось: «Мы, коммунисты и беспартийные большевики Советской Молдавии, ставим своей целью организовать партизанскую борьбу и вместе с Красной Армией изгнать фашистских захватчиков с территории нашей социалистической Родины... Нет таких сил, которые бы сломили нашу любовь к Великой Социалистической Родине... Подписывая это, мы клянемся перед Родиной, Центральным Комитетом ВКП(б) и лично перед товарищем Сталиным, что мы, коммунисты и беспартийные большевики Молдавии, не пожалеем своих сил, крови, а если нужно и жизни, для полной победы над врагом»²¹. Этот проект был одобрен всеми участниками заседания. При этом было оговорено, что «нарушение присяги — это измена, за которую каждый член комитета несет ответственность своей жизнью»²².

Руководителем подпольного партийного комитета был избран Я. А. Кучеров, его заместителем М. Л. Скрицкий. Военный отдел возглавил А. Р. Самоний, отдел пропаганды и агитации — М. Я. Поповский. Техническим секретарем был утвержден В. Н. Ткаченко²³.

Придавая первостепенное значение политической работе среди населения, комитет нашел необходимым сосредоточить печатание листовок в одних руках, в связи с чем решил передать М. Я. Поповскому имеющийся шрифт, самодельный печатный станок и обязал его обеспечить выпуск листовок не реже четырех раз в месяц²⁴.

На заседании был решен и другой важный вопрос — о создании подпольных ячеек в селах. В протоколе заседания было записано, что «главная задача комитета будет заключаться в том, чтобы подобрать лучших людей по селам района и создать ячейки»²⁵.

Каждому члену комитета было поручено подобрать верных товарищей, коммунистов и членов ВЛКСМ, создать

группы содействия подпольной организации. Члены комитета были закреплены за селами: Я. А. Кучеров был ответственным за работу в селах Хрустовая, Болган; М. Я. Поповский — в Севериновке, Валя-Адынкэ, Подоймице; В. Н. Ткаченко — в Алексеевке, Строенцах, Подойме; А. Р. Самоний — в Окнице, Грушке, Александровке, Каменке; М. Л. Скрицкий — в Рашково, Катериновке, Каменке. Было решено подвести итоги этой работы не позднее 5 июня.

Созданный подпольный партийный комитет возглавил борьбу трудящихся района против оккупантов, определив главные направления своей деятельности: проведение разъяснительной работы среди населения, организация диверсий, создание партизанского отряда, а затем и организованное вооруженное выступление против немецко-румынских фашистских захватчиков.

22 мая 1942 г., т. е. спустя 18 дней после организационного заседания, состоялось второе заседание партийного комитета, обсудившего вопрос «О ходе подбора людей и создании ячеек по селам». За короткое время члены комитета провели большую разъяснительную работу, ими было подобрано 22 человека. «Лучшая проверка подобранных товарищей, — записано в решении комитета, — дать задание по распространению листовок и за ними проследить. Продолжать подбор людей с особой осторожностью. Не увлекаться количеством»²⁶.

Я. А. Кучеров придавал большое значение вопросам конспирации. Он сам действовал с большой осторожностью и ориентировал подпольщиков на соблюдение конспирации, внимательный подход к подбору новых людей. Своими советами он помогал подпольщикам правильно ориентироваться в опасной обстановке, давал четкие рекомендации, кого и как привлекать к работе. В своих воспоминаниях бывший агроном подпольщик А. И. Конверский, говоря о встречах с Я. А. Кучеровым в условиях оккупации, подчеркивал, что он учил «держаться уверенно и постараться быть вне подозрений», не вести никаких записей, а все фиксировать в голове. «Во время одной из бесед, — вспоминал А. И. Конверский, — я ему сообщил, что у одного гражданина в с. Болган имеется детекторный приемник и хозяйева часто меня приглашают послушать сводку Совинформбюро, и рассказал ему последнюю, прослушанную мною передачу. После этого он меня спросил, кто этот гражданин. Я ему назвал фамилию. После моего сообщения мне показалось, что тов. Кучеров вроде воспрянул, но тут же сурово сказал: «Эх вы, птенцы, смотрите, подсмалят вам крылья. Главная задача в нашей

работе — это работа с людьми. Мы должны работать так, чтобы человек верил в победу, а это самое основное, самое сильное оружие в борьбе с врагом, и нам необходимо через доверенных лиц входить в гущу масс, чтобы люди знали истину»²⁷.

Я. А. Кучеров, все члены комитета большое внимание уделяли организации работы в селах. 9 июня 1942 г. на очередном заседании подпольного комитета снова обсуждался вопрос «О задачах организаций в селах»²⁸. К этому времени в районе уже действовало 13 подпольных ячеек в составе 63 человек. Состав ячеек характеризует нижеприведенная таблица:

Наименование сел	К-во членов ячейки	В том числе		
		коммунист- тов	комсомольцев	беспартий- ных
Каменка (МТС)	10	8	2	—
Хрустовая	10	8	2	—
Севериновка	7	3	3	1
Подойма-Подоймица	5	3	2	—
Катериновка	5	2	2	1
Кузьмин	4	2	1	1
Рашково	4	2	1	1
Рашково (совхоз)	3	1	2	1
Болган	3	3	—	—
Окница	3	2	1	—
Грушка	3	1	2	—
Александровка	3	1	1	1
Валя-Адынкэ	3	2	—	1
Всего:	63	38	18	7

В числе руководителей этих ячеек были коммунисты В. П. Бондарчук, С. В. Волянский, Т. Я. Вагалюк, комсомольцы А. Г. Борщ, П. Д. Дрождей, А. А. Михайловский, беспартийные Н. А. Иванов, М. Ф. Максимович и другие. Члены ячеек, как и их руководители, были людьми различных национальностей, но все они делали одно общее дело — вели борьбу с захватчиками и их прислужниками, противопоставив буржуазному национализму и расизму пролетарский интернационализм, братство и сотрудничество советских народов.

Опираясь на ячейки, партийный комитет в короткий срок сумел охватить своим влиянием значительную часть населения района. Особое внимание уделялось организации массо-

во-политической разъяснительной работы среди трудящихся. Главным ее содержанием было воспитание советских людей в духе уверенности в силе и могуществе Советского государства и его Вооруженных Сил, в его победе над немецко-фашистскими захватчиками, разоблачение чужденнической сущности фашизма и лживой фашистской пропаганды, привлечение широких масс к активной борьбе с оккупантами.

Основной формой этой работы были индивидуальные и групповые беседы и выпуск листовок. Пропаганда и агитация, в которой принимали участие почти все подпольщики, была правдивой, отличалась простотой и ясностью, убедительно разоблачала ложь и клевету оккупантов, была подчинена одной главной цели — сделать все, чтобы быстрее разгромить врага. Член комитета М. Я. Поповский усиленно искал пути улучшения технической стороны печатания листовок. Был изготовлен примитивный станок, который затем совершенствовался. В развалинах районной типографии были найдены клише с портретами В. И. Ленина и И. В. Сталина, дополнительный шрифт. С мая 1942 по май 1943 г. комитет ежемесячно выпускал по одной листовке. А с середины 1943 г., когда удалось найти в Одессе дополнительный источник снабжения типографии бумагой, — по 3—4 листовки в месяц.

С особым вниманием и осторожностью комитет подходил к подбору постоянных распространителей листовок. На эту работу подбирались наиболее стойкие, надежные лица, за каждым из них закреплялись определенные населенные пункты. Всего для распространения листовок было привлечено 52 человека²⁹. Причем они распространяли листовки не только в Каменском, но и в других районах Молдавии, а также в соседних районах Винницкой и Одесской областей Украины, с которыми подпольщики Каменки имели связь. В целях конспирации места нахождения типографии комитет стремился распространять листовки во всех намеченных местах одновременно, в один, предварительно установленный, день. Листовки, отпечатанные типографским способом, выходили с портретами В. И. Ленина и И. В. Сталина. В одной из них говорилось: «Товарищи! Гитлеровская авантюра захватить Сталинград и отрезать Кавказ полностью провалилась... В Сталинграде они потеряли 330 000 солдат и офицеров... Не забывайте свой долг перед Родиной... Помогайте Красной Армии быстрее уничтожить фашистов. Уничтожайте военные, хлебные склады, скот, железные дороги...»³⁰.

«Товарищи! На всех фронтах немцы терпят поражение за

поражением,— говорилось в листовке, написанной в 1943 г.— Только за последние 2 месяца они потеряли 500 000 солдат и офицеров... Красная Армия приближается к Киеву, Смоленску, Днепропетровску. Полностью освобожден от оккупантов Донбасс, Мариуполь, Таганрог, Харьков, Бахмач, Прилуки, Нежин и тысячи других населенных пунктов... Чтобы скрыть свои зверства, они распространяют лживые слухи, будто бы Советская власть жестоко расправляется с населением освобожденных областей.

Товарищи! Не верьте лживой пропаганде врага, смело сопротивляйтесь всяким наборам в Германию. Прячьте хлеб, скот, одежду. Доставайте оружие, подымайтесь защищать свою Родину»³¹.

«Наша доблестная Красная Армия разгромила фашистские плацдармы, с которых они рассчитывали начать летнее наступление 1943 г.,— сообщалось в листовке, распространенной осенью 1943 г.— Последний плацдарм, о котором фрицы мечтали, что он неприступный для Красной Армии — это Днепр, но и здесь фрицы просчитались... Наша доблестная армия перешла Днепр, очищая родную землю от фашистской сволочи... Товарищи оккупированной территории, сопротивляйтесь всякой эвакуации, прячьте хлеб, одежду, уничтожайте скот — этим вы обессиливаете фашистские орды. Препятствуйте продвижению оккупантов. Вооружайтесь оружием врага и смело бейте его»³².

Сам факт появления листовок имел огромное значение. Трудящиеся Каменского и других районов, где распространялись эти листовки, чувствовали, что здесь, где-то рядом с ними, ведут борьбу не одиночки, а сильные духом патриоты, объединенные в организацию, чувствовали свою кровную связь со всем советским народом.

Большое место в деятельности комитета занимала организация саботажа политических и экономических мероприятий оккупантов. Особое внимание уделялось работе машинно-тракторной станции. Секретарь комитета Я. А. Кучеров понимал, что срыв работы МТС нанес бы ощутимый урон оккупантам. Поэтому в Каменке кроме комитета была создана подпольная партийная ячейка в МТС, которую возглавил М. З. Григорьев. Ему удалось сформировать группу патриотов, которые вели разъяснительную работу среди рабочих МТС, возглавили саботаж мероприятий оккупантов.

Тактика организации саботажа менялась в зависимости от положения на фронте. 21 августа 1942 г., обсуждая вопрос об усилении борьбы с врагом в связи с уборкой озимого хлеба, подпольный комитет принял решение организовать

срыв уборки и сева озимых. «На время уборки,— записано в постановлении комитета,— выпустить листовки с призывом расхищать хлеб и не сдавать его румынским оккупантам. Членам комитета организовать уничтожение хлеба путем поджога в тех местах, где не будет возможности его расхищать»³³. Этот призыв был услышан тружениками села. Полевые работы проводились на низком уровне, больше половины посевной площади осталось не вспаханной, срывалась уборка урожая. Особенно активно действовали члены ячейки МТС. Выполняя задание комитета, М. З. Григорьев разъяснял трактористам, комбайнерам, что урожай не должен попасть в руки врага. В результате один за другим комбайны стали выходить из строя, «ломались» и молотилки. «Во время молотбы,— вспоминал подпольщик Я. С. Гонза,— получил задание от Кучерова Якова Алексеевича разбить молотилку. Это задание я выполнил. Молотба была приостановлена на две недели»³⁴.

Организованный партийным комитетом саботаж сельскохозяйственных работ способствовал наряду с другими причинами резкому снижению урожайности, что видно по данным следующей таблицы:

Культура	Средняя урожайность, ц/га	
	до войны	в период оккупации
Озимая пшеница	14	5
Рожь	12	4
Ячмень	13,5	7
Овес	12	6
Кукуруза	20	8
Подсолнечник	12	3

Успехи Красной Армии летом 1943 г. вселяли надежду на скорое освобождение от фашистских захватчиков. Комитет, предвидя, что отступление фашистских армий будет сопровождаться грабежами, вывозом техники, скота, хлеба и других материальных ценностей, принял контрмеры. Активизировалась разъяснительная работа сельских ячеек, была выпущена листовка, призывавшая рабочих и колхозников укрывать машины, хлеб, скот, другие ценности от вывоза в фашистскую Румынию. Необходимо было помешать оккупантам собрать и вывезти урожай 1943 г. и одновременно обеспечить сев озимых, урожай которых предполагалось убирать уже после освобождения района.

Немецко-фашистские оккупанты, чувствуя, что им вскоре придется оставить территорию между Бугом и Днестром, издали приказ о прекращении озимого сева и о вывозе имевшегося зерна, в том числе и посевного, в Румынию. В ответ на это подпольный партийный комитет 11 августа 1943 г., обсудив вопрос «О посевной кампании и молотье», принял решение: «Раздать населению хлеб и перевыполнить план осеннего сева»³⁵. Приказ румынских оккупационных властей необходимо было сорвать, и он срывался разными способами. Так, агроном общинного хозяйства села Окница подпольщик А. И. Конверский под видом непонимания приказа поехал к претору за разъяснением. В это время подпольная ячейка села за сутки сумела раздать колхозникам 3000 центнеров зерна. В колхозе села Кузьмин подпольщиками было укрыто от оккупантов 1000 центнеров кукурузы, которая после освобождения района была сдана государству³⁶. Патриоты сумели также убедить людей провести сев озимых культур. И несмотря на запреты в районе было засеяно более 4 тыс. га озимыми.

Смелость и мужество были проявлены подпольщиками при организации срыва вывоза в Румынию скота. Еще зимой 1942 г. патриоты уничтожили корма, завезенные оккупантами в совхоз Рашково, где они хотели организовать откормочный пункт крупного рогатого скота. А позднее под руководством коммуниста М. Л. Скрицкого был сожжен откормочный пункт свиней в Каменке. Коммунист-подпольщик С. Т. Мосендз, работавший на свиноферме села Рашково, подпускал больных свиней к здоровым, в результате через месяц пало 162 головы. Осенью 1943 г., когда в совхоз Рашково поступило распоряжение каменской претуры о подготовке к отправке крупного рогатого скота, члены совхозной ячейки выгнали основное стадо в поле, а на ферме оставили больную корову и пригласили ветеринарную службу оккупантов. Вывоз крупного рогатого скота был запрещен³⁷. Когда же оккупационные власти объявили о вывозе молодняка лошадей, то снова подпольный комитет дал указание руководителям ячеек во что бы то ни стало сохранить его. С большим риском патриоты сумели увести молодняк из конюшен и спрятать его. Таким путем была сохранена часть колхозных лошадей.

Одновременно комитет организовал раздачу скота колхозникам на сохранение. После освобождения района в марте 1944 г. было собрано на колхозные фермы от колхозников 190 голов крупного рогатого скота, 360 овец, 172 головы свиней. На день освобождения в колхозах района ос-

тавалось 2219 лошадей, в том числе 628 голов молодняка, 386 голов крупного рогатого скота³⁸. От вывоза было сохранено также 17 тракторов, 13 комбайнов, 23 молотилки, 28 сеялок³⁹.

Сочетая работу по организации саботажа с проведением диверсий, подпольный партийный комитет добился значительного сокращения вывоза из района продуктов животноводства. Местное население все чаще не подчинялось приказам оккупантов о сдаче сельскохозяйственных продуктов. В селе Севериновка, например, в 1943 г. на пункт сбора продуктов поступило 5000 яиц, в то время как оккупанты требовали 26 000; молока — 13 000 литров вместо 27 000⁴⁰. Подобные явления наблюдались и в других селах. Собранное оккупантами молоко перерабатывалось на маслозаводе в Каменке. Коммунист С. В. Волянский, работавший на заводе по заданию комитета, нарушал технологию изготовления масла, в результате чего оно быстро портилось. Часть масла не учитывалась и использовалась подпольщиками с целью приобретения бумаги для подпольной типографии, подкупа чиновников по делу арестованных патриотов или же снабжения партизан.

К середине 1943 г. каменский партком осуществлял руководство 13 ячейками, в составе которых уже действовало более 100 коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских патриотов. Вместе с численным ростом ячеек патриоты приобрели опыт борьбы с оккупантами, что дало возможность парткому поставить вопрос о переходе к ее высшей форме — вооруженной партизанской борьбе. К этому переходу партком готовился заблаговременно. Еще на своем первом организационном заседании в мае 1942 г. комитет принял решение о необходимости сбора оружия. Этот вопрос обсуждался и на последующих заседаниях. 3 сентября 1942 г. был заслушан специально вопрос «О сборе оружия», 9 января 1943 г. — «О подборе в партизанский отряд». На всех заседаниях члены комитета единодушно отмечали, что сбор оружия и подбор товарищей для организации отряда является одной из важнейших задач.

Несмотря на нехватку оружия, 11 августа 1943 г. на созванном по решению подпольного комитета в лесу Липки совещании подпольщиков Каменского района, в работе которого (вместе с представителями Рыбницкого района МССР, Крыжопольского и Балтского районов УССР) приняло участие 42 человека, было принято окончательное решение о создании двух партизанских отрядов⁴¹. Командирами отрядов были утверждены члены комитета: по Каменской и Севери-

новской группе — М. Я. Поповский, по Рашково — Е. Р. Мазур. Комитету поручалось «укомплектовать партизанские отряды лучшими проверенными товарищами... людей обеспечить вооружением и боеприпасами и указать места действий»⁴². Спустя месяц, 10 сентября 1943 г., подпольный комитет утвердил личный состав отряда М. Я. Поповского.

Отряд М. Я. Поповского, укомплектованный в основном членами Севериновской подпольной ячейки, должен был начать боевые действия 1 ноября 1943 г. вдоль железной дороги Жмеринка-Раздельная между станциями Попелюха — Крыжополь — Вапнярка⁴³. Однако уже в начале октября бойцы отряда вышли в разведку на железную дорогу на перегоне Попелюха — Кодыма. Взрывчатых веществ у партизан не было. Они решили разобрать железнодорожные пути, но для этого необходимы были инструменты. Вернувшись в Севериновку, М. Я. Поповский изготовил специальные ломы-лапки, приспособленные для вытаскивания костылей, и достал ключи для развинчивания гаек. Но первая попытка выхода на железную дорогу оказалась неудачной. При разборе путей партизаны были обнаружены и обстреляны охраной. Был легко ранен партизан И. Ф. Окнян. 11 октября 1943 г. партизаны вновь вышли на железную дорогу, где, расставив охранение, разобрали железнодорожные пути. Под откос была пущена дрезина с вагоном, в котором находились солдаты и полицейские. Видимо, гитлеровцы пустили дрезину для проверки пути перед проходом состава с ценным грузом.

18 октября 1943 г. отряд в полном составе перебазировался в лес. Для проведения политической работы на базу были перенесены типография и радиоприемник.

В конце октября — начале ноября 1943 г. М. Я. Поповскому стало известно, что в поселке Ротари у Д. И. Верейкина имеется оружие, оставленное в 1941 г. для партизанского отряда. М. Я. Поповский вместе с партизанами И. И. Доценко, Е. А. Вершигорой взяли у него 3 винтовки и 6 гранат⁴⁴. Патроны к винтовкам достал И. Ф. Окнян.

В начале ноября по заданию подпольного комитета отряд тщательно готовился к новой диверсии на участке железной дороги Крыжополь — Рудница. 15 ноября 1943 г. под руководством М. Я. Поповского группа партизан пустила под откос воинский эшелон, состоящий из паровоза, 18 вагонов и 9 платформ с военными грузами⁴⁵. В проведении диверсии непосредственное участие принимал Я. А. Кучеров. Движение по железной дороге было приостановлено. Оккупанты вынуждены были вызвать из Бендер и Тирасполя железно-

дорожные подъемные краны для расчистки путей. В донесении Кишиневского областного инспектората полиции в Бухарест от 18 ноября 1943 г. сообщалось: «Железнодорожные подъемные краны со станций Бендеры и Тирасполь были затребованы железной дорогой Транснистрии в сторону Рыбницы-Голта, где, по нашим непроверенным сведениям, 16 ноября⁴⁶ советские партизаны разобрали железнодорожную линию⁴⁷».

В этом же месяце в районе села Боданы партизаны совершили нападение на румынский обоз с зерном. Были взяты трофеи — 6 винтовок, патроны. Так в ходе боевых операций отряд постепенно обеспечивал себя оружием, а партизаны мужали, приобретали опыт вооруженной борьбы с врагом. Все действия отряда координировались и осуществлялись под руководством партийного комитета. Однако в разгар активных действий был арестован секретарь подпольного комитета Я. А. Кучеров и заключен в тюрьму г. Рыбницы. Он был подвергнут жестоким пыткам, но не проронил ни слова о своей подпольной деятельности и о существовании в районе организации. Его заместитель М. Л. Скрицкий по решению комитета ушел через линию фронта для связи с ЦК КП(б) Молдавии. Вся работа легла на оставшихся членов комитета и партизанский отряд. Вспоминая об этих трудных днях, М. Я. Поповский писал: «Много было невзгод. Но нас поддерживало живое слово с Большой земли. И эту духовную пищу мы распространяли среди населения через нашу печать».

В декабре 1943 — январе 1944 г. отряд устраивал засады на дорогах. Однажды М. Я. Поповский с партизанами Е. Балицким, И. Окняном в Песчанском лесу на дороге Песчанка — Каменка из засады забросали гранатами, бутылками с бензином и обстреляли немецкую машину на гусеничном ходу. Машина загорелась, было уничтожено четыре немецких солдата. Но в это время к месту засады подошли еще две немецкие автомашины с живой силой. Завязался бой, в котором был ранен М. Я. Поповский. Пользуясь темнотой, партизаны отошли и возвратились в лагерь⁴⁸.

На участках Севериновка-Загнитков, Хрустовая-Песчанка партизаны нарушили связь оккупантов⁴⁹, подожгли скирды необмолоченного хлеба, коровник в селе Окница⁵⁰. Партизаны И. Окнян и Н. Шевчук по приказу командира отряда спилили 11 столбов на линии связи Каменка-Песчанка, обрубили провода и, зацепив их за сани, разволокли по полю. Операция, казалось, прошла успешно, но партизаны допустили оплошность, которая чуть не стала роковой. Они увезли

несколько столбов домой для отопления. Полицейский это обнаружил. И когда И. Окнян и Н. Шевчук пришли в село, то были схвачены и арестованы. В жандармерии они подверглись жестокому избиению, допросам. Но мужественные партизаны никого из товарищей не выдали, твердя одно, что они привезли домой уже кем-то спиленные столбы. После допросов и пыток их отправили поездом из Рыбницы в г. Тирасполь. При пересадке на станции Слободка оба бежали из жандармского поста и через несколько дней добрались до отряда⁵¹.

В январе-феврале 1944 г. партизаны продолжали диверсии на узкоколейной железной дороге, стремясь не дать врагу использовать ее для вывоза скопившегося на станции зерна. Они устроили также несколько засад на шоссейной дороге.

В начале марта войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, продолжая наступление, приблизились к границам Молдавии. Подпольный комитет принял решение силами партизан и подпольщиков взять под охрану склады зерна, винные подвалы и предотвратить разрушение районного центра. 17 марта 1944 г. партизанский отряд вышел из леса и, вооружившись двумя пулеметами, автоматами, винтовками, гранатами, на подводах направился в Каменку, где вместе с подпольщиками взял под охрану склады. Румынские жандармы в панике удрали. Партизаны, посланные в разведку, доложили, что села Подойма и Подоймица заняты немцами. Это подтвердили и взятые в плен немецкие солдаты. Тогда партизаны выставили заслоны в сторону этих сел. 18 марта 1944 г. гитлеровцы на двух машинах сделали несколько попыток прорваться на станцию, но, встреченные огнем партизан, вынуждены были отойти.

Днем 20 марта в Каменку прорвался молдавский рейдовый партизанский отряд «Советская Молдавия» под командованием полковника Я. А. Мухина. От пленного немецкого солдата командование отряда узнало, что немцы, занимающие села Подойму и Подоймицу, должны прикрыть переправу отступающих фашистских войск в районе Рашкова и уничтожить Каменку. Командование отряда «Советская Молдавия» совместно с местными партизанами, членами подпольного комитета принимают решение сорвать планы гитлеровцев.

Гитлеровцы группами по 60—70 человек неоднократно пытались войти в Каменку, но, неся потери, откатывались на исходные позиции. Утром 23 марта рота гитлеровцев с минометами и большим количеством пулеметов повела нас-

тупление на станцию. Ценою больших потерь им удалось потеснить партизан, ворваться на станцию и подготовить склады зерна к уничтожению. Но в этот напряженный момент к Каменке подошли четыре советских танка. Партизаны под командованием начальника штаба отряда «Советская Молдавия» А. П. Свалова и командира каменского отряда М. Я. Поповского при поддержке одного из танков выбили гитлеровцев со станции и взяли под охрану разминированные партизанами склады. Другая часть партизан отряда «Советская Молдавия» под прикрытием трех танков повела наступление на Подойму и Подоймицу и выбила из них гитлеровцев⁵².

24 марта 1944 г. в Каменку вошли части Красной Армии.

Таким образом, с 5 мая 1942 по 24 марта 1944 г. на территории Каменского района успешно действовал районный подпольный партийный комитет. Возглавив борьбу трудящихся района против фашистских захватчиков и их слуг, партийный комитет проводил большую организаторскую и массово-политическую работу, под влиянием которой население не выходило на работу, портило оборудование, сырье и готовую продукцию, уклонялось от уплаты денежных и натуральных налогов. Члены парткома принимали активное участие в срыве политических и экономических мероприятий врага, а на завершающем этапе создали партизанский отряд, который оказывал непосредственную помощь Красной Армии в быстрейшем освобождении республики от захватчиков. За мужество и стойкость, проявленные в борьбе с фашистами, руководитель Каменского подпольного комитета Я. А. Кучеров, расстрелянный фашистами 19 марта 1944 г. в Рыбницкой тюрьме, был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени, а член парткома, руководитель подпольной типографии М. Я. Поповский — орденом Славы III степени.

Д. ЕЛИН, К. ОЛЕЙНИК

РЫБНИЦКИЙ ПОДПОЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ КОМИТЕТ

В довоенные годы Рыбницкий район являлся одним из передовых в республике: быстро росло хозяйство, увеличивались доходы колхозников, возрастала численность рабочих. Люди стали жить в достатке, ощущали радость свободного труда. Партийная организация района, насчитывавшая около 600 коммунистов, проводила большую организатор-

скую, воспитательную работу, мобилизовывала трудящихся на успешное претворение в жизнь заданий партии.

Как смерч ворвалась в мирную жизнь весть о вероломном нападении фашистской Германии на Страну Советов. Рыбницкий райком партии, наряду с другими мероприятиями, приступил и к подготовке коммунистического подполья для работы в тылу врага. Был подобран состав подпольной партийной организации из четырех коммунистов (секретарь А. И. Ильчук), партизанский отряд (командир З. С. Кошмак)⁵³. Но оставленные в тылу противника патриоты не смогли активно развернуть подпольную работу, тем более, что в первые же дни оккупации был арестован А. И. Ильчук. Положение было тяжелое. Оккупанты свирепствовали, насаждая свой «новый порядок».

Город Рыбница стал уездным центром, поэтому здесь кроме районных находились и уездные административные, карательные и другие органы. Здесь же была расположена и немецкая комендатура. В район возвратились кулаки и другие антисоветские элементы. Периодически появлялись и высокопоставленные чиновники из Бухареста, в том числе глава румынского фашистского правительства И. Антонеску.

Как и в других городах и селах республики, в Рыбнице оккупанты развернули разнузданную антисоветскую пропаганду, используя для этого различные средства, в том числе и религию. С первых дней оккупации в районе стали восстанавливаться и открываться новые церкви. В селе Красненьком и в самом городе под церковь были заняты школьные здания, в селе Жура — клуб. В районе действовало 23 церкви⁵⁴, в которых священнослужители, прибывшие из королевской Румынии, славили фашистскую армию, правительство, предсказывали полный разгром Красной Армии. В районе создавались антисоветские националистические организации. Проводимая оккупантами политика румынизации населения и колонизации захваченных ими советских территорий непосредственно коснулась и жителей Рыбницкого уезда. В 1943 г. началось насильственное выселение украинского населения из ряда сел Рыбницкого уезда — Ержово, Белочи, Михайловка⁵⁵. В сообщении от 8 июня 1943 г. фашистская секретная служба информации сообщила, что «... из Рыбницкого уезда (Транснистрия) было эвакуировано 3000 украинцев, на место которых должны быть поселены румыны с Кавказа»⁵⁶.

Выселение проводилось методами обмана и насилия. Села окружались жандармами, а жителям, подлежащим выселению, предлагалось покинуть дома, взять только то, что

можно было унести на руках. Людей вывозили в район Очакова, где оставляли их под открытым небом. Как признавали сами оккупанты, «эвакуация» была «настоящей трагедией, которую трудно передать словами»⁵⁷

Тяжелым положением «эвакуированных» воспользовались местные фашистские чиновники и духовенство. Например, «священник церкви Вадул-Туркулуй и Белочи Калофетяну вместе с помощниками примаря села Белочи собрали у жителей, намеченных к переселению, вещи (ковры, одеяла, полотенца, подушки и т. д.); пообещав, что за это они будут ходатайствовать перед уездной префектурой об отмене приказа об эвакуации»⁵⁸.

Выселение украинцев вызвало недовольство среди местного населения. Так, в мае 1943 г. в сообщении армейских органов в Бухарест отмечалось: «Местный железнодорожный персонал очень встревожен, люди в отчаянии... при ограниченности нашего паровозного парка, если саботаж и диверсии на управляемых нами дорогах будут совершаться в такой же мере, как и на железнодорожных линиях, управляемых немцами за Бугом, то мы в ближайшее время окажемся в такой ситуации, сложность которой следует уже сейчас предвидеть»⁵⁹. Опасаясь усиления диверсий и саботажа, оккупационная администрация приостановила операции по выселению советских людей.

Во время оккупации на особом положении находилось село Рыбницкого района Большой Молокиш. До Великой Отечественной войны колхоз «Красный Октябрь», созданный в этом селе, был передовым и два года подряд занимал первое место на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. После воссоединения Бессарабии с СССР сюда приезжали делегации крестьян правобережья Молдавии, чтобы воочию убедиться в успехах колхозного строительства. В годы оккупации фашистская администрация решила использовать довоенные достижения колхоза «Красный Октябрь» в целях фашистской пропаганды «нового порядка». Было заявлено, что румыны сделают из села Большой Молокиш показательное село «Транснистрии». Об этом писали фашистские центральные и другие газеты. С лета 1942 г. в селе началось строительство «показательной деревни». Для этой цели ежедневно мобилизовывалось 2000 человек и 1000 подвод в пяти районах: Каменском, Рыбницком, Песчанском, Бирзульском и Кодымском⁶⁰. «Строительство» началось с возведения забора вдоль центральной улицы села и лестницы, ведущей к будущему дворцу префекта. Руководство села — примарь, полицейские и нотариус — являлись выходцами из Румынии.

В связи с наездами в район высокопоставленных лиц румынского фашистского государства и представителей союзников жандармерия, полиция, контрразведывательные органы оккупантов проводили в районе различные охранные и карательные мероприятия. В городе Рыбнице действовали тюрьма для политических заключенных, еврейское гетто, в селе Попенки — лагерь для военнопленных. В акте Рыбницкой районной комиссии по учету фашистских злодеяний от 13 августа 1944 г. записано: «Немецкие оккупационные власти организовали при Рыбницкой тюрьме лагерь, в котором концентрировали (заключали) арестованных ими членов партии, советский актив и еврейское население. Всего за этот период было заключено (по неполным данным) около 3000 человек. Из указанного числа 2731 человек после продолжительных голодовок, массовых истязаний и пыток был уничтожен. Из них расстреляно 1297 человек, сожжено — 240, умерло от голода и истязаний 1194 человека. В числе погибших было 1470 женщин и 350 детей⁶¹.

Один из бывших узников Рыбницкой тюрьмы, член подпольно-патриотической организации с. Слободзея К. П. Цуркан, чудом спасшийся от кровавой расправы, рассказывал: «Обращение с политическими заключенными было еще хуже, чем в Тираспольской тюрьме, хотя трудно представить себе еще более зверское отношение к людям, чем мы испытывали в Тирасполе»⁶².

В таких сложных условиях складывалось и действовало коммунистическое подполье в Рыбницком районе.

Несмотря на лживую фашистскую пропаганду, угрозу и террор, трудящиеся города и района, верные своей социалистической Родине, вели борьбу с фашистскими оккупантами, используя различные формы и методы. Коммунисты, комсомольцы, советские патриоты, оказавшиеся в оккупации, предпринимали попытку в одиночку или сообща с близкими людьми действовать против захватчиков. Стремление прежде всего знать правду о положении на фронтах войны натолкнуло бывшего работника республиканских киноремонтных мастерских Захара Авдеевича Клищевского, находившегося в родном с. Ержово, на мысль изготовить радиоприемник. Вскоре приемник был собран и З. А. Клищевский стал слушать голос родной Москвы. Полученными новостями он начал делиться с близкими знакомыми, соседями, которым доверял. После проведенных в селе арестов, в том числе и ареста его отца, З. А. Клищевский переехал в Рыбницу, где встретился с некоторыми коммунистами, которые искали возможность слушать советские передачи. «В Рыбнице,—

вспоминает З. А. Клищевский, — я встретился со своим бывшим соучеником Погребным Николаем, который познакомил меня с Баланом Анатолием. Мы договорились о необходимости радиосвязи с Москвой и о распространении сводок Совинформбюро среди населения. Для этой цели я перенес свой радиоприемник и установил его на квартире А. И. Балана»⁶³.

С радостью и большим волнением патриоты слушали передачу из Москвы в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Почти дословно они сумели записать выступление Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина на военном параде в Москве. В этот же день А. И. Балан и З. А. Клищевский поделились радостной вестью, принятой ими из столицы нашей Родины, с близкими и верными людьми, а те, в свою очередь, передавали новость дальше. В те дни на лицах многих жителей Рыбницы можно было увидеть улыбки: советские люди услышали правду, которая вселяла веру в непобедимость Красной Армии, веру в свой народ, свою партию.

Анатолий Игнатьевич Балан родился в 1912 г., молдаванин. До войны закончил рабфак, учился в Тираспольском пединституте, прошел службу в рядах Красной Армии, а демобилизовавшись в феврале 1941 г., работал директором Попенской неполносредней школы. В годы оккупации — активный организатор и участник коммунистического подполья в Рыбнице. В своих воспоминаниях он пишет: «... Радиотехник Клищевский установил у меня на квартире радиоприемник. Мы стали принимать сводки Советского информбюро. Материалы аккуратно записывались, переписывались и всякими путями распространялись среди населения. За сводками и материалами приходили из сел Жура, Колбасна, Андреевка, Выхватинцы, Гидирим и других... Немецкой хвастливой пропаганде мы противопоставляли правдивые советские данные о положении на фронтах»⁶⁴.

С сентября 1941 г. до освобождения района в конце марта 1944 г. З. А. Клищевский обеспечивал работу радиоприемника. Это было сопряжено с большими трудностями и опасностью. Поэтому место нахождения приемника менялось. В первые три месяца он находился в с. Ержово, затем (с ноября 1941 г. по март 1944 г.) в г. Рыбнице. Его прятали в доме А. И. Балана, в здании школы, в кинотеатре, на квартире у местного врача В. Г. Науменко, в прачечной больницы и других местах. Патриоты прилагали все усилия, чтобы сохранить приемник, так как это был единственный источник правдивой информации. А. И. Балан вместе с И. И. Деревичем, знав-

шим хорошо молодежь района, распространяли услышанные новости. Коммунист И. И. Деревич до войны работал пионервожатым средней школы с. Большой Молокиш, заведующим отделом школ и пионеров райкома комсомола, а с сентября 1940 г. — секретарем Страшенского райкома ЛКСМ Молдавии. Он был знаком со многими местными жителями, так как несколько лет жил в своем селе Выхватинцы Рыбницкого района, а затем и в самом городе Рыбнице.

Весной к ним присоединился Василий Иванович Рыбалко, коммунист с 1932 г., бывший заведующий военным отделом Лосиновского райкома партии Черниговской области УССР. До войны он служил в Красной Армии, участвовал в боях с белофиннами, а когда началась Великая Отечественная война, Василий Иванович был заместителем командира истребительного батальона. Вместе с партийным активом Лосиновского района он эвакуировался, но попав в окружение и получив ранение, был взят в плен. При отправке эшелона в Германию бежал и в ноябре 1941 г. добрался к родственникам в с. Попенки Рыбницкого района. Немного окрепнув после ранения, он переехал в Рыбницу, устроился на работу сторожем водопровода и постепенно стал знакомиться с местными патриотами, коммунистами, которые по разным причинам оказались на оккупированной врагом территории.

Победа советских войск под Сталинградом укрепляла веру в разгром фашистских полчищ, поднимала трудящихся оккупированных районов на более активную и решительную борьбу с врагом. Коммунисты Рыбницкого, как и других районов Молдавии, несмотря на постоянные преследования, террор, искали возможности организоваться и сообща бороться с оккупантами. По инициативе В. И. Рыбалко 5 мая 1943 г. в г. Рыбнице был создан подпольный партийный комитет Рыбницкого района в составе секретаря Рыбалко Василия Ивановича и членов комитета Балана Анатолия Игнатьевича и Деревича Ивана Ивановича. В протоколе № 1 закрытого заседания коммунистов от 5 мая 1943 г. записано: «С сегодняшнего дня считать наличие в Рыбнице партийной подпольной организации, работающей по Уставу и Программе ВКП(б)»⁶⁵.

Это было организационное заседание, положившее начало созданию и деятельности Рыбницкого подпольного партийного комитета, под руководством которого патриоты вели борьбу против фашистских захватчиков вплоть до освобождения района Красной Армией в марте 1944 г. На этом же заседании рассматривался вопрос об изучении и привле-

чении людей для подпольной борьбы. В принятом постановлении записано: «Изучая людей, привлекать лучших патриотов в подпольную организацию»⁶⁶.

Немного позднее, 27 мая 1943 г., после рассмотрения вопроса «О введении новых членов в комитет» было решено ввести в состав подпольного комитета коммунистов Андрея Семеновича Плугаря и Ивана Сельвестровича Челпана. Оба были уроженцами г. Рыбницы, приняты в члены партии незадолго до начала войны. В мирное время А. С. Плугарь работал начальником пожарной охраны города, И. С. Челпан — бухгалтером колхоза им. К. Е. Ворошилова, затем бухгалтером Рыбницкого районного земельного отдела.

Первоочередной задачей подпольного партийного комитета было проведение среди трудящихся района разъяснительной и агитационной работы, направленной на срыв политических, экономических и военных мероприятий оккупантов, а также организация диверсий и подготовка к встрече Красной Армии. «Вся агитационная работа,— указывается в отчете комитета,— преследовала цель: срыв тех мероприятий, которые проводили румыно-немецкие захватчики»⁶⁷. Политическая работа членов комитета среди населения проводилась в форме устных бесед, разъяснений и распространения листовок.

Для организации работы в пределах всего района партийный комитет закрепил своих членов за селами. И. С. Челпану было поручено проводить работу в селах Андреевка и Буськи, А. И. Балану — в селах Ержово и Колбасна, И. И. Деревичу — в Выхватинцах, А. С. Плугарю — в Попенках. На заседании комитета 8 июня 1943 г. были заслушаны отчеты членов комитета о работе по установлению связи с селами. Все члены комитета сообщили, что с селами связь установлена, и назвали имена связных по каждому селу⁶⁸. Несколько позже, готовясь к созданию сельских подпольных ячеек, комитет назначил своих представителей, агитаторов в селах Андреевка, Белочи, Большой Молокиш, Попенки, Воронково, Жура, Колбасна, Буськи, Выхватинцы, Ержово, Гидирим, Мокра, Станиславка, Александровка, Зозуляны и в поселок Прогресс, то есть в большинство сел района. По указанию комитета в этих селах были подобраны преданные люди и проводилась большая работа по созданию подпольных ячеек, групп, по сколачиванию вокруг них актива. В селе Большой Молокиш, например, подпольная ячейка состояла из 6 человек и имела актив из 7 человек⁶⁹. Как указывает секретарь подпольного партийного комитета В. И. Рыбалко в своем отчете, написанном в мае 1944 г.

и направленном в Рыбницкий райком партии, в партийной организации в годы оккупации насчитывалось 29 членов и 37 человек актива⁷⁰. Они представляли не только г. Рыбницу, но и многие села Рыбницкого района. Сельские ячейки и группы возглавляли коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты. Через них партийный комитет охватывал своим влиянием почти все села района, проводил разъяснительную работу, организовывал массовый срыв мероприятий оккупантов.

Основным источником информации о положении на фронтах, как уже говорилось, были радиоприемники. Подпольщики располагали двумя радиоприемниками. Один находился на квартире врача К. А. Василенко, другой, собранный З. А. Клищевским еще в 1941 г., переносился в разные места.

Принимаемые сообщения Совинформбюро чаще всего распространялись в устной форме. Вместе с тем в отчетах членов комитета, в ряде воспоминаний участников подполья, тех, кто им помогал, указано, что содержание сводок Совинформбюро излагалось и в листовках, которые распространялись среди населения. Листовки содержали также призывы саботировать запись в фашистскую армию, тормозить сбор урожая 1943 г., препятствовать вывозу материальных ценностей. «Перед советскими праздниками 1 Мая, Великой Октябрьской социалистической революции,— писал в своем отчете В. И. Рыбалко,— комитет утверждал текст написанных листовок, воззваний к народу и солдатам румынской армии»⁷¹. В другом документе он указывал: «В городе Рыбнице лично мною, Баланом, Челпаном, Деревичем и др. разбрасывались листовки с обращением к румынским солдатам сдаваться в плен и не вести войну против Красной Армии»⁷². В районе распространялись также листовки, отпечатанные Каменской подпольной типографией, которые поступали через А. И. Балана, и воззвания, листовки, сброшенные с советских самолетов.

13 июля 1943 г. комитет обсуждал вопрос «Об уборочной кампании». Главное внимание было обращено на дезорганизацию работы во время уборки, чтобы оккупантам досталось как можно меньше хлеба. Под влиянием разъяснительной работы подпольщиков колхозники срывали уборку урожая, зачастую выводили из строя технику, расхищали горючее, предназначенное для сельскохозяйственных работ. Все это затягивало уборку и обмолот зерна, вывоз его в фашистскую Румынию. Колхозники также увозили тайком и прятали обмолоченное зерно.

Члены партийной ячейки села Большой Молокиш вывели

из строя молотилку, трактор, организовали раздачу зерна колхозникам⁷³. Коммунист П. Ф. Лужанский, работая кузнецом, организовывал поломку техники, совместно с бригадиром тракторной бригады выводил из строя тракторы, работавшие на обмолоте. В результате ко дню освобождения в скирдах не обмолоченным осталось большое количество урожая 1943 г.⁷⁴

Осенью 1943 г., в связи с успешным наступлением Красной Армии, оккупационные власти, опасаясь, что придется в скором времени оставить оккупированную ими территорию, решили прекратить озимый сев, надеясь тем самым создать серьезные трудности с продовольствием в случае прихода Красной Армии. Семенное зерно оккупанты решили вывезти.

Перед подпольным партийным комитетом встала задача срыва и этого мероприятия оккупантов. В села для разъяснительной работы были направлены агитаторы и члены комитета. В трудных условиях оккупационного режима с большой осторожностью патриоты выполняли задание комитета, разъясняли людям смысл тех мер, которые предпринимали оккупанты. И несмотря на запреты местных оккупационных властей, сельские труженики района производили осенний сев. Как видно из докладной записки секретаря Рыбницкого райкома партии от 12 апреля 1944 г. на имя секретаря ЦК КП(б) Молдавии, в районе было засеяно 11 188 га озимой пшеницы и 1292 га озимой ржи⁷⁵.

При непосредственном участии подпольного партийного комитета проводилась и работа по сохранению скота в районе. С ноября 1943 г. оккупанты приступили к массовой переправке его через Днестр и вывозу в фашистскую Румынию. Необходимо было помешать этому грабежу. Зная, что оккупанты строго следят за тем, чтобы через Днестр переправляли только здоровый скот, партийный комитет поручил ветврачу создать видимость эпидемических заболеваний скота, организовать карантин в местах, отдаленных от переправы, с тем чтобы по возможности сохранить скот до прихода Красной Армии. Кроме того, предполагалось значительную часть крупного рогатого скота и овец раздать колхозникам.

В результате принятых мер ко дню освобождения в Рыбницком районе было сохранено от вывоза 3500 лошадей, 979 голов крупного рогатого скота, около 1500 овец⁷⁶.

Организующая роль подпольного партийного комитета проявилась в большой работе, проводимой патриотами района, по предотвращению вывоза в фашистскую Румынию

сельскохозяйственной техники и другого оборудования. Было сохранено 20 тракторов, оборудование маслосырзавода, радиоузла, стационарная звуковая киноаппаратура, несколько комплектов передвижной киноаппаратуры и др. Киномеханикам удалось сохранить от уничтожения ряд кинолент, в том числе фильмы «Ленин в Октябре», «Салават Юлаев», киножурнал «Пионерия».

После освобождения города Рыбницы от немецко-румынских оккупантов киноаппаратура была смонтирована и успешно использовалась в городском кинотеатре. Один комплект передвижной киноаппаратуры был передан вместе с фильмом «Ленин в Октябре» и журналом «Пионерия» 232-му гвардейскому полку 80-й дивизии. Вместе с гвардейцами кинофильм «Ленин в Октябре» шагал по Европе до победы, о чем было сообщено в газете Одесского военного округа «Защитник Родины» 22 апреля 1966 г.

За сохранность государственного имущества кинофикации в период немецко-румынской оккупации З. А. Клищевский в сентябре 1967 г. был награжден Почетной грамотой Государственного комитета Совета Министров МССР по кинематографии⁷⁷.

Большую работу проводила партийная организация и по сохранению имущества промышленных предприятий. Несмотря на попытки оккупантов вывести из строя оборудование некоторых предприятий, полностью осуществить это им не удалось, и уже через несколько дней после освобождения города были восстановлены две печи на известковом заводе, а на предприятии «Сахкамень» к 20 апреля началась добыча камня. Вскоре были пущены в ход мельницы, маслобойки, водопровод⁷⁸.

Понеся большие потери летом 1943 г., оккупанты решили пополнить свою армию за счет местных жителей. Началась широкая кампания среди населения оккупированных районов. Рыбницкий партийный комитет, обсудив этот вопрос на своем заседании 8 июля 1943 г., решил воспрепятствовать фашистам в их гнусном деле. В постановлении заседания комитета было записано: «Обязать всех членов комитета объяснять населению, что означает армия Власова»⁷⁹. В результате проведенной работы эта фашистская кампания по сути также провалилась, как, впрочем, и в других районах Молдавии.

Осенью 1943 г. Красная Армия начала освобождение Правобережной Украины. Близился час освобождения и территории Молдавии. С целью оказания вооруженной помощи наступающим войскам по решению партийного коми-

тета была создана боевая группа, в состав которой вошли члены комитета, актив⁸⁰. Командиром группы был утвержден Степан Мартынович Грищенко. Член партийного комитета А. И. Балан в одном из своих писем, направленном в ЦК КП Молдавии в марте 1960 г., сообщал, что ночью у него на квартире до 20 человек членов этой боевой группы приняли присягу. «На это время,— указывает А. Балан,— Грищенко расставил охрану автоматчиков. Текст присяги читал Грищенко, а все повторяли, и после ее принятия Грищенко дал указание, кому и чем заняться, выделил связных и велел разойтись»⁸¹. Боевая группа под командованием С. М. Грищенко оказала активную вооруженную помощь Красной Армии в освобождении г. Рыбницы.

Деятельность Рыбницкого подпольного комитета была разнообразной и определялась конкретной обстановкой. Когда в марте 1944 г. на территорию района была заброшена группа разведчиков 2-го Украинского фронта и В. И. Рыбалко стало известно, что разведчики нуждаются в помощи, немедленно были приняты меры предосторожности и созданы условия для работы советских разведчиков. Члены комитета организовали перевозку разведчиков и радиопаратуры на подготовленную конспиративную квартиру. Перевозка разведчиков и рации была поручена члену комитета А. С. Плугарю. Он получил подводу с хорошими лошадьми, соответствующие документы. Забрав разведчиков и рацию, А. С. Плугарь возвращался на отведенную для них квартиру. Но на пути неожиданно повстречались немцы и румыны. Они потребовали лошадей и подводу, так как у них была слабая лошадь и разбитая двуколка. Разведчики насторожились, незаметно приготовили оружие, но А. С. Плугарь, проявив самообладание, попросил их пересест в двуколку, а сам вместе с охапкой соломы перенес мешок с рацией. В темноте фашисты ничего не заметили. Разведчики и рация были благополучно доставлены в назначенное место.

Уже после окончания войны, в июне 1945 г., бывший разведчик М. Е. Рыбак сообщил в партийные органы Молдавии: «В марте 1944 г. я получил специальное задание от штаба 2-го Украинского фронта по работе в тылу противника. С этой целью я был выброшен в Рыбницкий район. В г. Рыбнице примерно 15 марта 1943 г. я познакомился с В. И. Рыбалко и С. М. Грищенко. При моем знакомстве с упомянутыми лицами Рыбалко отрекомендовался секретарем подпольной Рыбницкой парторганизации, а Грищенко рекомендовал себя за командира партизанской группы. В последующих встречах я рассказал о цели своего пребыва-

ния и впоследствии Рыбалко доставлял мне сведения о передвижении военных эшелонов и численности войск Рыбницкого гарнизона, а также о передвижениях частей противника в округности Рыбницы»⁸².

В исключительно сложной обстановке члены комитета В. И. Рыбалко, А. И. Балан, А. С. Плугарь и другие подпольщики собирали разведданные, доставляли их М. Е. Рыбаку для передачи в штаб фронта. «Я ходил на станцию Рыбница,— писал в ноябре 1944 г. А. И. Балан,— и узнавал, какие эшелоны, куда и с чем движутся. В военном городке я считал численность находившейся артиллерии, стоял около переправы с часами и считал, сколько прошло войск через переправу. С добытыми данными приходил к Рыбалко и передавал последнему. Рыбалко собирал подробные сведения от других и передавал в общем итоге Рыбаку в поселок»⁸³.

Одним из направлений в работе комитета была организация посильной помощи политзаключенным Рыбницкой тюрьмы, где томились советские активисты, подпольщики, патриоты, которые не хотели мириться с оккупантами, боролись с ними доступными им способами и средствами. Тяжелая участь постигла их. 19 марта 1944 г., незадолго до оставления оккупантами г. Рыбницы, фашистские каратели, указывается в акте Рыбницкой районной комиссии, «прошли по всем камерам, расстреляли всех арестованных политзаключенных и двери камер закрыли на замки. Через некоторое время комендант тюрьмы Валуца Пантелей с частью немецких головорезов добили тяжелораненых заключенных»⁸⁴.

Из горящей тюрьмы чудом вырвались семь тяжело раненых и обгоревших человек. Подпольщики оказали им медицинскую помощь, обеспечили одеждой, питанием и прятали их до освобождения города Красной Армией. Среди спасенных оказался Кирилл Цуркан — руководитель подпольной комсомольско-молодежной группы с. Слободзея, осужденный фашистским судом к 25 годам каторжных работ. Вот что сообщил очевидец этих фашистских злодеяний 5 апреля 1944 г.: «За 10 дней до освобождения Рыбницы частями РККА в тюрьме начались повальные расстрелы политических заключенных... 19 марта 1944 г. мы слышали со второго этажа тюрьмы (наша камера была в подвальном этаже) выстрелы и душераздирающие крики (там находились женщины) и поняли, что наших советских людей фашистские звери расстреливают. Потом выстрелы и крики приблизились — это расстреливали политзаключенных, на-

ходившихся на первом этаже. Чувствуя приближение своего конца, фашисты озверели. Смерть стояла уже за дверью нашей камеры. Мы явственно слышали, как в соседней камере открыли массивную дверь. Вслед за этим мы услышали автоматные очереди и душераздирающие крики. Потом то же повторилось в камере, расположенной против нашей... Сердца наши обливались кровью и замирали в ожидании приближающейся мучительной смерти. Наконец очередь дошла до нашей камеры. Звякнул засов, и дверь отворилась.

За дверью стояло несколько вооруженных человек. Нам приказали повернуться спиной к двери. Я быстро выполнил это приказание и упал. В следующий момент я услышал выстрелы. Притворившись мертвым, я лежал так до тех пор, пока убийцы не удалились. Тогда я поднялся и глазам моим предстала жуткая картина. Пять моих товарищей по камере были мертвы, а один — Химич Димитр — был тяжело ранен. Несмотря на рану в ногу и сильное кровотечение, я пытался оказать ему помощь... На рассвете немцы подожгли тюрьму, и наша камера наполнилась едким дымом. Вдруг я услышал шаги и через волчок увидел моего земляка, сидевшего через 4 камеры от меня... Он взломал ломиком замок моей камеры. Я вышел из камеры и с помощью моего земляка Вламова Андрея вынес Химича в коридор. По лестнице, окутанной дымом, мы вынесли его на второй этаж. Здесь мы встретили несколько человек, спасшихся от расстрела, и с их помощью через окно, из которого выпала решетка, спустились во двор. Но тюрьма была оцеплена немцами, и нам пришлось войти снова в горящее помещение. Так, прячась за завесой дыма и огня от немцев, мы дождались ночи. На мне обгорела одежда и кожа на плечах и ногах. Несколько человек, не вытерпев этих мук, вышли до наступления ночи из горячей тюрьмы, но были расстреляны. Ночью мне и еще шести политзаключенным удалось выбраться за пределы тюрьмы. Всю ночь мы, раздетые, продрогшие, провели в склепе на кладбище тюрьмы. Утром один из нас — Балан Анатолий — пробрался к своей родственнице Балан Ефросинье, которая согласилась нас перепрятать у себя»⁸⁵.

Так погибли советские люди от рук озверевших палачей и убийц. Но справедливое возмездие наступило. Уже в послевоенные годы каратели предстали перед советским судом и получили по заслугам.

29 марта 1944 г. город Рыбница был освобожден Красной Армией. Все те, кто скрывался, действовал в подполье, вышли на улицы израненного города. Советские люди актив-

но включились в восстановительные работы, оказывали помощь фронту, вливались в ряды действующей армии. По-разному сложилась и судьба членов подпольного партийного комитета. Секретарь комитета В. И. Рыбалко был направлен на работу в Оргеевский уездный исполнительный комитет, А. И. Балан работал заведующим районо, А. С. Плугарь — начальником пожарной охраны г. Рыбницы, И. С. Челпан и И. И. Деревич были мобилизованы в действующую армию и сражались на фронтах войны. Всех их в тяжелые годы оккупации объединяла священная любовь к своей Отчизне, стремление бороться с ненавистным врагом. По своей инициативе они создали подпольный партийный комитет, который через партийные ячейки мобилизовывал трудящихся района — преданных советских патриотов — на борьбу против фашистских поработителей.

И. ЛЯШКО, К. ОЛЕЙНИК

КИШИНЕВСКАЯ МЕЖРАЙОННАЯ ПОДПОЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В ночь с 16 на 17 июля 1941 г. немецко-румынским фашистским полчищам после ожесточенных боев удалось захватить г. Кишинев. Жители столицы республики, познавшие преимущества социалистического строя, великую силу дружбы народов СССР, встретили оккупантов с негодованием, с желанием бороться против захватчиков, принесших террор, насилие и несправедливость. В Кишиневе, ставшем центром губернаторства «Бессарабия», были сосредоточены различные административные и военные органы оккупантов. Военное командование, губернатор, примарь многочисленными распоряжениями установили для жителей города всевозможные ограничения и запреты. Как правило, приказы кончались словами: «За нарушение — смертная казнь». ✱

Опьяненные своими сумасбродными идеями, фашисты, попирая всякие нормы и понятия человеческой морали, проводили в жизнь планы массового истребления и ограбления советского народа. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные документы, в том числе и материалы состоявшегося в Кишиневе в декабре 1947 г. судебного процесса над группой немецко-румынских фашистских головорезов. В те дни газеты «Советская Молдавия», «Молдова Сочиа-

листэ» освещали ход и результаты этого процесса. Нельзя читать без содрогания показания тех, кто подвергался пыткам и издевательствам, свидетелей и родственников замученных кишиневцев. В числе подсудимых был и немецкий фашистский генерал фон Девиц-Кребс, который одно время был комендантом Кишиневского гарнизона. Только за три месяца его пребывания в должности коменданта в Кишиневе и прилегающих к нему населенных пунктах было замучено, расстреляно и сожжено свыше 2 тыс. человек⁸⁶. Охота за людьми в Кишиневе была обычным делом. Уже после освобождения города Чрезвычайной государственной комиссией было установлено, что в годы немецко-румынской оккупации в Кишиневе было расстреляно и замучено 19 787 мужчин, женщин, детей, стариков; 9 439 человек было угнано в фашистское рабство⁸⁷. История не знала такого варварства, какое творили на территории СССР гитлеровские фашисты.

Сложившаяся обстановка чрезвычайно затрудняла организацию в городе коммунистического подполья, тем более, что оставленные партийными и советскими органами подпольные организации и группы понесли тяжелые потери или были разгромлены. К тому же Кишинев оказался в глубоком тылу противника, а предпринятые ЦК КП(б) Молдавии меры по налаживанию связи с патриотами оказались безуспешными. Однако, несмотря на все эти трудности, столица Молдавии г. Кишинев оставалась непокоренной. Менялись формы борьбы и ее участники, но сопротивление оккупантам было постоянным. Важнейшим импульсом активизации подпольной борьбы в Кишиневе, как и в других городах и районах Молдавии, являлись блестящие победы Красной Армии под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге и др.

С мая 1942 по июнь 1944 г. в Кишиневе действовала одна из наиболее многочисленных в республике подпольно-патриотическая межрайонная организация, возникавшая по инициативе местных жителей г. Кишинева и близлежащих сел. История ее возникновения, героическая борьба членов организации в глубоком подполье являются убедительным доказательством, разоблачающим лживые утверждения буржуазных и иных фальсификаторов, пытающихся убедить общественность в том, что трудящиеся Молдавии восприняли фашистскую оккупацию как должное и смирились с захватчиками. Нет, не смирились жители столицы Молдавии с насилием, политическим бесправием, с фашистской идеологией расизма и человеконенавистничества. Они объе-

динялись в подпольные группы, которые в меру своих возможностей разоблачали фашистскую пропаганду, оккупационную политику, информировали население о положении на фронте, мобилизовывали его на активную борьбу с фашистами.

Кишиневская организация формировалась постепенно, на основе возникших в городе и близлежащих селах подпольных ячеек и групп. Еще с осени 1941 г. независимо друг от друга большую работу по сплочению советских патриотов стали проводить житель г. Кишинева, рабочий Бачу Григорий Николаевич, учащийся Кишиневской школы виноградарства Москалюк Дмитрий Иванович, сельские жители Дораш Николай Васильевич, Савчук Макар Георгиевич, Савин Максим Карпович и др. Они действовали по своей инициативе, движимые чувством патриотизма, любви к социалистической Родине. Первая подпольная группа была создана в мае 1942 г. Н. Г. Бачу, который работал в небольшой слесарной мастерской, что давало ему возможность встречаться со знакомыми. К нему приходили рабочие, учащиеся индустриальной школы, с которыми он был знаком еще в довоенные годы. Желая знать действительное положение дел на фронте, он соорудил самодельный радиоприемник и вечерами вместе со своими товарищами слушал передачи из Москвы. Получаемые сообщения устно распространяли среди доверенных лиц, знакомых и близких. Так, в мае 1942 г. возникла подпольная группа, в которую вначале вошли Н. Г. Бачу (руководитель), В. Г. Горбатков, П. Г. Гушан, Т. Л. Стукалов, а спустя несколько месяцев еще четыре патриота — Ф. Х. Думби, А. Г. Жигня, П. Я. Омельченко; И. С. Цуркан. Это были в основном рабочие различных предприятий города, преданные Советской власти люди, готовые бороться против немецко-румынских фашистских оккупантов. Члены группы проводили разъяснительную работу среди населения, что было сопряжено с большим риском и опасностью. В конце 1943 г. группа вошла в состав Кишиневской межрайонной подпольной организации.

Работу по выявлению и сплочению патриотов в Кишиневе, селах Лапушнянского и Оргеевского уездов проводил Н. В. Дораш. «Еще в детстве,— пишет Николай Васильевич в своей автобиографии,— я получил от отца политическое воспитание в духе ненависти к богачам и угнетателям»⁸⁸. В довоенное время он участвовал в подпольном комсомольско-молодежном движении в оккупированной Бессарабии. Когда же в крае была восстановлена Советская власть, Н. В. Дораш был членом исполкома Кожушнянского сельского Совета, принимал активное участие в работе по

коллективизации крестьянских хозяйств. Во время учебы в Кишиневском сельскохозяйственном институте Н. В. Дораш был избран членом профкома, в период подготовки к выборам в Верховный Совет Молдавской ССР стал агитатором. С приходом оккупантов молодой патриот встал на путь борьбы против захватчиков, активно включился в нелегальную работу. Он связался со своими друзьями, которым доверял, беседовал с ними, готовил людей для подпольной борьбы. Под его руководством в феврале 1943 г. была создана подпольная ячейка, в которую кроме него вошли Д. И. Москалюк, И. Г. Епуре, М. Г. Епуре, М. М. Руфуля. Ячейка явилась основой созданного немного позже руководящего органа организации в целом — подпольного комитета. «Я привез в Кишинев,— вспоминал Н. В. Дораш,— имевшиеся в Кожушне книги для того, чтобы члены организации могли обогатить свою память политическими знаниями, ленинскими идеями. У меня было 50 политических книг»⁸⁹.

Деятельное участие в создании сельских подпольных ячеек принимал Д. И. Москалюк. При отступлении частей Красной Армии он вместе с коллективом Кишиневской школы виноградарства эвакуировался в глубь страны, но, попав в окружение, вернулся домой. Д. И. Москалюк искал единомышленников, чтобы включиться в борьбу против ненавистных оккупантов. Бывая в своем родном селе Булаешты и других селах — Мырзач, Мырзешты Оргеевского уезда,— он проводил разъяснительную работу среди надежных людей, предлагая им организованно выступать против фашистов. «В конце 1941 г.,— вспоминает И. Г. Епуре,— он пришел ко мне и принес одну листовку, сброшенную, видно, с самолета, в которой Коммунистическая партия и Советское правительство призывали народ Молдавии на борьбу против фашизма путем создания на молдавской территории подпольных организаций и партизанских отрядов»⁹⁰. Летом 1942 г. Д. И. Москалюк познакомился с Н. В. Дорашем, и они вместе стали более целенаправленно вести разъяснительную работу среди населения, организовывать подпольные ячейки, спланировать советских людей для борьбы с оккупантами.

В селах Верхняя Жора, Нижняя Жора, Лопатна, Гиждияны, Березложы Оргеевского уезда разъяснительную работу среди жителей проводили М. К. Савин и М. Г. Савчук, которые, как и многие другие преданные Советской власти люди, восприняли фашистскую оккупацию как большую народную трагедию и были готовы в любое время вступить в активную подпольную деятельность. Они хорошо знали

местных жителей, знали, кому можно довериться, с кем можно вести откровенные беседы.

Желание патриотов объединиться в подпольную организацию было осуществлено 28 сентября 1943 г. в доме Георгицы Агриппины Андреевны (Остаповский переулок, 24), где собрались инициаторы подпольного движения. На заседании был избран Кишиневский подпольный комитет, в состав которого вошли И. Д. Бардотзи, Н. В. Дораш, Д. И. Москалюк и др. Перед членами комитета была поставлена задача привлечения в организацию новых патриотов и организационного оформления ячеек в Кишиневе и прилегающих селах⁹¹.

Создание комитета с центром в Кишиневе способствовало более четкому определению задач подпольщиков, форм и методов борьбы, усиливало организованность и активность участников подполья. Подпольная организация постепенно росла за счет патриотов, добровольно изъявивших желание участвовать в подпольной работе и тем самым приблизить час победы над врагом. Их искреннее желание включиться в борьбу против фашистов имело глубокие корни: во-первых, многие из членов организации участвовали в подпольном движении против бояро-румынских оккупантов еще до 1940 г., имели уже определенный опыт и в условиях фашистской оккупации они продолжали борьбу; во-вторых, и это главное, познав свободную, счастливую жизнь при Советской власти, трудящиеся правобережной Молдавии не желали жить в условиях эксплуатации и угнетения. Примечательно, что в подпольное движение активно включалась молодежь. Юноши и девушки, перед которыми Советская власть открыла широкие возможности работать, учиться, не хотели возврата старых порядков; в-третьих, среди патриотов, вступивших на путь борьбы против захватчиков, было немало лиц, которые в предвоенном году являлись советскими активистами. После воссоединения Бессарабии с СССР они включились в проведение социалистических преобразований на молдавской земле, верили Советской власти, и, несмотря на преследования со стороны фашистских оккупантов, их карательных органов, стремились объединиться, организовать массы на борьбу с захватчиками.

Основные задачи созданной подпольно-патриотической организации носили, как об этом писали сами оккупанты, «исключительно политический характер»⁹²: создание широкой сети подпольных ячеек в городах и селах Молдавии, особенно в Кишиневе, Оргеевском и Лапушнянском уездах; выпуск и распространение листовок; сбор и хранение ору-

жия; подготовка вооруженного выступления и помощь Красной Армии в освобождении Кишинева.

После первого заседания члены комитета побывали в ряде сел с целью объединения в ячейки уже подготовленных для подпольной работы людей и вовлечения свежих сил. Н. В. Дораш ездил в село Башканы, где создал подпольную ячейку, Д. И. Москалюк побывал в селах Булаешты, Мырзач, Мырзешты и также организационно оформил несколько ячеек, другие члены комитета встретились с верными людьми в селах Гыртопул-Маре и Гыртопул-Мик.

18 октября 1943 г. в Кишиневе, на квартире у М. Г. Епуре состоялось второе заседание подпольного комитета, на котором обсуждались вопросы: отчеты членов комитета о проделанной работе, предложение секретаря комитета о подборе человека для совершения диверсии — взрыва моста в Унгенах или Бендерах, довыборы состава комитета и др.⁹³ С отчетом о своей работе выступили Н. В. Дораш и Д. И. Москалюк. Они рассказали о встречах и беседах с сельскими жителями, их настроении, поставили в известность комитет о том, что ими создан ряд подпольных ячеек в селах Оргеевского уезда. На этом заседании дополнительно в состав комитета был избран И. Г. Епуре.

Третье заседание комитета проходило спустя 10 дней — 28 октября 1943 г. — также на квартире у М. Г. Епуре. Перед членами комитета была поставлена конкретная задача — проведение разъяснительной работы среди солдат румынской армии. Кроме того, члену комитета Н. В. Дорашу было дано задание познакомиться с патриотами, подготовленными Д. И. Москалюком, для вовлечения их в подпольную работу, так как возникли опасения, что Д. И. Москалюк будет мобилизован в армию.

Выполняя это решение комитета, Н. В. Дораш совместно с Д. И. Москалюком в тот же день выехали в села Оргеевского уезда, где провели большую организационную работу. Помимо созданных ранее ячеек они организовали ряд новых. В этом им активно помогали М. Г. Савчук из села Булаешты, Д. В. Дорош из села Мырзач, М. К. Савин из села Верхняя Жора. В результате были оформлены три подпольные ячейки в селе Булаешты, две в селе Верхняя Жора, по одной в селах Нижняя Жора, Гиждияны. Теперь возникла необходимость координации действий сельских ячеек. С этой целью было решено создать в Булаештах подпольный комитет.

29 октября 1943 г. в доме Д. И. Москалюка собрались руководители ячеек и два члена Кишиневского подпольного

комитета — Н. В. Дораш и Д. И. Москалюк. На этом заседании был избран Булаештский подпольный комитет в составе 6 человек — М. Г. Савчук, М. К. Савин, Д. В. Дорош, Г. В. Кишларь, С. Г. Плешко и Г. Ф. Смокин. Секретарем комитета был избран М. Г. Савчук, техническим секретарем — М. К. Савин, связным между комитетом и ячейками — Г. В. Кишларь⁹⁴.

Булаештский комитет являлся организационной структурной частью Кишиневского подпольного комитета. В его задачу входило вовлечение сельских жителей в подпольные ячейки, разъяснительная работа среди крестьян, сбор оружия, диверсионные действия против оккупантов. Создание Булаештского комитета дало возможность более оперативно направлять деятельность ячеек, усилить агитационную работу. Связь с Кишиневским комитетом была постоянной, информация шла через членов комитета.

Работа по созданию подпольных ячеек продолжалась и в последующее время. В конце декабря 1943 г. ячейка возникла в селе Кожушна Лопушнянского, в январе 1944 г. — в селе Лопатна Оргеевского уездов. К подполью, таким образом, приобщались новые люди, расширялись возможности для активных действий организации в целом.

Кишиневский подпольный комитет руководил помимо Булаештского комитета пятью городскими, 13 сельскими группами и ячейками, которые насчитывали в своем составе 75 членов организации и 19 человек, оказывавших помощь и содействие в работе. Это была наиболее многочисленная подпольно-патриотическая организация в правобережной Молдавии, возникшая в глубоком тылу противника по инициативе местных жителей. По своей организационной структуре она была межрайонной, по целям и задачам — политической организацией. Она строила свою работу, руководствуясь лозунгами и указаниями коммунистической партии, использовала опыт подпольной работы, накопившийся в годы бояро-румынской оккупации Бессарабии. В ее состав входило 59 молдаван, 13 русских, 20 украинцев, 2 еврея. Социальный состав организации выглядел так: 27 рабочих, 34 крестьянина, 9 учащихся, 24 служащих, домохозяек и др. Эти данные убедительно свидетельствуют об интернациональном характере кишиневской организации, охвате подпольем различных слоев населения. Они подтверждают тот бесспорный факт, что в годы Великой Отечественной войны дружба народов СССР была важнейшим фактором победы на фронтах и в тылу врага.

Основным направлением деятельности организации яв-

лялась политическая работа среди населения. Она проводилась в устной форме и путем распространения листовок. Организация располагала определенными техническими средствами — пишущей машинкой, шапирографами, фотоаппаратами и радиоприемниками. Это давало возможность подпольщикам размножать листовки собственными силами. Вместе с тем они распространяли и листовки, сбрасываемые с советских самолетов. Как вспоминают некоторые участники подполья, в мае 1943 г. удалось собрать листовки с обращением ЦК КП(б) Молдавии, Президиума Верховного Совета, СНК МССР, ЦК ЛКСМ Молдавии к молдавскому народу по случаю празднования 1 Мая. С захватывающим интересом знакомились они с содержанием обращения, впитывали каждое его слово, понимая, что партия и правительство республики обращаются и непосредственно к ним. «Не служите немецко-румынским оккупантам! Все силы приложите к тому, чтобы сорвать планы тотальной мобилизации! — писалось в обращении. — Усиливайте удары по вражеским тылам, разрушайте железные дороги, мосты и средства связи, истребляйте живую силу противника, не давайте немцам сжигать наши села и города, спасайте советских людей от угона в немецкое рабство и истребления их гитлеровскими палачами. Мщение и смерть немецким мерзавцам!» Это была по сути конкретная программа деятельности подпольщиков.

С тревогой воспринимали появление листовок оккупационные власти. В сообщении Кишиневского областного инспектората полиции от 31 мая 1943 г. сказано: «Создается впечатление, что в последнее время коммунистические элементы усилили свою деятельность. В связи с отсутствием центрального руководства в Бессарабии ими руководит и призывает к действиям Москва через советские радиостанции и разные письменные обращения, сбрасываемые с самолетов...»⁹⁵

В ноябре 1943 г. бессарабский центр секретной румынской службы информации доносил: «В последнее время в связи с военными событиями на Восточном фронте коммунистические элементы усилили свою деятельность... Пропагандистская деятельность коммунистических агентов разворачивается на всей территории провинции»⁹⁶.

Советские листовки, радиовещания на Молдавию сыграли большую роль в мобилизации патриотов, раскрывали правду о положении на фронте, вселяли веру в непобедимость Красной Армии. ЦК КП(б) Молдавии активно использовал эти формы политической работы среди трудящихся оккупирован-

ной республики и тем самым оказывал значительную помощь в организации борьбы в тылу врага.

Огромное влияние на массы оказывали и листовки, написанные и размноженные членами организации. 3 ноября 1943 г. на очередном заседании комитета специально обсуждался вопрос о подготовке листовки. Текст первой листовки было поручено написать Н. В. Дорашу и И. Г. Епуре⁹⁷. В своем отчете о подпольной работе, составленном в октябре 1946 г., И. Г. Епуре пишет, что это задание комитета было выполнено, листовка была написана, отредактирована и получила название «Скынтя» («Искра»).

«Граждане Бессарабии! — говорилось в листовке. — День нашего освобождения из рабства приближается! Под беспощадными ударами Красной Армии гитлеровские орды, преследуемые и истребляемые, бегут назад... Похоронив почти всю свою армию, сторонники Антонеску хотят бросить в огонь и нас, бессарабцев.

Народ Бессарабии, однако, знает, что ему следует делать. Оружие будет направлено против немцев и против всех угнетателей.

Молодежь Бессарабии! Палачи водили тебя на военные занятия в твоей одежде и с твоей едой. Сейчас толкают тебя на смерть ради своих интересов. Избегайте мобилизации! Румынская армия идет на верную гибель.

Матери Бессарабии! Удерживайте своих сыновей от явки в воинские части. Прячьте их от преследователей, не допускайте их гибели...»⁹⁸

В ноябре-декабре 1943 г. подпольщики выпустили и распространили в городах и селах Молдавии еще две листовки. В них звучал призыв к рабочим и крестьянам не допускать разрушения фабрик и заводов, сопротивляться насильственной эвакуации, препятствовать угону скота, вывозу машин и оборудования в фашистскую Германию. Листовка заканчивалась словами: «Мы советуем вам сплотить ряды вокруг Коммунистической партии и бороться рядом с армией-освободительницей — Красной Армией, потому что только так мы сможем спасти свои семьи и имущество и сможем избавиться из когтей фашизма. Да здравствует Красная Армия, которая борется за освобождение народов! Да здравствует партия рабочих и крестьян! Да здравствует Коммунистическая партия! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»⁹⁹

Одним из основных мест встречи подпольщиков для передачи листовок и устной информации был киоск, расположенный в центре города на пересечении улиц Александров-

ской (ныне проспект Ленина) и Михайловской (Комсомольской). Нужно было обладать завидным спокойствием, мужеством, способностью быстро ориентироваться в обстановке при выполнении столь важного поручения, как распространение листовок. Опасность подстерегала всюду. Не щадили оккупанты тех, кто попадался к ним в руки. Нечеловеческие пытки применяли блюстители «нового порядка» к патриотам. Однако, как свидетельствуют сами оккупанты, листовки, подготовленные и распространенные подпольщиками, доходили до населения, оказывали влияние на их умы и сердца, побуждали трудящихся к сопротивлению захватчикам. На улицах города, на железнодорожном вокзале, на базарах появлялись листовки или просто призывы, лозунги. Член ячейки села Кожушна, связанная между Кишиневским комитетом и ячейками села А. К. Савва-Залтур, будучи в городе, «при входе на центральный рынок прикрепила лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»¹⁰⁰.

Член подпольного комитета И. Г. Епуре вспоминает, как он получил в комитете пакет, в котором находилось примерно сто листовок для вручения «одному молодому человеку на улице Фрунзе недалеко от железнодорожного вокзала: «Был обусловлен пароль. Помню, шел снег, увидел юношу лет 18-ти, невысокого роста, черноволосого, смуглого. Спросил у него, в какой стороне железнодорожный вокзал. Он показал в противоположную сторону. Убедившись, что это тот товарищ, кому надлежало передать пакет, я выполнил поручение. Позднее мне стало известно, что П. Гушан распространял эти листовки»¹⁰¹. К распространению листовок члены комитета привлекали людей, которым доверяли. «Однажды,— пишет в своих воспоминаниях Л. В. Кохана-Садыкина,— кто-то, видимо, заболел из подпольщиков. Бардотзи попросил меня выполнить его просьбу — распространить листовки в районе Мунчештской улицы. Я дала согласие. Это было ранней осенью 1943 г., до моего ухода из конторы. Бардотзи назначил встречу недалеко от железнодорожного вокзала. Там, около вокзала, он в темноте познакомил меня с двумя молодыми ребятами, фамилий и имен их не знаю. С толстым пакетом листовок побежали по улице Мунчештской, в сторону села Бачой. Лунной ночью стали расклеивать их на стенах домов, на заборах, бросали во дворы домов. Мы это сделали в течение около 2-х часов... Закончив работу, мы скрылись»¹⁰².

Подпольный комитет проводил работу и по организации диверсий. «Помимо коммунистической пропаганды в Бессарабии;— сообщалось в протоколе сигуранцы,— вышеуказан-

ный (Бардотзи) инструктировал членов комитета и ставил задачи членам ячеек о приобретении оружия, чтобы препятствовать отступлению немецко-румынских войск, а также давал специальное задание для взрыва железнодорожного моста в районе Унген, подбирать людей, которым в необходимом случае будет предоставлена взрывчатка»¹⁰³.

В диверсиях, саботаже принимали участие члены организации — жители Кишинева Т. П. Мидриган и С. П. Таратунский. Они работали в ремонтных мастерских и «чинили» привозимые с фронта автомашины так, что машины с грузом сразу выходили из строя. Ф. Т. Дарий-Мереуца и другие подпольщики, работавшие в трамвайном депо, прекращали подачу электричества, задерживали выход трамваев в город¹⁰⁴.

Кишиневские подпольщики препятствовали вывозу из Молдавии в фашистскую Румынию народного добра. Очевидцы и сами участники вспоминают, что в мае 1944 г. на окраине Кишинева, в районе Валя-Дическу, члены подпольной группы, руководимой А. К. Кристи разогнали стадо крупного рогатого скота, предназначенного для вывоза в Румынию¹⁰⁵. Подпольщики намеревались также с приближением фронта воспрепятствовать отступлению немецких и румынских войск, вывозу оборудования, ставили задачу захвата вокзала, электростанции, почты, телеграфа и других учреждений, занимались также сбором оружия¹⁰⁶.

В своей подпольной деятельности члены организации получали поддержку от местных жителей Кишинева, ряда сел Лапушнянского, Оргеевского уездов, где организация действовала наиболее активно. Многие жители знали о действиях подпольщиков, оказывали им посильную помощь, предоставляли свои квартиры, охраняли их от ищеек сигуранцы, выполняли различные поручения.

Румынские оккупационные органы приложили немало усилий, чтобы раскрыть подпольную организацию. В начале 1944 г. они напали на ее след. Начались аресты патриотов. Постепенно были раскрыты 3 ячейки в Кишиневе и несколько ячеек в селах. Подверглось аресту около 100 человек, из них 42 были осуждены к различным срокам тюремного заключения. Несмотря на то, что оккупанты применили к арестованным жестокие пытки, требуя выдачи всех остальных участников организации, тем не менее патриоты проявили стойкость, мужество и многие ячейки остались нетронутыми карателями. Они продолжали действовать.

Одному из членов организации — А. К. Кристи, арестованному в январе 1944 г., удалось скрыться от оккупантов.

В апреле 1944 г. он создал подпольную боевую группу из 5 человек, располагавшуюся в Валя-Дическу. Участники группы, спрятавшись в подzemелье, выходили ночью «на охоту». Они добывали оружие, вели беседы с соседями, наблюдали за передвижением оккупантов, готовились к вооруженному выступлению. Однако в июне 1944 г. по доносу некоего Левандовского члены группы А. К. Кристи также были арестованы.

4—6 марта 1944 г. в Кишиневе состоялся суд над членами подпольно-патриотической организации. Оккупанты установили, что организация является «достаточно опасной и губительной для государственной безопасности»¹⁰⁷. Военным трибуналом 3-го армейского корпуса 11 человек были приговорены к смертной казни — И. Д. Бардотзи, Н. В. Дораш, И. Г. Епуре, Д. И. Москалюк, Г. Н. Бачу, П. Г. Гушан, Ф. Т. Дарий-Мереуца, В. Г. Горбатков, В. Т. Страйста и др.¹⁰⁸ Они обвинялись в том, что создали подпольную организацию с целью нарушения государственного порядка, участвовали на собраниях этой организации, изготовляли, размножали и распространяли листовки¹⁰⁹. К 20 годам тюрьмы были осуждены 6 подпольщиков, к 15 годам — 10, к 10 годам — 6, к 7 годам — 2, к 5 годам — 3, к 3 годам — 4 человека¹¹⁰. Члены группы, руководимой А. К. Кристи, были осуждены в августе и все приговорены к 5 годам каторжных работ.

В тюрьмах, как и на следствии, патриоты вели себя мужественно, смело, помогали друг другу. Они не покорились врагу, их воля осталась несломленной. После суда осужденные были направлены в румынские тюрьмы. Мужчины — в тюрьму города Аюд, женщины — в тюрьму города Карансеш. Приговор о смертной казни фашистские палачи не осмелились привести сразу же в исполнение. Как свидетельствуют оставшиеся в живых подпольщики, быстрое продвижение Красной Армии, замечательные победы на фронтах и освобождение части территории Молдавии вселяли в карателей страх перед возмездием.

В августе 1944 г. члены Кишиневской межрайонной подпольно-патриотической организации были освобождены из тюрем Красной Армией и возвращены на Родину.

По-разному сложилась судьба бывших подпольщиков. Неизменным же для всех оставалось одно чувство — любовь к своей Отчизне, к своему народу. Они честно трудились, вместе со всеми преодолевали послевоенную разруху, участвовали в возрождении своей любимой столицы, родных сел и были безмерно счастливы, что являются частью великой дружной семьи народов СССР.

КОММУНИСТЫ ГРИГОРИОПОЛЯ — ОРГАНИЗАТОРЫ БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

В соответствии с директивой ЦК КП(б) Молдавии от 30 июня 1941 г. Григориопольский райком партии подобрал для работы в тылу врага 29 человек, в том числе 16 коммунистов¹¹¹. Но с первых же дней оккупации в районе сложилась трудная обстановка. Прокатилась волна фашистского террора, грабежей, массовых расстрелов без суда и следствия. Среди расстрелянных были и коммунисты, оставленные для подпольной работы.

Вместе с немецкими и румынскими карательными и контрразведывательными органами оккупантов в районе действовали так называемые «отряды самоохраны», созданные немецким фашистским командованием из лиц немецкой национальности, враждебно настроенных против Советской власти. Отряды подчинялись немецкой комендатуре, участвовали в аресте советских активистов, вылавливали советских парашютистов, партизан. Так, «отряд самоохраны», организованный в селе Колосово, в августе 1941 г. арестовал и расстрелял коммунистов Г. Т. Токаренко, В. В. Железко, а в 1942 г. А. Г. Горохова, получивших задание партийных органов вести борьбу в тылу врага. В 1943—1944 гг. отряд участвовал в облавах на партизан, в том числе во Фрунзовском районе Одесской области УССР.

Оккупанты проводили разнузданную антисоветскую пропаганду. Лживыми сообщениями о положении на фронтах, в том числе о падении Москвы, они стремились подавить моральное состояние населения. Но советские люди не склонили головы перед врагом. Они поднимались на борьбу во имя защиты своей Родины, Советской власти. Весть о разгроме фашистских войск под Москвой придавала патриотам силы и звала к борьбе.

Оставленный в тылу врага райкомом партии коммунист Александр Григорьевич Горохов¹¹², встречаясь со знакомыми, изучал их поведение в новых условиях. В Григориополе мало кто знал его как коммуниста: вступил он в партию в январе 1940 г. в воинской части, а после воссоединения Бессарабии с Советской Родиной был направлен на работу в Киперченский район Оргеевского уезда. А. Г. Горохов хорошо знал многих жителей поселка Григориополь и района в целом, так как в начале 30-х гг. он работал здесь участковым

уполномоченным милиции, а с 1934 г. — в райземотделе и системе потребкооперации. Вскоре А. Г. Горохов установил контакт с Василием Фомовичем Паляницыным, которого он знал по совместной работе в райисполкоме. В. Ф. Паляницын, несмотря на тяжелую болезнь, проявлял решительное желание бороться против оккупантов. Они вскоре договорились о совместных действиях, а затем установили контакты с коммунистами Терентием Александровичем Остапенко — инспектором района, колхозником Дмитрием Михайловичем Сетриным, беспартийным директором кинотеатра Григорием Григорьевичем Столбиным. В феврале 1947 г. дочь В. Ф. Паляницына Анна Васильевна вспоминала: «Отец в 1941 г. в Красную Армию не был призван по болезни. В 1942 г. у отца начали собираться активисты: Столбин, Остапенко, Горохов и другие»¹¹³. А спустя более 30 лет, в июле 1979 г., она писала: «Отец стал встречаться больше у нас со своими товарищами Гороховым, Остапенко, Сетриным. Самая большая дружба была с Гороховым. Они были близкими людьми и, видимо, доверяли друг другу. Они часто подолгу беседовали»¹¹⁴.

А. Г. Горохов сумел сплотить коммунистов, беспартийных товарищей, договориться о совместных действиях. Так начала создаваться подпольная партийная организация Григориополя. Первоочередной задачей подпольщиков была политическая работа среди населения: разоблачение фашистской пропаганды, поддержание у трудящихся уверенности в том, что победа будет за советским народом, призыв к срыву мероприятий оккупантов. Подпольщики вели устную агитацию среди населения, распространяли листовки. После установления через Ф. Г. Ульянова связи с подпольными организациями г. Тирасполя у григориопольских подпольщиков расширились возможности для информирования населения.

К середине 1942 г. подпольная организация пополнилась коммунистами — военнослужащим Андреевым Петром Ивановичем, служащим Василием Дмитриевичем Колесниковым. Устанавливалась связь с другими коммунистами, и круг подпольщиков увеличивался. В начале сентября 1942 г. членами «отряда самообороны» неожиданно был арестован основатель подпольной организации А. Г. Горохов. «Примерно в 12 часов ночи, — показала в феврале 1947 г. на следствии по делу предателя Родины Зееля жена А. Г. Горохова, — ко мне в дом, вооруженные винтовками и пистолетами, пришли немец из села Колосово Зеель, учитель и полицейский. Первый из них, обращаясь к мужу, потребовал доку-

менты, партбилет и объявил, что он арестован. Муж оделся и его вывели на улицу, посадили в машину и увезли в Колосово¹¹⁵.

Окупанты не знали о подпольной деятельности А. Г. Горохова. Он был арестован как бывший работник милиции, участвовавший в проведении коллективизации в Григориопольском районе. В течение трех суток А. Г. Горохова подвергали допросам. Он выдержал жестокие пытки, издевательства, но ни слова не сказал о своей подпольной деятельности, не назвал никого из своих товарищей по борьбе. В обвинительном заключении советских органов по делу предателя указывается: «В сентябре 1942 г. Зеель с «отрядом самоохраны» в г. Григориополе арестовал бывших работников милиции — Горохова и Беспаленко, доставил их в с. Колосово, где принимал непосредственное участие в допросах и избиениях, после чего конвоировал их к месту расстрела». 8 сентября 1942 г. А. Г. Горохов был расстрелян.

Подпольная партийная организация понесла тяжелую утрату. Арест и расстрел А. Г. Горохова заставили насторожиться членов организации, повысить бдительность, усилить конспирацию, но они не пали духом. Анна Васильевна Паляницына вспоминает: «После ареста Горохова стали собираться реже. Отец стал приходить очень поздно. Мать ворчала, на что отец отвечал, что многие уже без страха сложили головы... Когда внезапно арестовали Горохова, встречи в нашем доме временно прекратились, но через некоторое время возобновились. Стали приходить Коломеец, Бондаренко, Столбин»¹¹⁶.

К середине 1943 г. в подпольную организацию входило уже 14 человек, в том числе коммунисты П. И. Андреев, К. И. Бондаренко, Т. М. Данилов, В. Д. Колесников, М. М. Коломеец, Т. А. Остапенко, М. П. Панкратов и другие, беспартийные И. Ф. Бояр, И. Э. Ильин, Г. Г. Столбин.

Устанавливаются связи с подпольем Тирасполя. С. М. Волков, член подпольной организации, руководимой П. Е. Кустовым, как говорится в одном из документов оккупационных органов, «получил задание установить связь с партизанской организацией Григориополя, с каковой целью устанавливает контакт с партизаном Остапенко Терентием из Григориополя, который познакомил его с кладовщиком МТС Паляницыным Василием, руководителем партизанской организации Григориополя»¹¹⁷.

К работе подпольной организации были привлечены и комсомольцы: дочь В. Ф. Паляницына Вера Васильевна и ее муж М. Я. Силагадзе, которые жили в г. Тирасполе и яв-

лялись членами другой тираспольской подпольной организации.

Постоянные контакты с тираспольскими подпольщиками давали возможность партийной организации Григориополя шире вести агитационную работу, быть более уверенными в своей борьбе. Безусловно, для более активных действий не доставало связи с Большой землей. И подпольщики принимают смелое решение — послать человека, который смог бы наладить столь необходимые контакты. Изъявила желание выполнить эту ответственную миссию отважная комсомолка Вера Паляницына, работавшая до войны машинисткой в Григориопольском райкоме партии. Преодолев невероятные трудности и опасности, проявив смелость и мужество, она достигла Житомирской области, где случайно встретила один из отрядов Первого молдавского партизанского соединения. Получила инструктаж у комиссара отряда В. В. Сваричевского и вернулась в Молдавию¹¹⁸.

Чтобы отвлечь от себя внимание оккупационных властей и иметь возможность общаться с населением, члены подпольной организации еще в 1942 г. стали искать себе работу. В. Ф. Паляницын устроился кладовщиком на склад бывшей МТС, Д. М. Сетрин — сторожем на нефтебазу, Г. Г. Столбин — сторожем на мельницу, М. М. Коломеец и А. С. Коротецкий — на заготовительные пункты.

В целях срыва подготовки сельскохозяйственной техники к весеннему севу 1943 г. подпольщики под руководством В. Ф. Паляницына организовали хищение со склада МТС бабита, оловз и запасных частей. В результате оккупанты не смогли использовать на севе значительное число техники. О «краже» из кладовой МТС Анна Васильевна Паляницына вспоминала: «Ночью к нам во двор зашел человек, вызвал отца и они уехали. Вернулся он на рассвете. Где был и что делал, никто не знал, а утром он пошел на работу и поднял шум, что ночью обокрали склад. Шуму было много, но воры исчезли, отец остался вне подозрения».

В начале сентября 1943 г. из складов Дубоссар и Григориополя оккупанты готовили к отправке по узкоколейной железной дороге Григориополь — Тирасполь вагоны с пшеницей, кукурузой и подсолнухом¹¹⁹. Подпольщики предприняли меры к нарушению работы узкоколейной железной дороги. «В ночь с 5 на 6 сентября, — указывается в письме префекта Дубоссарского уезда, — злоумышленники демонтировали скобы и колею на протяжении 20 м, между 48 и 49 километрами¹²⁰. Префект потребовал принять «меры для обеспечения безопасности»¹²¹. Получив затем сообщение о кру-

шении паровоза 22 ноября 1943 г., префект приказал претору Григориопольского района «принять срочные меры для восстановления движения на железной дороге Григориополь-Тирасполь, чтобы не задерживать перевозки»¹²², т. е. вывоз награбленных ценностей. 27 ноября 1943 г. претор доносил в префектуру о восстановлении движения на участке узкоколейной железной дороги Григориополь-Тирасполь¹²³.

Подпольщики совершали и другие диверсионные действия. Они нарушали связь в районе с. Дороцкое, подожгли в Григориополе административное здание. О поджоге здания в дневнике члена комсомольско-молодежной организации В. Х. Ищенко сделана следующая запись: «В ночь на 1 ноября в здании, где размещались немцы, загорелся пол. Они выбежали и подняли тревогу... Приехала из Тирасполя пожарная машина. Полчаса набирала в реке воду, на полпути не хватило бензина. Пока принесли бензин, прошло полчаса... такая суматоха была до самого утра»¹²⁴.

Конечной целью подпольщиков была подготовка к вооруженному выступлению против оккупантов. Поэтому они приобретали оружие и боеприпасы. Кроме гранат, пистолетов, винтовок подпольщики располагали и автоматическим стрелковым оружием¹²⁵. Вооруженное выступление готовилось ко времени подхода Красной Армии к району. В этой подготовке значительное место отводилось комсомольско-молодежной организации, действовавшей в Григориополе под руководством коммунистов.

В связи с новым наступлением Красной Армии и приближением ее к границам Молдавии партийная организация на своем собрании оформила состав партизанского отряда. «Уже после ареста,— вспоминала в 1947 г. А. В. Паляница,— от арестованных мы узнали, что перед арестом было собрание на баштане». И далее: «Полицейские нас ругали и кричали, что они взорвали узкоколейку, а наш папа — начальник партизан»¹²⁶.

Неожиданно 20 января 1944 г. начались аресты членов комсомольско-молодежной организации, а через 2—3 дня — аресты членов подпольной партийной организации. От ареста скрылся лишь Т. М. Данилов, предупрежденный В. Ф. Паляницыным через свою дочь.

Арестованные подвергались жестоким пыткам в застенках григориопольского жандармского участка, а с 26 февраля 1944 г. — в дубоссарской жандармерии. Родственники погибших указывают, что В. Ф. Паляница и Т. А. Остапенко оккупанты пытали электрическим током. 8 марта арестованные были возвращены в Григориополь, а на следующий,

день отправлены в г. Тирасполь для предания суду фашистского военного трибунала. В начале апреля фашистами были расстреляны члены григориопольской подпольной партийной организации: П. И. Андреев, К. И. Бондаренко, И. Ф. Бояр, И. Э. Ильин, В. Д. Колесников, М. М. Коломеец, А. С. Коротецкий (Коломеец), Т. А. Остапенко, М. П. Панкратов, В. Ф. Паляницын, Д. И. Сетрин, Г. Г. Столбин.

Т. М. Данилов, избежавший ареста, в конце марта — начале апреля 1944 г. скрывался в каменоломне села Красная Горка, где к этому времени укрывались многие патриоты. Ему поручили возглавить группу, заместителем был избран Т. Н. Пушкаренко. В яме обжига извести они раскопали два ящика винтовок и патроны, видимо, оставленные в 1941 г. для партизанского отряда. Все это было перенесено в каменоломню.

Во второй половине дня 11 апреля 1944 г. по шоссе на дороге Тирасполь—Дубоссары беспрерывно двигался транспорт врага. Наступила последняя ночь оккупации Григориополя. «Примеро в 2 часа после полуночи с 11 на 12 апреля 1944 г., — вспоминает один из членов отряда С. С. Золотарев, — под командованием Т. Н. Пушкаренко мы вышли из каменоломни с оружием в руках и стали стрелять по направлению Григориополя... Зашумел Григориополь. Началась переправа фашистских войск через Днестр... Наутро в 7.30 12 апреля 1944 г. наша Красная Армия начала входить в Григориополь без выстрелов»¹²⁷

Т. М. Данилов не смог принять участие в операции, так как за несколько дней до этого был ранен в стычке с гитлеровцами.

Подпольная партийная организация опиралась в своих действиях на молодых патриотов, объединившихся весной 1943 г. в комсомольско-молодежную организацию, возглавляемую коммунистом-пограничником Николаем Рычковым. Члены партийной организации были осведомлены о молодежной организации с первых дней ее создания, следили за ее деятельностью и направляли ее работу через члена партийной организации Т. М. Данилова. Будучи близким родственником одного из зачинателей комсомольско-молодежной организации Георгия Ланского, он встречался с молодым патриотом, тем более, что жили они в одном доме.

Молодые люди, местные жители Григориополя — рабочие, учащиеся — искали возможность объединиться с тем, чтобы организованно бороться с фашистскими оккупантами. Рабочий-бондарь Г. Ланский и другие поделились своими мыслями с Н. Г. Рычковым и предложили ему возглавить под-

польную организацию. Н. Г. Рычков принял это предложение и сразу же включился в работу. Он дал задание подобрать небольшие группы из надежных людей. В целях конспирации он предупредил, что подбирать желающих надо весьма осмотрительно, что каждая группа должна включать не более 10 человек.

Примерно через месяц в первую группу было подобрано 9 человек, в том числе Владимир Ищенко, Борис Арсененко. Об этом факте В. Х. Ищенко в своем дневнике писал: «Я изъявил свое согласие любыми средствами вести борьбу против оккупантов. О существовании каких-либо организаций, ведущих борьбу против оккупантов, мне в это время не говорили»¹²⁸. Через некоторое время В. Х. Ищенко подписал присягу и был зачислен, как он указывает, в группу. Затем он рекомендовал Николая Церна и Ивана Ганущака. К этому времени Г. К. Ланский подобрал кандидатов в состав своей группы.

К июню 1943 г. в состав четырех групп было подобрано более 30 человек. Руководители групп («десяток») регулярно встречались со своими людьми, вели с ними беседы, договаривались об очередных делах. Обо всем затем докладывали руководителю организации Н. Рычкову. Вместе с Н. Рычковым обсудили вопрос о необходимости приобретения газет, издававшихся в Одессе, и распространении информации о положении на фронтах среди населения. На одной из встреч было решено доставать и накапливать оружие, боеприпасы с тем, чтобы быть готовыми для перехода к боевым действиям. Начались активные поиски оружия и боеприпасов. «Каждый из нас,— вспоминал один из руководителей групп в 1946 г.— приобрел несколько гранат и винтовок»¹²⁹. В дневнике, который вел в те годы В. Х. Ищенко, записано: «21.X. Утром... достали ножовки и начали делать обрезы. Обрезали винтовку, потом я вытащил из соломы свой полуавтомат»¹³⁰.

Большую активность проявили молодые патриоты в распространении листовок, сброшенных в начале августа 1943 г. советским самолетом над территорией Молдавии. По этому поводу В. Х. Ищенко сделал следующую запись в дневнике: «Ко мне утром зашел Ванька (№ 2) и сказал, что в эту ночь наши самолеты кидали листовки в Перерытском леске (22 км от Григориополя)... Я поехал с Ванькой в лес (он ехал за дровами). Насобирали там множество листовок и привезли домой. За два дня я распространил все листовки, а через неделю листовки перечитал почти весь город. Как я счастлив, когда встречаю кого-нибудь из тех, кому давал листовки. Они меня очень благодарили. Все говорили мне остерегаться,

потому что за листовку — расстрел. Я спокойно отвечал: «Большевики смерти не боятся. Это мой долг перед Родиной»¹³¹.

Успешное распространение советских листовок воодушевило подпольщиков. Они стремились к более активным действиям. С разрешения Н. Г. Рычкова молодые патриоты 30 сентября 1943 г. отправились с диверсионным заданием на узкоколейную железную дорогу Тирасполь-Григориополь. Но задание выполнить им не удалось. 10 октября 1943 г. по этому поводу В. И. Ищенко записал в своем дневнике: «После неудачи с паровозом не находил себе места»¹³².

Примерно в это же время тираспольский подпольщик Ф. Г. Ульянов через члена подпольной партийной организации К. И. Бондаренко устанавливает связь с руководителем комсомольско-молодежной организации Николаем Рычковым. Ф. Г. Ульянов, как указывается в докладе коменданта григориопольского жандармского участка, передал, что «нужно быть готовыми, потому что курьер из Тирасполя привезет приказ о переходе к активным действиям»¹³³. В связи с этим Н. Г. Рычков 31 октября 1943 г. дал указания командирам групп и активу подготовить оружие и ждать приказа к выступлению. Это подняло дух молодых патриотов. «Мы целый день ходили по городу и пели песни,— записал в дневнике В. Х. Ищенко.— Долгожданные дни настали. Ура! Смерть фашистам, смерть собакам!»¹³⁴

Но радость юных патриотов оказалась преждевременной. В конце декабря 1943 г. руководитель одной из групп без предварительной тщательной проверки и разрешения руководителей организации познакомил некоего Ивана П., представившегося ему бежавшим из плена, с членами подпольной организации В. Х. Ищенко, Г. К. Ланским в доме последнего. Завязалась беседа, при которой присутствовал член подпольной партийной организации Т. М. Данилов.

Как выяснилось после окончания Великой Отечественной войны, этот новоявленный знакомый был агентом жандармерии с. Павловка Фрунзовского района Одесской области, по доносу которого в январе 1944 г. было арестовано 35—40 человек¹³⁵. В информационном сообщении начальника павловского жандармского поста от 17 января 1944 г. указывалось, что в Григориополе существует партизанская организация, в которую входят Тимофей, Жора, Ваня, Володя и другие, то есть все те, кто был на квартире Г. К. Ланского две-три недели назад, когда там находился Иван П.¹³⁶

В день получения информационного сообщения в Гри-

гориополе были произведены массовые аресты известных жандармерии коммунистов, комсомольцев и бывшего советского актива. Аресты и обыски у членов комсомольско-молодежной организации начались в 4 часа утра 20 января 1944 г. В протоколе, подписанном комендантом григориопольского жандармского участка, от 20 января 1944 г. говорится: «Принимая во внимание информационное сообщение № 2 павловского жандармского поста дубоссарского жандармского легиона от 17 января 1944 г., из которого явствует существование партизанской организации в Григориополе, имеющей оружие, боеприпасы и подрывной материал, сегодня в 4 часа утра отправились на квартиры отмеченных в указанном сообщении и приступили к домашним обыскам с целью обнаружения и изъятия оружия, боеприпасов, подрывного материала»¹³⁷.

Первым подвергся обыску Владимир Ищенко, который, как указывается в документе оккупантов, успел скрыться из дома. Во время обыска у него «помимо вооружения и указанного материала был найден блокнот с ежедневными отметками о его деятельности в рамках организации»¹³⁸.

Далее в протоколе говорится: «Затем пошли с обыском к остальным отмеченным в информационном сообщении в хронологическом порядке»¹³⁹. Был арестован Георгий Ланский, у которого при обыске обнаружены граната и патроны. Жандармы направились к руководителю молодежной организации Николаю Рычкову, но его не оказалось дома. Тогда были взяты заложниками его жена с грудным ребенком и сестра жены, после чего Николай Рычков был вынужден явиться в жандармерию сам.

После допросов в григориопольском жандармском участке арестованные были направлены в дубоссарскую уездную жандармерию, а затем в г. Тирасполь в военно-полевой суд. В начале апреля 1944 г. в г. Тирасполе были расстреляны члены комсомольско-молодежной организации Б. П. Арсененко, И. С. Антонов, И. Е. Ганущак, А. К. Кириллов, И. В. Кузнецов, Г. К. Ланский, М. С. Перепличинский, Н. Г. Рычков, Л. И. Стратулат, Н. В. Церн.

Так сражались и погибли в борьбе против фашистских захватчиков подпольщики Григориополя — коммунисты, комсомольцы, беспартийные патриоты. Их борьба — одно из ярчайших проявлений советского патриотизма, готовности в самых тяжелых условиях стоять насмерть за социалистические завоевания, за торжество идей коммунизма.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОДПОЛЬЕ СЕЛА ПАРКАНЫ

Вскоре после оккупации республики комсомольцы и молодежь села Парканы Тираспольского (ныне Слободзейского) района, движимые высокими чувствами безграничной преданности социалистическому строю, делу ленинской партии, начали поиск форм борьбы с фашистскими захватчиками, чтобы и здесь, в глубоком тылу врага, быть полезными Родине в трудный для нее час.

Подпольная комсомольская организация стала складываться, когда в начале 1942 г. в Парканы приехал из Одессы уроженец этого села Василий Пельтек. По воспоминаниям лица, знавшего его до войны, Пельтек был коммунистом. До войны он работал инспектором таможни в г. Одессе. Прибыл он вместе с женой, украинкой по национальности, комсомолкой Лизой Пельтек, работавшей вместе с мужем в Одесском порту радисткой.

Поселились они на окраине села в отдельном домике. Василий Пельтек, чтобы не работать на оккупантов, которые еще в августе 1941 г. потребовали от местного населения немедленно приступить к работе¹⁴⁰, а в марте 1942 г. ввели всеобщую трудовую повинность для людей в возрасте от 16 до 60 лет¹⁴¹, занялся на дому портняжным делом: шил для односельчан шапки и другие головные уборы. Эта работа давала ему возможность заводить знакомство с жителями села, в том числе с комсомольцами.

Круг знакомых значительно расширился, когда Василий Пельтек установил связь с комсомольцем Григорием Вербановым. До войны он работал в селе Великблоское Гросуловского (ныне Великомихайловского) района Одесской области учителем истории, был избран секретарем комсомольской организации села. В августе 1941 г., когда село заняли вражеские войска, он возвратился в Парканы к родителям. В его доме еще с конца 1941 г. стали собираться молодые учителя, комсомольцы, устраивались шахматные турниры. За шахматной доской многие из них открыто высказывали свои мысли и чувства, наполненные жгучей ненавистью к фашистским оккупантам. Бывая на таких вечерах, Василий Пельтек внимательно присматривался к ним, изучал их настроения, подбирал надежных людей, готовых начать борьбу с фашистскими захватчиками. Вскоре его квартира стала местом встречи патриотической молодежи.

Сестра Григория Вербанова Е. И. Краснова в своих воспоминаниях писала: «...С зимы 1942 г. стали организовываться встречи патриотически настроенных ребят, комсомольцев. Позже встречи проводились больше у Пельтек Василия Кирилловича, который жил с женой Лизой по соседству»¹⁴².

Так было положено начало комсомольской подпольной организации. В нее вошли Василий и Лиза Пельтек, комсомольцы, местные учителя Григорий Вербанов, Филипп Ангелов, пионервожатый Иван Степанов. Позже ее членами стали молодые учителя Федор Вербанов и Иван Чмиль. Возглавил организацию Василий Пельтек¹⁴³. В сентябре — декабре 1943 г. в подпольную работу были вовлечены новые комсомольцы — учитель Григорий Узун, Василий Обручков, Сергей Римский.

Подпольщикам пришлось начинать борьбу в сложных условиях фашистского оккупационного режима. Через Парканы проходила железная дорога, которая имела для оккупантов огромное стратегическое значение. Недалеко от села находился Бендерский железнодорожный мост через реку Днестр. Он усиленно охранялся оккупантами. Здесь была создана противовоздушная оборона, установлены за колючей проволокой пулеметные точки. Проволочные заграждения были также установлены на двухметровой глубине под водой в верхней и нижней частях моста¹⁴⁴. В самих Парканах размещался румынский жандармский пост. Взамен ликвидированных органов Советской власти оккупанты создали так называемое «местное самоуправление» во главе с примаром, сельскую полицию. Установили комендантский час. В колхозных дворах фашисты устроили два концентрационных лагеря, в которые были заточены сотни советских военнопленных, организовали пересыльный (филтрационный) пункт для советских граждан, эвакуировавшихся в июле — начале августа 1941 г. из правобережных районов Молдавии.

Парканские подпольщики, как и подпольные организации и группы многих других городов и сел республики, начали свою деятельность с агитационно-пропагандистской работы среди населения. Необходимость в этом диктовала сама обстановка. Фашистская пропаганда обрушила на советских людей огромный поток лжи и демагогии. Оккупанты ставили цель не только физически сломить их, но и идейно разоружить, вызвать среди населения межнациональную вражду и тем самым сломить волю трудящихся к сопротивлению, превратить их в безмолвных и покорных рабов. В широких масштабах велась оголтелая антисоветская пропаганда о

непобедимости гитлеровской армии и скором полном разгроме Красной Армии. В этих условиях подпольщики и ставили цель поднять моральный дух населения, противопоставить фашистской лжи слово большевистской правды, информировать население о положении на фронтах и в советском тылу. В обнаруженной в архивных материалах справке Парканского сельсовета от августа 1946 г. указывается, что в период временной фашистской оккупации в селе действовала «активная комсомольская группа, которая проводила с гражданами массовую работу, убеждала их в скором освобождении от немецко-румынских палачей»¹⁴⁵.

Подпольщики использовали различные формы и средства в пропагандистской работе. Важное место в ней отводилось распространению листовок. Как вытекает из архивных материалов, воспоминаний бывших членов организации и местных жителей, в этой работе они пользовались газетами и другой информацией, которые приобретали в Тирасполе. На основе добытых сведений патриоты составляли листовки, размножали их от руки и распространяли среди жителей. Бывший член этой организации С. К. Римский вспоминает: «...На квартире у Ангелова писали листовки об успехах Советской Армии на фронте. Сведения брали из газеты «Правда», которую доставали Ангелов и Степанов»¹⁴⁶.

Много выдумки и находчивости проявляли подпольщики при распространении листовок. Коммунистка учительница М. К. Суркова в своих воспоминаниях пишет: «Как-то она (Лиза Пельтек. — С. Г.) попросила меня, когда вечером собралась молодежь, помочь ей натереть на крахмал картошку. Она ездила в Тирасполь, продавала на рынке крахмал, а из листовок делала кульки и таким путем распространяла листовки с сообщениями о победах Красной Армии. Это было осенью 1943 г.»¹⁴⁷

Для бесед с молодежью устраивались вечеринки, на которых подпольщики сообщали о героических победах Красной Армии, разоблачали сущность фашистского оккупационного режима, призывали население саботировать мероприятия оккупантов. Бывший член подпольной организации И. П. Чмиль вспоминает: «Мы агитировали молодежь не ходить на принудительные работы по требованию примарии. Многим разъясняли, что нужно помогать Красной Армии»¹⁴⁸. А вот что рассказал один из участников таких встреч, ныне доктор сельскохозяйственных наук Кишиневского сельскохозяйственного института им. М. В. Фрунзе коммунист К. И. Степанов: «...Мы часто собирались в доме Вербанова Григория

Андреевича, в особенности по воскресным дням... Он любил играть на баяне и петь песни. Здесь проходило обсуждение положения на фронтах Великой Отечественной войны. Это было место, где мы получали самые свежие сведения о событиях на фронте и где слышали правду об успехах Красной Армии. Здесь мы впервые услышали о разгроме фашистов под Москвой и Сталинградом. Эти сведения, конечно, нами быстро распространялись по селу»¹⁴⁹. Вспоминая о своем однокашнике — подпольщике Иване Степанове, учитель с. Парканы Николаев Федор Иванович пишет: «...Мы случайно встретились в центре села, и он спрашивает меня: «Федя, ты в курсе событий на фронтах войны?» Говорю: «Нет». И он начал рассказывать мне подробно о разгроме немцев под Сталинградом. Сколько разбито дивизий, сколько взято в плен, о моральном духе нашей армии, о положении дел на других фронтах. Беседа продолжалась минут 40. Я слушал с вниманием и большим удовлетворением. Он нарисовал мне картину так, что очень скоро нашей армией будет освобождена и наша местность, наша республика. Я остался беспредельно доволен своим лектором. С этими новостями ознакомлялись и другие...»¹⁵⁰

Важное значение придавали подпольщики оказанию помощи советским военнопленным, которые находились в нечеловеческих условиях, содержались под открытым небом, в лучшем случае в холодных конюшнях. Многие из них умирали от холода, голода и заразных болезней. Патриоты делали все возможное, чтобы спасти бойцов и командиров Красной Армии. Они «помогали советским военнопленным совершать побеги из фашистского лагеря, а также прятали убежавших из других лагерей...», «снабжали их гражданской одеждой, поддельными документами, пропусками, разрабатывали для них маршруты...»¹⁵¹. Так, например, когда осенью 1942 г. оккупанты организовали рядом с лагерем во дворе шестнадцатилетнего юноши Василия Стоянова (иногда в его доме встречались подпольщики) склад по хранению кукурузы, где ежедневно работало 10—20 военнопленных, патриоты спиили охрану и устроили три групповых побега. В своих воспоминаниях В. М. Стоянов пишет, что вначале военнопленных переправляли через Днестр, в лес, а с 1943 г. — в каменоломни с. Бычок, а оттуда — к партизанам; по его предположению, «часть из них направляли в одесские катакомбы»¹⁵². Некоторые военнопленные, например русский Н. Фирсов, украинцы И. Будаков, В. Иваненко, грузин В. Джугашвили и многие другие, нашли пристанище у местных жителей — Е. П. Неделковой, В. Ф. Корбовой, Е. Я. Хад-

жи, В. М. Дизовой и других. После освобождения советскими войсками Паркан они ушли на фронт и продолжали громить фашистских захватчиков. Почти все они пали смертью храбрых.

В конце 1943 г. подпольщики помогли бежать из больницы советскому летчику, грузину по национальности, который был сбит вражескими зенитчиками вблизи Тираспольского района. Местом его укрытия стал дом Ивана Степанова. Когда летчик окреп и стал ходить, патриоты достали для него с помощью местного парикмахера Г. И. Сухоносенко¹⁵³ справку для проезда в Одессу. С этой справкой они посадили его на попутную машину. Как потом выяснилось, летчик перешел линию фронта и вернулся в свой полк. К сожалению, его фамилию установить не удалось. Известно, что летом 1946 г. он приезжал в Парканы в звании полковника, но в живых своих спасителей не застал.

Большую помощь оказывало военнопленным население села. По призыву подпольщиков и по велению сердца, рискуя жизнью, многие домохозяйки, девушки приносили в лагеря мамалыгу, хлеб, вареную картошку, свеклу, а некоторые из них готовили даже горячую пищу. Если не удавалось подкупить охрану, то продукты перебрасывали через проволочное ограждение. Позже, как вспоминала Елена Андреевна Обручкова, по инициативе старого колхозника Матвея Железкова помощь военнопленным оказывалась организовано. Утром или вечером Железков обходил на их улице дворы и говорил, кому готовить пищу для военнопленных. «Одни женщины варили борщ, другие кукурузную кашу, картошку и в ведрах относили им. Были часовые, которые разрешали даже вносить еду в лагерь. Военнопленные становились в очередь и подходили с консервными банками, мисочками, и мы им накладывали приготовленную нами пищу. Они были очень истощены, голодные. Некоторые с трудом стояли на ногах. Военнопленные быстро совали еду в рот и в миг ее съедали...»¹⁵⁴. В своих воспоминаниях В. Г. Обручков писал: «Если судить о количестве граждан села, принимавших участие в оказании помощи пленным, то только количество бежавших пленных из лагерей села исчислялось сотнями человек»¹⁵⁵.

Подпольщики собирали оружие, боеприпасы, готовились к активным боевым действиям. Однако о их диверсионной деятельности почти нет никаких сведений. Из документов румынских оккупантов мы узнали, что неизвестные лица неоднократно предпринимали попытки осуществить диверсии на участке железной дороги Тирасполь—Бендеры. Так, напри-

мер, в секретных рапортах командира 2-й роты 50-го отдельного румынского батальона от 7 и 8 ноября 1942 г. сообщалось: «... В районе моста-туннеля, расположенного в 3 км западнее тираспольского вокзала (у с. Парканы.— С. Г.), неоднократно были обнаружены в течение лета гранаты, взрывчатка, фитили, капсулы... Подозревая, что здесь действует вражеская рука, которая пытается совершить диверсию, мы решили установить скрытый дозор, но поймать подозреваемых не удалось, так как они, пользуясь темнотой, исчезают в садах»¹⁵⁶.

Члены подпольной организации настойчиво искали связь с тираспольским подпольем, с партийными организациями и группами, действовавшими в других населенных пунктах¹⁵⁷. Такая связь была сначала установлена через Григория Вербанова с патриотической группой села Великопоское, в состав которой входили комсомольцы села, учащиеся IX—X классов. В своих воспоминаниях В. Г. Обручков писал, что возглавлял группу директор школы Маслий Илларион Тимофеевич. Григорий Вербанов неоднократно здесь встречался с ним, с братьями Петром и Сергеем Колесниковыми и другими украинскими подпольщиками. В Парканы, в качестве связных, приходили его ученики Александр Храмов, Михаил Мельниченко, Зина (Колесникова) и др.¹⁵⁸

✓ Затем был налажен контакт с Тираспольской подпольной организацией, руководимой П. Е. Кустовым. Сохранилось донесение сигуранцы штабу 3-го румынского армейского корпуса от 6 марта 1944 г., в котором констатируется, что член этой организации «Тесленко Семен получил задание установить связь с партизанами села Парканы Тираспольского уезда»¹⁵⁹. Как отмечает в своих воспоминаниях Ф. Я. Вербанов, с одним из активных членов тираспольского подполья Г. Ф. Зинченко встречались Григорий Вербанов, Василий Пельтек, а в качестве связного — Филипп Ангелов¹⁶⁰.

Единственный свидетель нелегальных встреч подпольщиков, организованных П. Е. Кустовым, Фаина Евгеньевна Зинченко вспоминает: «Вскоре к отцу и мужу стали приходиться знакомые и незнакомые люди как из Тирасполя, так и из многих сел Молдавии и Украины. Часто бывал у нас учитель из села Парканы Ангелов Филипп. Бывало, зайдет к мужу и тут же отправляются к отцу. В основном там проводились заседания и встречи подпольщиков»¹⁶¹. На нескольких из них, как утверждает Ф. Я. Вербанов, присутствовал также и Василий Пельтек.

Большое воздействие на активизацию боевой деятель-

ности комсомольцев оказала связь с парашютно-десантной группой организаторов партизанской борьбы, которая была заброшена в тыл врага в ночь с 24 на 25 января 1944 г. (в 18 км севернее Тирасполя) штабом партизанского движения при Военном совете 4-го Украинского фронта. Эта группа из 8 человек выросла за счет патриотов из молдавских и украинских сел в многочисленный партизанский отряд им. Г. И. Котовского под командованием уроженца с. Стройницы Рыбницкого района коммуниста С. Д. Автеньева (Афтенюка). Перед отрядом была поставлена задача развернуть диверсионную деятельность на коммуникациях противника, установить связь с местными партизанами и подпольщиками, организовать в тылу врага вооруженные партизанские действия, вести разведывательную работу. С 2 по 25 февраля 1944 г. этим отрядом было создано в Приднестровье 9 партизанских групп общей численностью 225 человек¹⁶². Одна из первых таких групп была основана в начале февраля 1944 г. помощником командира отряда по разведке Г. Е. Галушко (по кличке «Дед») в с. Великоплатовое. В состав ее вошли местные патриоты К. Маслий, братья Сергей и Петр Колесниковы, С. Небогатов и др., действовавшие в тесной связи с парканскими подпольщиками. Спустя несколько дней после установления контакта с посланцами с Большой земли на организованное штабом партизанского отряда им. Г. И. Котовского совещание местных патриотов был приглашен через связного Александра Храмова Григорий Вербанов, которому было поручено создать в Парканах партизанскую группу. «В короткой беседе с Вербановым,— вспоминает Г. Е. Галушко,— я ему предложил заняться организацией группы людей, преданных Советской власти»¹⁶³.

После возвращения Григория Вербанова в Парканы на квартире Василия Пельтек состоялось совещание подпольщиков, на котором было принято решение о создании партизанской группы. Ее командиром был назначен Григорий Вербанов¹⁶⁴, а начальником штаба, как утверждает в своих воспоминаниях Г. Д. Узун,— Василий Пельтек. Вступая в нее, подпольщики дали клятвенное обязательство «не жалея своей жизни бороться против оккупантов»¹⁶⁵.

Так, на базе комсомольской организации, созданной по инициативе местной молодежи, была организована партизанская группа. Именно с этого времени подпольная организация значительно активизировала свою деятельность, приступила к выполнению конкретного задания. Из с. Великоплатовое ей было передано 4 винтовки и 1 немецкий

автомат¹⁶⁶. На упомянутом совещании подпольщики разработали план организационной и боевой деятельности партизанской группы, вытекающий из задач, поставленных перед Григорием Вербановым на встрече в с. Великопложское. На первом этапе борьбы предусматривались расширение партизанской группы, подбор и вовлечение в нее новых патриотов; приобретение любыми путями оружия; подготовка и осуществление взрыва железнодорожной арки, Бендерского железнодорожного моста через реку Днестр; агитационно-пропагандистская работа среди населения¹⁶⁷.

В целях конспирации штаб отряда предложил парканским подпольщикам «увеличивать количество членов подпольной организации, создавая тройки и пятерки...» Уже к началу марта 1944 г., как явствует из отчета отряда им. Г. И. Котовского, парканская партизанская группа насчитывала 24 бойца¹⁶⁸. Имена большинства из них неизвестны. В справке Института истории партии при ЦК КП Украины указано, что «именной список личного состава партизан групп отряда им. Котовского на 320 человек был уничтожен во время облавы»¹⁶⁹.

С установлением связи с партизанами важным направлением в деятельности подпольной организации была работа по сбору разведанных о противнике. Она строилась на основе конкретных заданий командования отряда и велась Г. Е. Галушко, который в феврале 1944 г. поселился на нелегальной квартире в Тирасполе. К этой работе была также привлечена им Тираспольская комсомольско-молодежная группа Зины Чабан¹⁷⁰. Парканские патриоты собирали ценные сведения о дислокации и численности вражеских частей, штабов и аэродромов, о передвижении врага по железной и шоссейным дорогам. В архивных материалах, в частности, отмечается, что Иван Степанов «передавал, какое количество эшелонов направлялось на фронт и с фронта, какой груз следовал по железной дороге...»¹⁷¹. Как вспоминает Г. Е. Галушко, Зина Чабан доставляла разведанные из Паркан в Тирасполь, которые затем переправлялись в штаб отряда им. Г. И. Котовского и далее — командованию 4-го Украинского фронта¹⁷². Г. Д. Узун вспоминает: «Мне поручили составить карту расположения вражеских аэродромов, боеприпасов в г. Тирасполе и Гросулово. Дали мне документ на румынском языке, что я являюсь коммерсантом по закупке кабанов для румынской армии, дали хорошую бричку и красивую лошадь (эту лошадь я видел в Тирасполе на мельнице). Задание было выполнено... Когда наши самолеты прилетели бомбить тыл врага, то мы думали,

что, может быть, они летели и по нашим планам и картам»¹⁷³.

Отмечая активную разведывательную работу парканской партизанской группы, бывший начальник штаба отряда им. Г. И. Котовского Н. Должиков в своих воспоминаниях писал, что парканские патриоты добывали ценные «разведданные о группировке войск противника, о переброске живой силы по железной дороге и вообще... группа с поставленной перед ней задачей справилась отлично»¹⁷⁴.

Победоносное наступление советских войск на фронтах войны, приближение Красной Армии к территории Молдавии, связь с партизанами придавали новые силы парканским подпольщикам, вдохновляли их на самоотверженную борьбу с фашистскими поработителями. Вместе с подпольщиками Тирасполя и других сел они готовились к диверсионным актам, к вооруженным партизанским действиям. Прежде всего намечалось, как уже было отмечено, взорвать Бендерский железнодорожный мост на реке Днестр. В осуществлении этой диверсии командование отряда большую надежду возлагало на парканскую партизанскую группу, в связи с чем, вспоминает С. К. Римский, им было дано «указание о расширении группы и подготовке ее к взрыву моста»¹⁷⁵.

К этой операции патриоты тщательно готовились, разрабатывали план. Оружие и взрывчатку, о чем мы узнали из воспоминаний, должен был доставить из Тирасполя Г. Ф. Зинченко, член подпольной организации П. Е. Кустова¹⁷⁶. В своих воспоминаниях Ф. Я. Вербанов писал: «Из города сообщили, что как только мы подготовимся, т. е. сделаем детальную разведку возможного места подхода к мосту, они нам дадут не только взрывчатые вещества, но и специально подготовленных людей... В конце февраля 1944 г. нам удалось пробраться к мосту с юго-восточной стороны (со стороны Паркан) и установить место, где можно заложить взрывчатые материалы. Мы сообщили об этом в штаб отряда им. Котовского. Нам ответили, что пока взрывчатых материалов нет, нужно подождать»¹⁷⁷.

Однако осуществить этот замысел, а также план перехода к вооруженным боевым действиям совместно с отрядом им. Г. И. Котовского и партизанскими группами не удалось. В конце февраля — начале марта 1944 г. были разгромлены Тираспольская подпольная организация, руководимая П. Е. Кустовым¹⁷⁸, подпольные и партизанские группы в селах Трофимовка, Павловка, Грушка, Великопоское¹⁷⁹ и других населенных пунктах Молдавии и Украины. В один и тот

же день, 10 марта, были произведены аресты подпольщиков в Парканах и Тирасполе (из группы З. Чабан). Каратели бросили в застенки сигуранцы десятки молдавских и украинских патриотов. В их числе были комиссар отряда им. Г. И. Котовского П. И. Иванчук, помощник командира взвода Коган, подрывник А. Исаев.

Фашистские палачи применили против парканских подпольщиков, как и всех узников тюрьмы, самые изуверские пытки. Их нещадно били, подвешивали за ноги, выкручивали им руки, пропускали через них электрический ток. Но советские патриоты мужественно переносили истязания. Удивительную стойкость и героизм проявила в застенках сигуранцы бесстрашная комсомолка Лиза Пельтек. Ее мужеству восхищались заключенные. От постоянных побоев на допросах и пытках с применением электрического тока Лиза лишилась зрения, но, несмотря на это, сохранила стойкость духа, верность своим товарищам по борьбе, преданность Советской Родине, коммунистическим идеалам.

В конце марта — начале апреля 1944 г., за несколько дней до прихода Красной Армии, гитлеровцы учинили в Тирасполе кровавую расправу над политическими заключенными. Среди расстрелянных были и члены подпольной комсомольской организации села Парканы Василий Пельтек, Филипп Ангелов, Григорий Вербанов, Лиза Пельтек и Иван Степанов.

Давно уже отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, но имена парканских подпольщиков, отдавших свою жизнь в борьбе за свободу и независимость своей Родины, остались в сердцах советских людей. Трудящиеся Паркан свято чтят память о своих земляках, тех, кто в суровые годы фашистской оккупации вступил в неравную борьбу с врагом. Их героический подвиг и сейчас служит благородным примером преданности Советской власти, делу и идеям ленинской партии.

И. ЛЯШКО

ГЕРОИ ПОДПОЛЯ г. ТИРАСПОЛЯ

Тираспольский горком партии с первого дня вероломного нападения гитлеровцев на СССР мобилизовал коммунистов, всех жителей города на борьбу против фашистских захватчиков. Был скомплектован истребительный батальон численностью в 200 человек, проведена определенная рабо-

та по формированию коммунистического подполья. Несмотря на героическую оборону наших войск на реке Прут, врагу удалось, имея значительный перевес в силе, захватить в июле 1941 г. правобережную Молдавию, а 10 августа был оккупирован Тирасполь. Коммунистический истребительный батальон, народное ополчение влились в ряды регулярных частей Красной Армии. Подобранные партийными органами для борьбы в тылу врага коммунисты, комсомольцы, беспартийные патриоты вступили в борьбу с грозным противником с первых же дней оккупации. Но условия были тяжелыми. Оккупанты создали в городе широкую сеть военных и гражданских карательных органов. Над каждым жителем постоянно висела угроза быть расстрелянным или брошенным в тюрьму. Захватчики вели антикоммунистическую пропаганду, выявляли коммунистов, комсомольцев, беспартийных советских патриотов и расправлялись с ними. За три года своего хозяйничанья только в саду учебного хозяйства сельскохозяйственного института на Кирпичной Слободке фашисты расстреляли или заживо закопали более 4 тыс. советских людей, свыше 1500 жителей было расстреляно в карьерах за городской чертой¹⁸⁰.

В начальный период немецко-фашистской оккупации подпольные организации были еще неокрепшими, встречались с огромными трудностями, в их ряды проникали неустойчивые, а в отдельных случаях вражеские элементы, что приводило ко многим провалам. Действовавшие осенью 1941 и в начале 1942 г. подпольные группы и организации понесли серьезные потери. Но подполье жило, развивалось, набирало силы. В 1942—1943 гг., под влиянием замечательных побед Красной Армии на фронтах, усилилась и борьба в тылу врага. В Тирасполе возникли новые, более многочисленные подпольные организации. В их числе была и подпольно-патриотическая организация, руководимая коммунистом Кустовым Прокопием Ефимовичем (Кармелюком).

П. Е. Кустов родился в 1898 г. в крестьянской семье села Николаевка бывшего Бендерского уезда (ныне Тарутинский район Одесской области). В годы первой мировой войны в составе Севастопольского полка участвовал в войне против кайзеровской Германии. Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции П. Е. Кустов перешел на сторону большевиков, и в годы гражданской войны в составе 3-го украинского революционного полка участвовал в борьбе против белогвардейцев и иностранных интервентов. В то же время он вступил в ряды коммунистической партии. Гражданскую войну закончил в должности

командира полка. Демобилизовавшись из армии, П. Е. Кустов уехал на Северный Кавказ.

С первых дней Великой Отечественной войны он находился в действующей армии Юго-Западного фронта. Недалеко от города Конотопа в сентябре 1941 г. попал к немцам в плен. После побега из лагеря он перешел Буг и долго скитался по украинским селам, а в начале 1943 г. обосновался в Тирасполе.

Сначала Прокопий Ефимович устроился на работу в хозяйство, которому оккупанты присвоили имя маршала И. Антонеску (ныне совхоз-техникум им. М. В. Фрунзе). Там он познакомился с Мартой Грамс, которая знала почти всех рабочих, многое о них рассказывала, приносила новости о действиях фашистских оккупантов. П. Е. Кустов изо дня в день непринужденно и в то же время осторожно беседовал с рабочими, интересовался их заработками, семейной жизнью и в особенности их настроениями.

В начале июня 1943 г. П. Е. Кустов перешел на работу в учебное хозяйство сельхозинститута, контора которого размещалась на Кирпичной Слободке, рядом с железной дорогой. По ней непрерывным потоком с Запада на Восток шли эшелоны с солдатами, пушками, танками, боеприпасами. Для подпольщика такое место было исключительно удобным. Не случайно Прокопий Ефимович охотно принял предложение администрации устроиться на временную работу в качестве сторожа на бахче. Здесь П. Е. Кустов стал действовать решительнее и оперативнее. Часто под видом сапожника, нуждающегося в заработке, он беседовал с местными жителями поселка Кирпичная Слободка. В числе первых он посетил дом ездового маслобойни Выхристенко Евгения Ивановича, проживавшего по улице Петровской, 27 (ныне ул. Партизанская). Еще до этой встречи Кустов знал о том, что в период финской кампании погиб сын Е. И. Выхристенко — капитан дальнего плавания П. Е. Выхристенко, что два других сына — члены ВКП(б) Выхристенко Яков Евгеньевич и Дмитрий Евгеньевич сражаются в рядах Красной Армии. Отрекомендовавшись полковником Красной Армии Кустовым, он предложил Е. И. Выхристенко оказать содействие в привлечении патриотически настроенных людей для организации подпольной работы.

Через несколько дней Е. И. Выхристенко познакомил Прокопия Ефимовича с офицером Красной Армии Кириллом Ивановичем Вознюком, уроженцем села Красная Волока Лугинского района Житомирской области. К. И. Вознюк участвовал в войне с белофиннами. Перед Великой Отечест-

венной войной получил офицерское звание. Его воинская часть находилась в Тирасполе, и поэтому он хорошо знал город и людей, преданных Советской власти. С первого дня войны с гитлеровской Германией находился на передовой. Осенью 1942 г. попал к фашистам в плен.

Втроем обсудили сложившееся в Тирасполе положение, решили создать подпольную организацию с привлечением жителей прилегающих к городу сел. Тогда же руководителем подпольной организации избрали П. Е. Кустова, а К. И. Вознюка — его заместителем по организационным вопросам.

Примерно через неделю, когда Е. И. Выхристенко косил траву около железнодорожного полотна, он вдруг услышал стон и увидел человека, одетого в военное обмундирование. Долго не раздумывая, он взял незнакомого и отвез к себе в сарай. Это был Н. И. Шаров, уроженец села Голохово Брейтовского района Ярославской области, офицер Красной Армии, член ВКП(б) с 1930 г.

С завершением войны с белофиннами воинская часть, в которой служил Н. И. Шаров, была расквартирована на территории Молдавии недалеко от Дубоссар. Оттуда Николай Иванович часто ездил в Тирасполь и хорошо знал этот город. После воссоединения Бессарабии с СССР его артдивизион был переведен в столицу Молдавской ССР. В первые месяцы войны капитан Шаров командовал 3-м артдивизионом 134-го гаубичного артполка 95-й стрелковой дивизии. В апреле 1942 г. приказом Приморской армии был назначен заместителем командира 40-го артиллерийского полка 109-й стрелковой дивизии¹⁸¹. Он защищал от фашистских захватчиков Молдавию, Одессу, Севастополь. В первых числах июля 1942 г. в бессознательном состоянии на Херсонесском мысе попал к противнику в плен. Почти год томился в фашистском лагере в Крыму. Оттуда оккупанты в 1943 г. группами отправляли военнопленных в Германию. В одном из эшелонов находился и Н. И. Шаров. «В городе Тирасполе,— пишет из Ленинграда подполковник в отставке А. Д. Левашов,— эшелон стоял несколько суток на запасных путях. Н. И. Шарову удалось бежать. Первоначально скрывался в сарае на окраине города в русской семье. Хозяин дома, видимо, был связан с подпольной группой партизан и сам принимал в ней участие»¹⁸². Так оказался Н. И. Шаров в Тирасполе.

На следующий день в сарай Е. И. Выхристенко пришли П. Е. Кустов и К. И. Вознюк. Они подробно узнали о Н. И. Шарове, который попросил товарищей принять его в подпольную организацию. Просьба была удовлетворена и его

избрали заместителем руководителя подпольной организации по политической части.

Летом 1943 г. подпольщики провели большую работу по вовлечению в организацию преданных Советской власти людей. Важную роль в этом сыграл Е. И. Выхристенко, в доме которого собирались патриоты. К сентябрю в подпольно-патриотическую организацию были вовлечены жители Тирасполя С. М. Волков, Г. Ф. Зинченко, Г. К. Соловьев, А. Карбивничий, Н. А. Плисецкий, А. П. Савченко, С. П. Тесленко, Ф. И. Турчанинов, учитель В. И. Лысенко из села Парканы, служащий села Владимировка С. И. Павлин, жители села Славяно-Сербка Великомихайловского района Одесской области В. Ф. Гаркавенко, М. Ф. Гаркавенко, Н. А. Гриценко, Р. М. Шинкова-Коптюк. Всего в это время в организацию входило 18 человек, в том числе 4 члена КПСС и 3 комсомольца. Вместе с мужчинами подпольную работу против оккупантов проводили и две женщины — А. П. Савченко и Р. М. Шинкова-Коптюк, которые делали все возможное, чтобы приблизить час победы над ненавистным противником. В числе подпольщиков были молдаване, русские, украинцы, представители других национальностей.

Члены организации были строго законспирированы. Для решения наиболее важных вопросов П. Е. Кустов и его заместители встречались обычно в домах Е. И. Выхристенко и Г. Ф. Зинченко, реже — на квартире А. П. Савченко. Руководители поддерживали связь с определенными лицами. Отдельные рядовые подпольщики встречались с конкретными людьми. Так, Г. Ф. Зинченко посещал С. И. Павлина, Р. М. Шинкова-Коптюк — врача села Великопоское Д. И. Швецова, Г. К. Соловьев — рабочего тираспольской библиотеки Н. М. Цуркана и так далее.

Наладив систему связи между собой, подпольщики поставили задачу: создать разветвленную подпольную организацию в Тираспольском уезде, приступить к сбору оружия, оказывать всевозможную помощь продуктами, одеждой, документами военнопленным, политическим заключенным, поддерживать связь с другими организациями, действовавшими в городах и селах Молдавии, Украины, устанавливать контакты с заброшенными советскими парашютистами, проводить широкую разъяснительную работу среди населения.

Для получения правдивой информации нужен был радиоприемник. В связи с этим П. Е. Кустов через К. И. Вознюка вовлек в организацию Андрея Карбивничего, работавшего мастером по ремонту радиоаппаратуры для оккупантов. Последний до войны служил радиосвязистом в одной воинской

части с К. И. Вознюком и в период оккупации тайно хранил радиоприемник.

Как отмечается в следственных материалах румынской сигуранцы, Карбивничий «держал в курсе дела организацию о положении на советском фронте»¹⁸³.

С установлением связи при помощи радиоприемника Москва стала для патриотов ближе, осязаемее. В ночь с 5 на 6 августа Карбивничий принял по радио и записал приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 5 августа 1943 г. На рассвете 6 августа он передал текст приказа П. Е. Кустову. Содержание приказа подпольщики незамедлительно передали близким и знакомым. Постепенно правда о победах Красной Армии доходила до жителей города и окружающих сел.

Осенью 1943 г. в подпольно-патриотическую организацию, руководимую Кустовым, вступила А. К. Петровская, до этого входившая в состав другой организации, члены которой были арестованы. «Она, — говорится в румынском документе, — являлась автором распространенных по городу подпольных листовок, написанных на основании сведений, полученных от Карбивничего, который принимал их при помощи радиоприемника»¹⁸⁴.

Написанные от руки листовки (тиражом до 150 экз.) расклеивались по улицам Тирасполя и окружающим селам. Одна из них, от 16 января 1944 г., гласила: «Товарищи! Люди советские! Уничтожайте гитлеровских разбойников, не давайте вывозить награбленное разбойниками добро русское, сжигайте их склады и сооружения, вступайте в партизанские отряды. Не страшитесь их запугивания расстрелом. Этим мы поможем родной Красной Армии быстрее освободить нашу Родину от ненавистного врага. Красная Армия победоносно продвигается вперед на Запад. Смерть гитле-ризму!»¹⁸⁵

П. Е. Кустов и Н. И. Шаров не только направляли осуществляемую подпольщиками массово-разъяснительную работу среди населения, но и сами лично проводили беседы о положении на фронте с рабочими учебного хозяйства сельхозинститута, а также с бежавшими из фашистских лагерей советскими военными служащими, которые скрывались в каменоломне села Бычок.

Значительное место в деятельности организации занимали вопросы оказания помощи советским военнопленным и политзаключенным. Эта работа проводилась по трем основным направлениям: доведение до узников лагерей и тюрем правды о положении на фронте; передача продуктов питания,

одежды, денег, собранных у населения города и близлежащих сел; выкуп военнопленных и организация их побегов из тюрьмы.

Еще в конце июля 1943 г., пишет Б. Г. Зинченко, сын расстрелянного Григория Федоровича, «с помощью Кармелюка и Шарова, возможно, и других товарищей, были приобретены подвода, две лошади и документы на право передвижения по так называемой тогда Транснистрии»¹⁸⁶.

Вначале сбор денег, хлеба, одежды осуществлялся только в пределах города. Основными поставщиками денежных средств и продуктов питания были члены подпольной организации. Заведующий пекарней С. М. Волков отпускал хлеб, заведующий мельницей С. П. Тесленко выделял деньги и муку, заведующий маслобойней Ф. И. Турчанинов — деньги и растительное масло. Ездовой маслобойни Е. И. Выхристенко, рискуя жизнью, перевозил муку, хлеб, растительное масло в назначенное место для передачи военнопленным и политзаключенным, томившимся в лагерях и тюрьмах. Значительную работу в этом направлении проводила Р. М. Шинкова-Коптюк, работавшая заведующей молочного-сепараторным пунктом села Славяно-Сербка Великомихайловского района. Она привозила оккупантам в Тирасполь молочные продукты, часть которых оставляла у своей матери А. Е. Шежичкиной для нужд подпольно-патриотической организации. Иногда патриотка доставляла врагам порченные продукты. Хотя румынская сигуранца прямо не говорит о случаях порчи Р. М. Шинковой-Коптюк масла, тем не менее в донесении сказано, что в июле-августе 1943 г. она получила от доктора Швецова Дмитрия из села Великопловское флакончик с белой жидкостью для отравления масла, отправляемого из «Транснистрии»¹⁸⁷.

Материальную помощь заключенным оказывали и другие члены организации, а также жители города. В одной из информации в 1944 г. Тираспольский горком партии писал в Центральный Комитет КП(б) Молдавии, что Г. К. Соловьев, «используя свое положение коммерсанта, производил организованное периодическое снабжение военнопленных продуктами питания, затрачивая на это свои собственные средства и производя сбор средств и продуктов среди населения»¹⁸⁸.

С августа 1943 г. подпольная организация значительно расширила зону своей деятельности. Например, Е. И. Выхристенко и Г. Ф. Зинченко выезжали в села Владимировку, Бутор, Ближний Хутор, Григориополь, Терновку, а также в ряд сел Одесской области: Славяно-Сербку, Великоплов-

кое, Платоновку, Трофимовку и другие. Там они встречались со знакомыми людьми, рассказывали им о положении на фронте, собирали деньги, продукты питания, одежду, оружие¹⁸⁹.

Многое, в чем нуждались военнопленные и политзаключенные, доставлялось им в лагеря и тюрьмы в дни посещений, в основном женщинами, которые выдавали себя за жен, матерей, сестер заключенных. «От населения Тирасполя, — вспоминал бывший узник тюрьмы В. Я. Лихарев, — мы получали сводки Совинформбюро, продукты питания, деньги, которые распределяли по камерам»¹⁹⁰.

Подпольщики проводили также работу по освобождению военнопленных из лагерей. «На средства, собранные у людей, — вспоминает дочь расстрелянного Е. И. Выхристенко Ф. Е. Дейнега-Зинченко, — выкупали наших пленных из румынского лагеря, находившегося в районе ТЭС. Этих пленных направляли в каменоломни села Бычок»¹⁹¹.

Скрывавшихся в каменоломнях узников подпольщики снабжали оружием, продуктами питания, табаком, деньгами, одеждой, медикаментами, транспортом, соответствующими документами¹⁹².

Осенью 1943 г. за хранение красного флага румынской полицией был арестован Ф. И. Турчанинов. Этот случай сильно взволновал руководителей организации, которые приняли дополнительные меры по усилению конспирации. Кроме того, они сделали все возможное, чтобы вызволить Ф. И. Турчанинова из застенков сигуранцы. И это им удалось. Г. К. Соловьев по заданию П. Е. Кустова добился освобождения Турчанинова из-под ареста.

Подпольно-патриотическая организация обеспечивала документами лиц, которые преследовались карательными органами оккупантов. Для этого использовались различные формы. Член организации А. П. Савченко, работавшая служащей примарии по продаже билетов при входе на рынок, была вне подозрения полиции. Ее квартиру посещали К. И. Вознюк и некоторые лица, бежавшие из лагеря военнопленных. Мать А. П. Савченко Е. А. Сельвестрова вспоминает: «Приводили к ней пленных, Анна выдавала паспорта, и они уходили на волю»¹⁹³. О том, что А. П. Савченко приобретала советские паспорта, хранившиеся в примарии, и передавала их патриотам, констатировала и румынская сигуранца. В одном из архивных документов оккупантов сказано, что она «передала Вознюку несколько советских паспортов»¹⁹⁴, которые затем были вручены лицам, преследовавшимся румынскими властями и не имевшим документов. Паспорт, при-

надлежавший В. И. Лысаковской, К. И. Вознюк передал А. К. Петровской, которая была арестована, но сбежала и преследовалась румынской полицией. Другой член организации С. И. Павлин работал в то время секретарем примарии села Владимировка. Он снабжал подпольщиков чистыми бланками со штампом и печатью примарии.

Подпольно-патриотическая организация под руководством П. Е. Кустова поддерживала или пыталась установить связь с подпольщиками ряда сел Тираспольского и Григориопольского районов Молдавской ССР, Одесской и Винницкой областей. О связях этой организации с патриотами сел и городов Молдавии и Украины свидетельствуют архивные документы румынской сигуранцы и воспоминания родных расстрелянных подпольщиков. С. М. Волков, например, выполняя задания Вознюка и Кустова, неоднократно выезжал в Григориополь, где встречался с В. Ф. Паляницыным, одним из руководителей коммунистического подполья, обсуждал вопросы совместных действий против оккупантов. Г. К. Соловьев поддерживал связь с подпольщиками города Одессы. Сын Соловьева Владимир Георгиевич вспоминает: «В период фашистской оккупации отец занимался частной торговлей... Он часто ездил в Одессу, реже в Каменец-Подольский, Жмеринку, а также в села, расположенные вокруг Тирасполя. Знаю, что в Одессе он встречался с какими-то людьми, проживавшими в катакомбах. Отец приобретал румынские разрешения на право проезда по городам и селам Транснистрии и кому-то передавал их»¹⁹⁶.

Члены подпольной организации совершили несколько диверсий. В середине декабря 1943 г. на северо-восточной окраине города в районе Калкотовой Балки было взорвано несколько вражеских вагонов с боеприпасами. В этой операции участвовали Н. И. Шаров, К. И. Вознюк, Е. И. Выхристенко, Г. Ф. Зинченко, С. И. Павлин¹⁹⁶. Была предпринята попытка подорвать мост через Днестр, который усиленно охранялся¹⁹⁷.

Организация собирала сведения военного характера. С этой целью Е. И. Выхристенко по заданию П. Е. Кустова ездил в окрестности Тирасполя, чтобы узнать там месторасположение немецкого аэродрома. Как свидетельствуют документы оккупантов, патриоты пытались привлечь на свою сторону женщину-топографа, которая работала в немецком штабе, чтобы заполучить у нее копии выполняемых ею работ. П. Е. Кустову было известно, что в селе Великопоское существует подпольный радиопост приема-передачи. Подпольщики пытались осуществить через эту радиостанцию пере-

дачу сведений военного характера командованию Красной Армии.

Члены организации готовились и к вооруженному выступлению. Они собирали и прятали оружие. Так, В. Ф. Гаркавенко из села Славяно-Сербка нашел несколько карабинов с боеприпасами и через Н. А. Гриценко передал их К. И. Воздюку. Е. И. Выхристенко и Г. Ф. Зинченко выезжали в село Трофимовку Одесской области, где встречались с местными подпольщиками и, как утверждает Ф. Е. Дейнега-Зинченко, «с ними вместе ездили в Туманский лес, где советские парашютисты прятали оружие, и оттуда, из леса, на подводе с двойным дном привозили оружие»¹⁹⁸, которое переправлялось в каменоломни села Бычок.

За время своей деятельности подпольно-патриотическая организация численно выросла, получила поддержку местного населения, провела несколько смелых операций, накопила определенный опыт в подпольной работе против оккупантов и имела возможность развернуть действия в более широком масштабе. В феврале 1944 г. румынская сигуранца признавала, что руководимая Кармелюком (Кустовым) организация «могла принести реальную пользу Советам, если бы ее деятельность не была вовремя парализована»¹⁹⁹. Однако организация была раскрыта и в феврале—начале марта 1944 г. ее члены были арестованы и заключены в тюрьму. Направляя арестованных в Тираспольский военно-полевой суд, румынская сигуранца приложила в качестве вещественных доказательств один обрез с 46 патронами, остатки сгоревших деталей радиоприемника, карту «Южный участок Восточного фронта», два письма, написанных химическим карандашом, которые были обнаружены у Гриценко Николая, и другие документы²⁰⁰.

Тюрьмы были так переполнены, что захватчики не имели возможности поместить туда советских патриотов. В письме сигуранцы г. Тирасполя штабу 3-го румынского армейского корпуса от 23 февраля 1944 г. говорилось: «Продолжая следствие и не имея достаточно мест в нашей тюрьме для такого большого количества арестованных, просим сообразоваться и разрешить интернирование вышеуказанных в Тираспольскую тюрьму военно-полевого суда»²⁰¹.

Узники тюрьмы совершили несколько массовых побегов. Среди тех, кому удалось бежать и скрыться от преследования, был С. И. Павлин (умер в 1971 г. и похоронен в селе Владимировка).

Фашистские оккупанты зверски издевались над заключенными, а за несколько дней до освобождения Тирасполя

частями Красной Армии их вывели в сад учебного хозяйства и заставили рыть для себя могилы. Здесь и были расстреляны 16 из 18 членов подпольно-патриотической организации: П. Е. Кустов, К. И. Вознюк, С. М. Волков, Е. И. Выхристенко, В. Ф. Гаркавенко, М. Ф. Гаркавенко, Н. А. Гриценко, Г. Ф. Зинченко, А. Карбивничий, В. И. Лысенко, Н. А. Плисецкий, А. П. Савченко, Г. К. Соловьев, С. П. Тесленко, Ф. И. Турчанинов и Р. М. Шинкова-Коптюк.

В настоящее время над братской могилой возвышается обелиск, напоминающий всем о бесстрашной борьбе подпольщиков против фашизма.

С. ГРАТИНИЧ

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ЗА РОДИНУ»

В первых числах августа 1941 г. немецко-румынские фашистские войска захватили г. Дубоссары. Для жителей города, как и для трудящихся всей республики, наступили тяжелые годы фашистской оккупации. Вся жизнь населения регламентировалась многочисленными приказами и распоряжениями оккупационных властей. В обращении к населению начальник губернаторства «Транснистрия», в состав которого входил Дубоссарский уезд, прямо указывалось, что «...те, которые осмелятся отступить от этих законов, будут наказаны без сострадания, по военным законам²⁰², иными словами, будут казнены или заточены в тюрьмы и концлагеря. Население было обязано в 10-дневный срок сдать «все предметы, носящие коммунистический характер»: советскую литературу, фотографии, значки, эмблемы и прочее. На списках изъятой литературы префект Дубоссарского уезда коротко писал: «Предать огню»²⁰³.

В Дубоссарах был установлен комендантский час, всем жителям уезда запрещалось ходить группами, выезжать без специального разрешения из населенного пункта, слушать советские радиопередачи, петь советские песни и т. д.²⁰⁴.

С первых дней оккупации фашисты учинили в Дубоссарах и селах района дикую расправу над мирным населением. Особо отличился карательный отряд гестаповцев под командой Келлера, следовавший вслед за гитлеровскими войсками. Принимавший участие в расстрелах мирных жителей пособник оккупантов бургомистр Дубоссар некий Деменчук с ци-

низмом рассказал советскому суду: «Утром 12 сентября 1941 г. 2500 человек были доставлены во двор табачной фабрики. Мужчины были отделены от женщин и детей, после чего их по 30 человек направляли к ямам, где они раздевались, становились на колени, и в упор из винтовок их расстреливали. Закончив расстрел мужчин, карательный отряд приступил к расстрелу женщин и детей. Дети становились рядом с матерями у могил. Грудных детей матери должны были держать на вытянутой руке»²⁰⁵. Согласно данным комиссии по расследованию злодеяний немецко-румынских оккупантов, только с 12 по 28 сентября 1941 г. фашисты уничтожили в Дубоссарах от 6 до 8 тыс. советских граждан, среди них много женщин, детей и стариков²⁰⁶.

Прежде всего фашисты избавлялись от коммунистов, комсомольцев и советских активистов. В Дубоссарах без суда и следствия были расстреляны коммунисты и советские активисты Г. Мустяцэ, К. Бочилэ, Я. Сэрэтану, А. Гурий, К. Пасиевич, в с. Маловата — С. Авксентьев, П. Авксентьев, К. Реул, В. Реул, в с. Карантин — А. С. Урбанский, М. М. Корниенко, М. П. Жемчужный, И. Г. Кардашев, в с. Перерыта — К. Ф. Башканян, К. И. Крачун, Г. С. Константинов, В. П. Добан, Д. И. Верлан, В. К. Моисеев, И. С. Цуркан, А. С. Урсул, И. И. Верлан. В селах Магала и Коржово фашисты уничтожили 10 человек сельского актива, в с. Кочиеры — 6, Дойбаны — 23, Роги — 5, Ягорлык — 41, Лунга — 10 человек²⁰⁷. Кроме этого, как явствует из документов румынских карательных органов, сотни советских людей брались оккупантами на особый учет и заносились в специальные регистрационные книги «подозрительных», «опасных» и «особо опасных». В Дубоссарском уезде в такие книги каратели внесли первоначально 428 партийных и советских активистов²⁰⁸. Фашисты систематически подвергали их допросам и избиениям, глумились над ними, бросали в тюрьмы и лагеря, расстреливали.

Однако, несмотря на жесточайший террор, оккупантам не удалось сломить сопротивление советских людей. Еще до оккупации Молдавии Дубоссарский райком партии создал в районе к началу августа 1941 г. подпольную партийную организацию во главе с третьим секретарем райкома и два партизанских отряда под командованием В. И. Сычинского и А. С. Попескула. Третий отряд из 8 человек (командир К. В. Синько) был сформирован уже после захвата города и оставлен в тылу врага в районе с. Валегоцулово Одесской области²⁰⁹. Но в результате массовых арестов и расстрелов в первые месяцы оккупации подполье было обескровлено и не

смогло развернуть активной борьбы против фашистских захватчиков.

На место погибших и арестованных товарищей становились новые патриоты: рабочие, колхозники, интеллигенты, а также бежавшие из фашистского плена бойцы и командиры Красной Армии. Они объединялись в подпольные группы для решительной борьбы против оккупантов. В феврале 1942 г. одна из таких групп была создана в городе Дубоссары по инициативе бывшего инструктора Дубоссарского райкома комсомола Игната Никифоровича Дешевого и уроженца села Большой Фонтан этого же района, бывшего председателя Болдурештского сельсовета Ниспоренского района Дмитрия Игнатьевича Надводского.

И. Н. Дешевый перед войной окончил командирские курсы, служил в Рыбнице, командовал взводом. В августе 1941 г. попал в плен, бежал и в начале сентября вернулся в Дубоссары. Д. И. Надводский с 1937 по 1940 г. проходил службу в Красной Армии, принимал участие в войне с белофиннами. После демобилизации был направлен на работу в Ниспоренский район.

И. Н. Дешевый прибыл в Дубоссары в момент разгула фашистского террора. Он оказался свидетелем того, как оккупанты расстреливали и вешали мирных советских граждан, активистов, тысячи мужчин, женщин и детей, согнанных в гетто из Дубоссар и многих других мест. Оценив обстановку, И. Н. Дешевый решает на отчаянный шаг: установить связь с гетто, создать там подпольную организацию, чтобы затем поднять восстание обреченных на гибель людей²¹⁰. Но в разгар подготовки к выступлению против оккупантов по доносу провокатора И. Н. Дешевый был арестован. В своих воспоминаниях он пишет: «Фашисты меня сильно избили, затем поставили у стены. Смеясь, они стреляли, но пули ложились рядом с головой»²¹¹. Вдоволь поиздевавшись над своей жертвой, Келлер решил освободить И. Н. Дешевого. Трудно сказать, что заставило пойти его на такой шаг. Можно полагать, что, не добившись от И. Н. Дешевого выдачи «сообщников», гитлеровец решил проследить за его контактами с другими советскими гражданами. И. Н. Дешевый, согласно предписанию Келлера, должен был ежедневно являться для отметки в комендатуру. Так продолжалось до отъезда карательного отряда Келлера из Дубоссар в октябре 1941 г.

Пытки в фашистском застенке не сломили волю советского патриота к борьбе против оккупантов. Оказавшись на свободе, И. Н. Дешевый стал искать единомышленников. Встреча с Д. И. Надводским и положила начало созданию под-

польной группы, подбору преданных Родине патриотов, готовых в жесточайших условиях фашистского террора выступить против захватчиков.

Как видно из воспоминаний И. Н. Дешевого, в феврале 1942 г. состоялось первое организационное заседание подпольщиков, в котором принимали участие комсомольцы Д. И. Надводский, А. М. Жулавский и бежавший из плена кандидат в члены ВКП(б) И. В. Сокольников. До войны И. В. Сокольников работал вольнонаемным в одной из воинских частей г. Дубоссары. Было принято решение назвать группу «За Родину». Первоначально в ее состав входило 4 человека, а затем численность группы выросла до 10 патриотов. Руководителем группы единодушно избрали И. Н. Дешевого (подпольная кличка «Решов»), а его помощником — Д. И. Надводского. Комиссаром подпольной группы был утвержден А. М. Жулавский. Ему поручили вести политическую работу среди населения, организовать разведку²¹².

На этом и последующем заседаниях членам группы было дано указание добывать оружие, подбирать для подпольной борьбы из числа стойких и преданных комсомольцев и молодежи новых членов организации, соблюдая при этом строгую конспирацию, входить в доверие к оккупационным властям, узнавать их замыслы, устраиваться на такие работы, где можно было бы принести наибольший вред врагу, выявлять провокаторов и предателей²¹³.

Вскоре Д. И. Надводский привлек к подпольной работе сельского учителя И. М. Жулавского (брата А. М. Жулавского), своего брата комсомольца, шестнадцатилетнего колхозника из артели «Красный партизан» с. Большой Фонтан И. И. Надводского, а также бежавших из фашистского плена уроженцев этого же села комсомольца А. Н. Мироненко и И. В. Макаренко. И. И. Жулавскому было поручено редактирование листовок²¹⁴. Позже в состав этой группы вошел бывший работник милиции г. Дубоссары комсомолец В. Д. Абраш. Еще до оккупации республики он стал бойцом истребительного батальона по борьбе с вражескими парашютистами и диверсантами, а затем вместе с женой В. Абраш (Пысларь) был зачислен в состав формируемого партизанского отряда под командованием начальника милиции, коммуниста В. И. Сычинского.

Свою деятельность подпольщики начали с агитационно-пропагандистской работы среди населения. Значение ее в этот сложный для нашей страны период было велико. Они разоблачали лживую фашистскую пропаганду, вселяли в сердца людей веру в победу Красной Армии, призывали

саботировать мероприятия оккупантов. Войдя в доверие к местным властям и будучи назначенным шефом «трудовой общины», А. М. Жулавский, на которого была возложена эта задача, установил связь с надежными людьми, работавшими в примарии с. Маловата, где имелся радиоприемник. От них он получал информацию советского радио, на основании которой писал на молдавском и русском языках листовки и переправлял их в Дубоссары²¹⁵. Как шеф общины А. М. Жулавский оказывал помощь семьям военнослужащих, налаживал связи с советскими активистами. В донесении румынской секретной службы информации от 9 июля 1943 г. говорится, что, находясь в этой должности, он «имеет тесные связи с бывшими партизанами и комсомольцами, которым покровительствует в случаях принудительного вывода на различные работы. Его можно увидеть часто в компании коммуниста Владимира Опри из с. Маловата», который, как указывается далее в документе, после вступления Красной Армии в Бессарабию «был председателем сельсовета в селе Данчены уезда Лапушна». В своих воспоминаниях А. М. Жулавский писал: «...Мне дали поручение организовать комсомольцев и активистов, которые остались в живых... Первым, с кем связался, был Опря Георгий Тимофеевич. Он работал каким-то секретарем в примарии. В обеденный перерыв закрывался и слушал... оперативные сводки и передавал мне...»²¹⁶.

На основе этих материалов писались и размножались листовки, в основном женами подпольщиков Дешевой Аксиной Ивановной и Сокольниковой Ефросиньей Ивановной. Иногда, как об этом писал И. Н. Дешевый, по заданию патриотов они, рискуя жизнью, распространяли их на базаре, куда в воскресные дни съезжались крестьяне из многих сел. Подпольщики расклеивали также листовки за городом на столбах вблизи шоссе, разбрасывали в селах, куда неоднократно выезжали по заданию группы И. Макаренко и И. Сокольникова.

В сборе информации о противнике и деятельности фашистской администрации подпольщики прибегали к различным способам. Уже на втором заседании группы, как отмечает ее руководитель И. Н. Дешевый, «братья Жулавские и Дмитрий Надводский, игравшие на духовых инструментах, получили задание устроиться в офицерский клуб с тем, чтобы узнавать там у пьяных офицеров новости фронта и другие сведения»²¹⁷. Полученную информацию патриоты также использовали в устной пропагандистской работе, в составлении листовок.

И. Н. Дешевый писал, что когда в 1942 г. фашистские

власти обязали советских людей сдать от каждого двора по паре шерстяных носков, перчаток и другие теплые вещи, подпольщики выпустили специальную листовку, в которой призывали население сорвать кампанию оккупантов по сбору для фашистской армии теплой одежды²¹⁸.

Вдохновленные разгромом гитлеровских войск под Москвой и последующим успешным наступлением Красной Армии, подпольщики планировали перейти к боевым действиям — организовать нападение на румынские казармы, взорвать помещение жандармерии, узловую телефонную станцию, мост через р. Днестр, осуществить диверсии по уничтожению военных складов с боеприпасами и горючим на железнодорожных станциях в Котовском и Красноокнянском районах, куда с целью разведки ходили по заданию группы И. И. Надводский и А. Н. Мироненко²¹⁹. О некоторых фактах их диверсионной деятельности рассказывается в воспоминаниях бывших подпольщиков и родных погибших патриотов. Так, в 1942 г. И. В. Сокольников и И. В. Макаренко уничтожили румынского жандарма, захватили его оружие. В начале 1943 г. на трассе Дубоссары—Котовск—Рыбница на расстоянии 1 км они спилили 7 телеграфных столбов, оборвали и разбросали в поле провода. Примерно в это же время Д. И. Надводский убил в районе с. Калиновка двух румынских офицеров, забрал их оружие и форму²²⁰. В заключении Дубоссарской районной комиссии указывается, что подпольщики «уничтожили четырех румынских солдат и офицеров, забрали оружие»²²¹.

Готовясь к активным боевым действиям, дубоссарские патриоты важное значение уделяли приобретению оружия и боеприпасов. И. Н. Дешевый в своих воспоминаниях писал: «Перед нашей группой стояла одна из сложных задач — добыть оружие. Его мы решили достать в румынской казарме, в которой размещался строительный батальон. По нашим сведениям, там имелись взрывчатка и пулеметы. Дмитрий Надводский устроился работать на частную маслобойку, которая находилась напротив казармы. Оттуда он наблюдал за сменой караула, за тем, что происходит внутри, вступал в беседу с заходившими на маслобойку солдатами, от которых получал некоторые сведения...»²²². Разоружить небольшой вражеский гарнизон патриоты намечали в пасхальную ночь 1943 г., когда, как они полагали, офицеры будут в увольнении. Проникнуть на территорию казармы намечалось в румынской военной форме. Уже к тому времени у патриотов имелось 15 винтовок (10 из которых стащили из румынского обоза), около 300 патронов, 3 пистолета, гранаты²²³. Оружие прятали

в заброшенной церковной сторожке, находившейся в центре города. «При осуществлении нашего плана по захвату казарм и оружия, — рассказывает И. Н. Дешевый, — мы рассчитывали освободить советских военнопленных в Дубоссарах и, вооружив их, уйти в леса Украины»²²⁴. На заседании группы было принято решение предварительно произвести разведку. Это задание было поручено Д. И. Надводскому, И. В. Сокольникову и И. М. Жулавскому. В одну из дождливых ночей они разрезали колючую проволоку, но когда оказались рядом со складами, появились вражеские солдаты. Завязалась перестрелка. Подпольщикам удалось скрыться. Вражеский гарнизон был поднят по тревоге²²⁵. В городе начались новые облавы и обыски. Группа на время прекратила какие-либо действия и настойчиво искала связь с партийным подпольем и другими организациями, понимая, что под руководством коммунистов борьба против оккупантов будет намного успешнее. Такую связь удалось установить с Дубоссарской подпольной организацией, руководителем которой являлся М. И. Куликов. В марте 1943 г. группа «За Родину» волилась в ее состав²²⁶.

О боевой деятельности дубоссарских подпольщиков с момента слияния группы «За Родину» с организацией М. И. Куликова известно очень мало. О некоторых фактах снабжения украинских партизан продуктами рассказала Е. И. Сокольникова, которая с семьей жила в одном доме с М. И. Куликовым и выполняла различные поручения организации. В Дубоссары, по ее словам, из Украины приходил связной, и примерно с 1942 г. до середины 1943 г. М. И. Куликов направлял своих людей «с продуктами во Фрунзовский район Одесской области, в лес к партизанам»²²⁷. В этом участвовали члены группы И. Н. Дешевого. Так, например, И. В. Сокольников, который занимался сапожным ремеслом, брал за работу зерно и обменивал его на мельнице у своего человека на муку, из которой Ефросинья Ивановна выпекала для партизан хлеб. Из ее рассказа узнаем, что И. В. Макаренко и И. В. Сокольников переодевались в форму немецкого офицера и ночью переправляли продукты партизанам²²⁸. Как впоследствии рассказал советскому суду агент сигуранцы А. Гилка, патриоты накопили оружие и готовились перейти к вооруженным действиям. В Осиповском лесу Фрунзовского района Одесской области и в Лунговском лесу Дубоссарского района были заложены тайники с оружием и обмундированием²²⁹. В своих воспоминаниях И. Н. Дешевый писал: «...Мне объяснили, что в нужный момент мы должны пойти в Осиповский лес Фрунзовского района, вооружиться там и на-

чать оттуда вооруженную партизанскую борьбу. В лесу у них там была база, хранилось оружие...»²³⁰.

Однако осуществить эти замыслы подпольщикам не удалось. В мае 1943 г., в тот момент, когда они собирались выйти на партизанскую базу и развернуть против фашистских захватчиков вооруженную борьбу, по доносу предателя организация была разгромлена²³¹. В Дубоссарах жандармы арестовали и бросили в застенки М. И. Куликова, И. Н. Дешевого, И. В. Сокольникова, И. В. Макаренко, произвели также аресты во Фрунзовском районе Одесской области. Фашисты жестоко истязали подпольщиков, пытали электрическим током, подвешивали вверх ногами и били по пяткам, избивали до потери сознания. Патриоты мужественно переносили все пытки. Оккупанты так и не смогли добиться от них сведений о подпольной организации и ее составе, наличии и месте хранения оружия. Из-за недостатка улик были освобождены И. В. Сокольников и И. В. Макаренко. М. И. Куликова, И. Н. Дешевого и других жандармы заковали в кандалы и под усиленной охраной отправили в Тирасполь. В сентябре 1943 г. военно-полевой суд приговорил М. И. Куликова к пожизненной каторге. Искалеченным, в тяжелом состоянии был выпущен на волю И. Н. Дешевый. Товарищи по подполью достали необходимые медикаменты, организовали лечение, и он выжил. «Я начал ходить, — пишет в своих воспоминаниях И. Н. Дешевый, — занялся снова сапожным делом, стал включаться в подпольную работу...»²³²

Борьбу продолжали оставшиеся на свободе патриоты из группы «За Родину». После ареста И. Н. Дешевого руководство этой группой принял на себя Д. И. Надводский, который часто выходил на боевое задание в форме немецкого офицера. В сентябре 1943 г., именно в то время, когда в Тирасполе фашистский трибунал выносил приговор дубоссарским подпольщикам, диверсионная группа из трех человек (Д. И. Надводский, И. В. Макаренко, третий участник группы неизвестен) предприняла попытку взорвать мост через Днестр в районе Дубоссары—Криуляны. Однако, как писал в своих воспоминаниях И. И. Надводский, «взорвать не успели, так как их обнаружила охрана. Открылась стрельба — брату и остальным подпольщикам пришлось скрыться. Они ушли в Котовск и несколько дней не появлялись дома»²³³. О том, что факты нападения на фашистскую охрану моста через Днестр в районе Дубоссары—Криуляны имели место, свидетельствуют донесения карательных органов оккупантов, но в них не указаны конкретные лица. Так, из донесения

полиции г. Оргеева от 1 октября 1943 г. Кишиневскому областному инспекторату полиции узнаем, что вечером 28 сентября 1943 г. трое неизвестных лиц подошли со стороны «Транснистрии» к мосту на расстояние 5 м, «они дважды выстрелили в солдата, затем исчезли... солдаты-пограничники открыли огонь. На месте происшествия найден патрон от русской винтовки...»²³⁴. Месяцем раньше Кишиневский областной инспекторат полиции сообщал генеральной дирекции полиции Бухареста, что 23 августа в «ночь между 22 и 23 часами неизвестные лица стреляли в часовых взвода противовоздушной обороны моста у с. Криуляны»²³⁵.

Победоносное наступление советских войск и приближение Красной Армии к территории Молдавии способствовали активизации боевой деятельности дубоссарских подпольщиков. Основное внимание теперь уделялось диверсионным действиям. В этих целях по инициативе Д. И. Надводского была создана партизанско-диверсионная группа из 6 человек, в которую кроме него вошли И. В. Сокольников, И. В. Макаренко, В. Д. Абраш, А. Н. Мироненко. Связным был назначен И. И. Надводский. Судя по воспоминаниям бывших подпольщиков и родных погибших, группа организовывала диверсии, уничтожая гитлеровских солдат и офицеров²³⁶.

В марте 1944 г., подпольщики узнали, что из Рыбницы в сторону Дубоссар фашисты будут гнать партию советских военнопленных. Патриоты приняли решение освободить их на развилке дорог Рыбница-Дубоссары-Роги и переправить в маловатские каменоломни. А. М. Жулавскому было поручено исследовать шахты, заготовить продукты, подобрать в с. Маловата девушек-комсомолок для оказания помощи больным и раненым советским воинам, а также приготовления горячей пищи²³⁷. С этим заданием он успешно справился. В назначенный день, как указывают в своих воспоминаниях И. Н. Дешевый и И. И. Надводский, партизанско-диверсионная группа, вооруженная пистолетами и гранатами, пробралась в лес Маринова роща, откуда предстояло выйти к заданной цели. В лесу партизаны обнаружили гитлеровцев с тремя пушками на конной тяге, двигавшихся к главной трассе. Д. И. Надводский принимает решение атаковать их из засады. Когда фашисты оказались близко, они забросали их гранатами²³⁸. Но на шоссе патриоты вышли с опозданием. Колонна советских военнопленных прошла.

Однако эта неудача лишь усилила их стремление мстить фашистам. В ту же ночь они подорвали на трассе у с. Гоян две немецкие грузовые автомашины. По возвращении в Дубоссары группа приняла решение взорвать Криулянский

мост, через который интенсивно переправлялись на правый берег реки Днестр вражеские войска и техника. В полночь Д. И. Надводский, И. В. Сокольников и И. В. Макаренко подкрались к мосту и заминировали его. Взрыв получился небольшой силы, и, как отмечается в заключении дубоссарской районной комиссии, повреждена была лишь часть моста²³⁹.

Когда на рассвете 10 апреля 1944 г. в село Большой Фонтан вошли советские разведчики, А. Н. Мироненко провел их огородами к ручейку, где расположился немецкий отряд. За ним он наблюдал из чердака своего дома, скрываясь там от облавы. Советские воины незаметно подкрались и открыли по гитлеровцам уничтожающий огонь. Часть из них была истреблена, другие сдались в плен. Лично А. Н. Мироненко уничтожил из своего трофейного автомата несколько фашистов²⁴⁰.

В этот же день Красная Армия освободила Дубоссары от оккупантов. Трудящиеся встретили доблестных воинов со слезами радости на глазах. Над городом снова засияло солнце свободы. Подпольщики ушли на фронт, чтобы продолжить борьбу против фашистских захватчиков. В 1945 г., незадолго до окончания войны, героически погибли в боях с гитлеровцами Д. И. Надводский и И. Ф. Сокольников. Те, кто уцелел, вернулись к мирному труду. В настоящее время на заслуженном отдыхе находятся И. Н. Дешевый и Н. И. Надводский. К сожалению, далеко не все нам известно о боевой деятельности дубоссарских патриотов, но и то, что удалось установить, убедительно свидетельствует об их самоотверженной борьбе, стойкости и мужестве.

М. НОВОСЕЛОВ

БОРЬБА ПАТРИОТОВ СЕЛ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Несмотря на тяжелые условия, сложившиеся в период немецко-румынской оккупации, в селах Приднестровья, как и по всей республике, развернулась борьба против ненавистных захватчиков. Подпольные организации и группы возникали по инициативе патриотов или создавались заранее оставленными для работы в подполье коммунистами и комсомольцами. Всегда неравной была эта борьба. Не зная правил конспирации, методов вражеской слежки, подпольщики зачастую попадали в кровавые руки врага. Оккупанты

жестоко расправлялись с ними: расстреливали, сажали в фашистские тюрьмы, отправляли в лагеря смерти. Патриоты гибли, но не стихала борьба против оккупантов. Подпольно-патриотические группы действовали в Слободзее, Ближнем Хуторе, Ново-Котовске, Парканах, Терновке, Первомайске и других селах Приднестровья. В предлагаемой статье речь пойдет о действиях подпольных групп, возникших в Ближнем Хуторе, Ново-Котовске и Первомайске.

* * *

Ближний хутор — село многонациональное. Его издавна населяли молдаване, украинцы, русские. Оно оказалось в водовороте событий с первых дней войны, выдержало испытание на спаянность и прочность. Через село шли на восток эвакуируемые советские граждане, отступавшие части Красной Армии. Напоить холодной колодезной водой истомившихся в летнюю жару людей, поделиться с ними горячей пищей, дать кров и ночлег — во всем этом, на первый взгляд простом и житейском, проявлялись высокие нравственные качества хуторских жителей. С конца лета 1941 г., когда хутор уже оккупировали фашистские захватчики, здесь тайком стали появляться бывшие советские военнослужащие. Одни вырывались из окружения, другие бежали из фашистских концентрационных лагерей. Избежав фашистского плена, не сумев прорваться через линию фронта, они оставались на хуторе: работали в общественной кошаре, помогали жителям села в хозяйстве, занимались подсобным промыслом. У местных жителей они постоянно вызвали живой интерес, с ними охотно встречались, к ним тянулись за новостями, как к людям бывалым, много в этой войне повидавшим и испытавшим. Фронт откатился далеко на восток. Ближний Хутор остался в глубоком вражеском тылу, и советским людям хотелось знать из рассказов очевидцев о положении на фронтах. В близкие, доверительные с «окруженцами» отношения охотно входили молодые люди села, которые собирались в доме Григория Любенко или на чердаке Тимофея и Василисы Бритовых, у которых жили лейтенант Н. Иванов и ополченец из Одессы Игорь Мастобаев. В этих беседах сельские юноши откровенно высказывали свою ненависть к оккупационному режиму и ждали совета, с чего и как начать борьбу против оккупантов.

Постепенно под влиянием более опытных в военном отношении бывших военнослужащих Красной Армии несколько юношей хутора объединились в подпольную организацию. В

нее вошли Григорий Любенко, Александр Друзь, Иван Тертилов, Иван Клочков, Александр Шуляк, Петр Шуляк. Руководителем организации стал Григорий Любенко. Были у него по сравнению с другими юношами и некоторый жизненный опыт и сноровка военного человека: отслужил перед войной кадровую службу и вернулся в село старшим сержантом, помощником командира взвода. Перед самой войной заболел и в армию по мобилизации призван не был. В подпольно-патриотическую организацию под руководством Г. Любенко вступили также и некоторые «окруженцы» — лейтенант Николай Иванов, младший лейтенант Николай Ковальчук, Дмитрий Подлегаев, Николай Кириченко, Иван Цыбуленко, Иван Доценко, ополченец Игорь Мастобаев.

Организация молодых подпольщиков на Ближнем Хуторе действовала около двух лет. Основным оружием в борьбе с оккупантами стала у них агитация. В доме Ивана Тертилова находился радиоприемник. С целью конспирации установили его в нежилой комнате. Сведения о положении на фронтах Великой Отечественной войны подпольщики стали регулярно распространять среди молодежи села.

О существовании и деятельности подпольной молодежной организации на Ближнем Хуторе стало известно подпольщикам Тирасполя. Член тираспольской подпольно-патриотической организации А. Топор прежде проживал на хуторе и лично знал некоторых ее членов. По заданию своей организации он начал постепенно восстанавливать старые знакомства. Один из руководителей подпольно-патриотической организации в г. Тирасполе М. Сосидько в марте 1949 г., вспоминая этот период, писал:

«...До нас дошли слухи, что на Ближнем Хуторе имеется группа, организованная из бывших военнослужащих Красной Армии и комсомольцев села. Для связи с этой группой был использован тов. Топор, в то время работавший на заводе им. 1 Мая, уроженец с. Ближний Хутор. Тов. Топор передавал на хутор листовки и должен был в случае необходимости быть связным»²⁴¹. Другой руководитель тираспольского подполья В. Панин вспоминал: «В группу был зачислен тов. Топор Александр Михайлович, молодой комсомолец. Так как он был жителем с. Ближний Хутор, знал село и людей, то ему было поручено связаться с ближнехуторской организацией, о которой нам было известно... Порученная тов. Топору работа была выполнена»²⁴².

Более опытные товарищи из города воодушевили молодых патриотов на активную деятельность. Теперь устная агитация приобрела более целеустремленный характер. Под-

польщики Ближнего Хутора стали получать из города Тирасполя листовки, сводки Совинформбюро, другую нужную информацию и активно использовали ее в своей работе.

Члены молодежной организации пытались использовать и другие, более активные формы борьбы с оккупантами. Недалеко от села проходила узкоколейная железная дорога, по которой вывозили из карьера котелец. Юноши не раз пробирались в карьер и засыпали в тормозные буксы песок. «Любенко Григорий и мой брат Шуляк Александр, — вспоминает П. Шуляк, — поручили нам засыпать песок в буксы вагонов, которые оставались на ночь в карьере. Несколько раз мы с Тертиловым Иваном ходили в карьер и засыпали песок»²⁴³. Это вынудило администрацию усилить охрану железнодорожного полотна и подвижного состава.

Один из прислужников оккупантов тайно следил за молодыми патриотами села, «окруженцами» и бывшими сельскими активистами. Подпольщики давно взяли его на заметку и выжидали удобного случая, чтобы расправиться с ним. Как-то в ноябре 1943 г., когда члены подпольной организации в очередной раз собрались в доме Г. Любенко, предатель выследил их. Обнаруженный подпольщиками, он им пригрозил: «Вот вы все где у меня. Захочу, все будет известно полиции». При этом он вынул из пиджака записную книжку и пригрозил ею. Решение у Любенко созрело мгновенно. Выстрелом из пистолета он убил прислужника оккупантов. После убийства предателя руководитель организации Григорий Любенко скрылся в соседнем селе, его помощник ушел на Украину и сражался там в одном из партизанских отрядов.

Фашистская полиция мобилизовала все силы, чтобы по горячим следам выловить остальных подпольщиков. Аресты начались в ноябре 1943 г. Вот подлинник документа румынских карательных органов, датированный 17 ноября 1943 г. Начальник полиции, а также службы сигуранцы оккупированного города Бендеры доложили кишиневской полиции: «Тираспольская полиция выявила партизанскую группу из 19 человек... и арестовала, 7 из них в селе Ближний Хутор. Руководитель группы Гриша Любенко еще не арестован»²⁴⁴. В тот же день, 17 ноября, полиции удалось схватить еще одного члена организации — Николая Ковальчука.

К концу декабря каратели арестовали почти весь состав Ближнехуторской подпольной организации. Областной инспектор полиции и начальник службы сигуранцы Кишинева 31 декабря доложили, что, организовав их преследование, им удалось поймать Мастобаева Игоря, Подлегаева Дмитрия, Ковальчука Николая, Кириченко Ивана, Клочкова Ивана,

Друзья Александра, Иванова Николая, Талмазана Гавриила, Рыбалкова Сергея и других²⁴⁵. В то же время полиция вынуждена была признать: «До сих пор еще не пойманы: Любенко Григорий — руководитель группы, Шуляк Александр — его помощник»²⁴⁶.

На Ближнем Хуторе и на Калкотовой Балке, где проживал раньше Николай Ковальчук, в поисках оружия и боеприпасов жандармы переворошили все имущество подпольщиков, копали в садах и огородах. Полицейским ищейкам операция удалась. У Ивана Тертилова на Ближнем Хуторе нашли более 200 патронов, которые он хранил закопанными в саду, у Ковальчука Николая из Калкотовой Балки были найдены во дворе около акации граната, фитиль, взрыватель и маленький мешочек со взрывчаткой²⁴⁷.

Организация по существу была разгромлена. Но оккупанты продолжали выслеживать ближнехуторских подпольщиков. Областной инспекторат полиции заверил свое начальство в Бухаресте, что «дано циркулярное распоряжение об организации их преследования по всей подведомственной данному инспекторату территории». Действительно, указания о розыске и аресте молодых патриотов Ближнего Хутора получили шефы полиции всех населенных пунктов. Кишиневская полиция докладывала, что подпольщики «будут преданы военно-полевому суду г. Тирасполя»²⁴⁸.

Жестокие пытки перенесли подпольщики в подвалах сигуранцы. Каратели ломали суставы пальцев, зажимая их в дверном проеме, били резиновыми жгутами по оголенным ступням ног, выбивали зубы.

В январе 1944 г. состоялся военно-полевой суд. На следствии и суде ближнехуторские подпольщики держались стойко. М. А. Сосидько вспоминает: «Через некоторое время меня перевели в камеру, где сидела ближнехуторская группа, человек 15. Из них я запомнил товарищей Мастобаева, Подлегаева, Ключкова, Тертилова, Шуляковых — отца и сына, Иванова. Допросы закончились, и в один из осенних дней всю ближнехуторскую группу куда-то увели. Через 2—3 дня и нас перевели в сигуранцу, где оказались наши товарищи с Ближнего Хутора... Не помню, через сколько времени был назначен суд военного трибунала. В период перед судом мы все договорились от всех наших показаний отказываться. Военный трибунал заседал при закрытых дверях. Мы, согласно нашему договору, от показаний, данных на следствии, отказывались. Что касается ближнехуторской группы, судья кричал, но все ребята с Ближнего Хутора стояли на своем»²⁴⁹.

Военно-полевой суд в Тирасполе вынес решение: Мастобаева Игоря и Ковальчука Николая — к расстрелу, остальных членов подпольной организации — к различным срокам каторжных работ, от 5 до 25 лет.

До суда патриотов Ближнего Хутора содержали в военной тюрьме. После вынесения приговора Н. Ковальчука и И. Мастобаева заточили в камеру смертников № 46, остальных перевели в политическую тюрьму на Бородинскую площадь.

...В партийном архиве Института истории партии при ЦК Компартии Молдавии с военных лет хранится один документ — рапорт офицера, который вместе с передовыми частями Советской Армии вступил в апреле 1944 г. в освобожденный от фашистов Тирасполь. О том, что он увидел в бывшей фашистской тюрьме и услышал от очевидцев, по-военному лаконично и по-протоальному документально изложил в рапорте, поданном по команде. К рапорту приложил старательно переписанные со стен тюремных камер предсмертные надписи советских патриотов²⁵⁰.

Уходя на казнь, живые оставляли память о себе, оставшиеся в камерах узники писали о расстрелянных патриотах, повествовали о тех, кто, вырываясь из тюремных застенков, погибал при побеге.

На втором этаже тюрьмы в камере, где содержались советские патриоты, находившиеся под следствием, осталась надпись: «Клочков Иван, с 5/XII-42 г., село Ближний Хутор»²⁵¹.

Мрачная слава окружала камеру № 46. Сюда помещали советских патриотов после вынесения военно-полевым судом смертного приговора. Ее стены хранят несколько записей:

«Героически убежал Ковальчук Николай, житель Калковой Балки, ул. Горавинная, 14. Осужден к расстрелу»²⁵².

«Мастобаев Игорь присужден к расстрелу 16/I-44 г. за партизанство. Тирасполь, ул. Шевченко, 33»²⁵³.

«Заковали в кандалы 8/II-44 г. Мастобаев Игорь»²⁵⁴.

«В ночь на 22.III-44 г. вывели на расстрел семь человек...» (перечислены все семеро; под шестым номером — Игорь Мастобаев)²⁵⁵.

Из троих участников Ближнехуторского подполья, чьи надписи обнаружены в фашистском застенке Тирасполя (Иван Клочков, Николай Ковальчук, Игорь Мастобаев), ныне в живых нет никого. Н. Ковальчук погиб при побеге из тюрьмы в апреле 1944 г. Ему удалось вырваться из тюремной камеры; благополучно вместе с другими бежавшими патриотами миновал он проволочное ограждение, опоясы-

вавшее тюрьму, а за железной дорогой, на поле фашистского аэродрома, заблудившись в ночной тьме, наскочил на фашистскую охрану и был убит. И. Клочков бежал вместе с Н. Ковальчуком и скрывался до прихода советских войск в родном селе. Работал после войны в колхозе. Игорь Мастобаев за три недели до освобождения Тирасполя был расстрелян в фашистской тюрьме...

Два года провели в подполье ближнехуторские патриоты. Срок немалый. Всей душой советских патриотов они возненавидели «новый порядок» и поднялись на борьбу против организованной силы оккупантов. Их борьба за правое дело влилась маленьким ручейком в мощный поток подпольно-партизанского движения, развернувшегося в тылу врага на всей оккупированной врагом территории.

* * *

В трудные июньские дни 1941 г. по решению Тираспольского райкома партии для подпольной работы в Ново-Котовске был оставлен заведующий фермой колхоза «Красная Бессарабия» коммунист Будяк Николай Тихонович. Он был назначен командиром партизанского отряда²⁵⁶.

Н. Т. Будяк получил 50 единиц стрелкового оружия, достаточное количество боеприпасов, гранаты, взрывчатку. На первое время подпольщики были обеспечены и продуктами питания. Им было оставлено 20 пудов пшеничной муки, 16 пудов сахара, по 4 пуда сала и масла, кроме того, различные крупы и макароны²⁵⁷.

Выбор Ново-Котовска для создания в нем подпольной группы не был случаен. Костяк жителей Ново-Котовска — колхозников колхоза «Красная Бессарабия» — состоял из бывших бойцов прославленной бригады героя гражданской войны Григория Ивановича Котовского. Это были люди, политическую закалку которых, преданность советской власти проверила и испытала огнем гражданская война. Верность новым социалистическим идеалам бойцы-котовцы доказали в жестоких боях с врагами молодой Советской республики. После окончания гражданской войны и демобилизации из армии часть бойцов бригады вернулась в родное село Слободзея. Однако, испытывая острую земельную нужду, бывшие воины бригады решили организовать на свободных землях Тираспольского уезда, в районе хутора Чобручи, новое село и назвать его в честь своего прославленного командира. Так возникло село Ново-Котовск; созданный в нем колхоз получил название «Красная Бессарабия».

Основу подпольной группы Н. Т. Будяка составляли бывшие бойцы-котовцы, советские и комсомольские активисты: секретарь колхозной комсомольской организации А. Г. Марков, его заместитель И. М. Чернов, председатели колхоза и сельского Совета Г. А. Бухневич и Г. Г. Верещак, бригадир колхоза «Красная Бессарабия» В. Г. Фалюта, бывшие красные партизаны-колхозники Л. З. Смирнов, Ф. Д. Жеребецкий, А. С. Фокша. Кроме них участие в подпольной деятельности принимали колхозники И. М. Димитренко, М. Е. Уваров, И. Ф. Киlienко, М. Н. Каракулин, рабочий железной дороги А. И. Брусенский, служащий Б. А. Рассолов.

Заметной фигурой новоковтовского подполья был сам руководитель. Выходец из семьи крестьян-бедняков села Слободзея Тираспольского уезда, Н. Т. Будяк к началу Великой Отечественной войны прошел хорошую для сельского жителя школу политического воспитания и трудовой закалки. С 11 лет работал в хозяйстве отца, затем подручным слесаря на Тираспольском механическом заводе. В 14 лет вступил в комсомол, а спустя четыре года партийная комиссия 56-й Московской стрелковой дивизии приняла красноармейца Будяка кандидатом в члены ВКП(б). За время прохождения воинской службы с 1931 по 1934 г. Н. Т. Будяк окончил полковую школу, получил воинское звание «старшина» и должность заместителя политрука роты. После демобилизации из армии он работал в селе председателем сельского Совета, заведующим фермой, зоотехником.

Таким образом, опыт трудовой деятельности Н. Т. Будяка, политическое воспитание, полученное им за четыре года пребывания в ленинском комсомоле и восемь лет в партии большевиков, способствовали тому, что он вырос в политического вожака, сумевшего возглавить в трудную военную пору группу односельчан в борьбе с ненавистными захватчиками.

Однако, еще не развернув подпольной деятельности, члены патриотической группы, во всяком случае ее большинство — советские активисты, были взяты оккупационными властями на подозрение, и за ними была установлена слежка. Положение усугублялось тем, что группа Н. Т. Будяка потеряла связь с партийными органами и лишилась общего руководства. Ее участники вынуждены были действовать так, как подсказывало им их чутье.

В числе членов подпольной группы коммунистом был один Н. Т. Будяк. Однако и он, как и другие участники группы, не был знаком с приемами конспирации. В селе он был на виду у всех. Жители видели, что при эвакуации партийных и

советских органов Тираспольского района в глубь страны во дворе у Будяка стояли машины и подводы с работниками райкома партии, райисполкома. Оказалось, что Будяк, оставаясь в подполье по решению партийных органов, последние дни и буквально часы перед оккупацией села вражескими войсками постоянно на виду у всех находился с районными партийными работниками, помогал эвакуировать скот, колхозное имущество, людей. Вместо того, чтобы перейти на нелегальное положение, скрыться на какое-то время, он активно организовывал эвакуацию. Кроме того, Н. Т. Будяк, а также некоторые другие члены группы с начала войны были включены в истребительный батальон и несли караульную и сторожевую службу: охраняли животноводческие фермы, общественные здания, хлеб на полях, прочесывали окрестности. Все это не осталось незамеченным на селе. Неудивительно поэтому, что члены группы с приходом оккупантов сразу же попали в число «подозрительных».

Н. Т. Будяк не смог создать партизанский отряд, как это намечалось вначале, однако он и его товарищи по борьбе не смирились с захватническим режимом, включились в подпольное движение, используя доступные для них в то время средства. Член подпольной группы М. Н. Каракулин вспоминал, что они — группа сельских активистов — получили задание оказывать содействие Красной Армии в тылу врага в борьбе с фашистскими войсками. «Для этого,— писал он,— получили оружие и спрятали его в заброшенном подвале одной гражданки — жительницы села. В январе 1943 г. мы с Черновым разрушили линию связи оккупантов в районе Павловки, разбили изоляторы и сняли несколько десятков метров провода. А в конце года нас предательски выдали немцам. Всех нас арестовали, зверски мучали, многие были расстреляны, а я с группой товарищей был сослан в лагерь Бухенвальд»²⁵⁸.

Дочь расстрелянного фашистами члена группы, старого партизана-котовца Ф. Д. Жеребецкого рассказывала, как ее отец участвовал в разрушении связи оккупантов, вместе с другими саботировал экономические мероприятия фашистов, вел разъяснительную работу среди односельчан. Действительно, агитационно-разъяснительная работа была наиболее заметной, активной и результативной формой деятельности подпольной группы.

Примарь и шеф полиции постоянно принуждали крестьян села работать на оккупантов: ремонтировать дороги для оккупационных войск, восстанавливать мосты, рыть колодцы; крестьяне использовались на погрузочных и разгрузочных

работах, строительстве укреплений, их отправляли на заготовку дров для оккупантов, заставляли возить к железной дороге награбленное добро и т. д.

Эти обстоятельства подпольщики использовали для ведения разъяснительной работы среди крестьян. Они призывали их уклоняться от этих повинностей, умело подбрасывали известия: «Москва не взята», «Красная армия бьет фашистов», «Наши скоро вернутся». Вести передавались по селу из двора во двор. В селе было известно, что немецкие фашисты потерпели под Москвой жестокое поражение, что захватчики остановлены на Волге.

Патриоты активно саботировали экономические мероприятия оккупационных властей. Известно, как нагло и беззастенчиво обирали крестьян румынские фашистские оккупанты. Они накладывали на крестьян непосильные поборы зерном, шерстью, другими сельскохозяйственными продуктами, изымали у них теплую одежду для румынской фашистской армии: шерстяные носки, перчатки и другие вещи.

К словам подпольщиков жители села прислушивались. К ним, как к бывшим сельским активистам, бывшему ядру колхоза, жители села по-прежнему относились с уважением, верили им. Патриоты советовали селянам укрывать зерно и другие сельскохозяйственные продукты, предназначенные оккупационными властями для вывоза на станцию. «Бричку в общину — бричку себе», — советовали они крестьянам. Предлагали не сдавать теплых вещей для румынской фашистской армии.

В борьбе с оккупационными властями патриоты использовали и другие формы. Они вели наблюдение за железной дорогой Кишинев—Одесса, следили за передвижением войск и техники врага. Однако отсутствие связи с партийным руководством и военным командованием Красной Армии приводило к тому, что эти данные не находили применения и оставались неиспользованными.

Более удачной у подпольщиков была другая акция военного характера. Члены подпольно-патриотической группы И. М. Чернов, А. Г. Марков, И. М. Димитренко, М. Е. Уваров, М. Н. Каракулин неоднократно проводили диверсии на телефонной линии связи: резали провода, били изоляторы, подпиливали опоры. Диверсии на линии связи были так часты, что претора Слободзейского района отдала распоряжение о расстреле лиц, нарушающих телеграфную связь. Фашистский претор предписывал своим подчиненным: «Объявляйте раз в неделю по селу с колоколом, что те, кто подпиливают телеграфные столбы, будут расстреляны. Мною будет

проверен журнал регистрации объявлений, и если об этом не будет объявлено в селе, будете наказаны как вы, так и сельские служащие»²⁵⁹. Несмотря на угрозы диверсии на линии связи продолжались.

Осенью 1942 г. по доносу предателя немецкая комендатура в Страссбурге (ныне поселок Кучурган) вывела, где хранятся оружие, боеприпасы, гранаты подпольщиков. Оккупанты схватили Н. Т. Будяка. Вслед за ним арестовали всю группу из 14 человек: Б. А. Рассолова, Л. З. Смирнова, Г. Г. Верещака, И. М. Димитренко, Г. А. Бухневича, Ф. Д. Жеребецкого, И. М. Чернова, В. Г. Фалюту, М. Е. Уварова, И. Ф. Килиенко, А. Г. Маркова, А. И. Брусенского, М. Н. Каракулина, А. С. Фокшу. Всех их поместили в тюрьму военно-полевого суда в г. Тирасполе.

Жена Будяка Александра Михайловна вспоминает, что мужа содержали «в немецкой тюрьме в г. Тирасполе, где он подвергался пыткам. Над ним издевались, прикладывали к телу раскаленное железо, избивали резиновыми шлангами»²⁶⁰.

Жандармы подвергли патриотов страшным пыткам, стараясь вырвать у них признание в подпольной деятельности. М. Н. Димитренко, мать подпольщика, рассказывала, что ее сын Иван «был подвергнут допросам и пыткам, после чего был передан румынами немецким карателям. Немцы жестоко расправились с ним и его товарищами. Я сама очевидец, как его выводили из камеры во двор: у него было отбито одно ухо и сильные кровоподтеки на лице и шее. Он сделал мне вид, что ему будет конец, а потом передал через людей, что его должны казнить»²⁶¹.

«Меня так били в тюрьме, так повыврали тело, что я не могу лечь на нары, лежу на коленях и локтях», — признался И. М. Чернов своей жене на свидании в тюрьме. «Не жди меня, воспитывай сына, как можешь», — наказал он ей на прощание.

Надежды вырваться живыми из казематов фашистской тюрьмы у подпольщиков не было. Встречаясь с родными, они не скрывали, что встреча последняя.

После жестоких допросов шестерых подпольщиков — Н. Т. Будяка, Л. З. Смирнова, И. М. Димитренко, Г. А. Бухневича, Ф. Д. Жеребецкого, И. М. Чернова — немецкие фашисты вывели на окраину Тирасполя и расстреляли. Остальных патриотов, истерзанных пытками в фашистской сигуранце, измученных и обессиленных, втолкнули в товарный вагон, закрыли на засов и отправили в Бухенвальд. Восемь долгих суток без воды и пищи томились в полной неизвестности

патриоты. В лагере смерти они прошли все муки ада, не все вернулись на Родину: не выдержав пыток голодом, умер в лагере Б. А. Рассолов.

Растет и богатеет родное село подпольщиков Ново-Котовск, привольно раскинувшееся в приднестровской степи. Каждую весну, в светлые и солнечные майские дни идут односельчане — молодежь, дети с букетами живых цветов — к памятнику воину-освободителю, установленному в центре села. Идут, чтобы отдать дань благодарности, почтить память тех, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны или погиб во вражеском тылу. Патриоты подпольной группы, руководимой Н. Т. Будяком, по праву стоят в ряду славных защитников советской Родины.

* * *

Хутор Кучурган (ныне пгт Первомайск) расположен на пересечении речки Кучурган с шоссейной дорогой Кишинев — Одесса. На старых картах такого названия не сыскать. Своим рождением он обязан Великому Октябрю, Советской власти. В начале 20-х гг. постановлением Совета крестьянских депутатов страдающие от безземелья молдавские крестьяне получали наделы на «свободных землях» в районе Кучургана. Коренными жителями нового хутора становились крестьяне села Глиное. В основном это были молодые семьи, строящие свою жизнь по-новому. Перед ними открылась широкая возможность приобщиться к грамоте, духовному богатству народа.

Спустя несколько лет, когда волны коллективизации докатились до молдавского края, новоселы хутора Кучурган также пожелали организовать коллективное хозяйство. Это знаменательное в их жизни событие случилось в 1927 г. Колхоз они называли звонким и емким именем «Дружба» — в честь братского содружества на хуторе представителей разных национальностей — молдаван, русских, украинцев.

Отечественная война хутор стороной не обошла: по его улицам катились на Одессу немецко-румынские фашистские орды. И не остались безучастными к судьбе родного народа жители хутора. В меру своих сил они приняли участие в битве с ненавистными захватчиками.

По решению Тираспольского райкома партии (до войны хутор административно входил в Тираспольский район), организовывавшего коммунистическое подполье, один из партизанских отрядов в районе был создан на хуторе Кучурган. Командиром отряда был назначен член сельскохозяй-

ственной артели «Дружба» коммунист Илларионов Иван Ильич, его заместителем — Рудой Иван Аксентьевич. Кроме них в отряде было еще 8 бойцов: Беленко Семен Порфирьевич, Денисов Василий Онуфриевич, Илларионов Илья Георгиевич, Илларионов Матвей Георгиевич, Любенко Аким Андреевич, Табурца Иван Васильевич, Турей Аким Прокофьевич, Фокша Николай Иванович. Семь молдаван, два русских, один украинец — все уроженцы с. Глиное, с детства знавшие друг друга и спаянные дружбой, совместной работой в колхозном хозяйстве. Позднее И. И. Илларионову удалось вовлечь в борьбу пятерых новых бойцов — М. Р. Дмитриева, А. С. Тоницы, Е. И. Чекана, Ф. Е. Дурбайло и П. П. Данилова.

Командир отряда И. И. Илларионов родился в 1894 г. в бедной крестьянской семье. С семилетнего возраста стал работать по найму, как и его отец, безземельный крестьянин. Двадцатилетним юношей И. И. Илларионова призвали в царскую армию, в рядах которой он встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Для него не было вопроса — быть или не быть с революцией. Целиком и полностью он встал на сторону Советской власти. Всем сердцем трудового человека принял революцию, встал на ее защиту, возглавив красный партизанский отряд.

После гражданской войны И. И. Илларионов был в самой гуще событий на селе, освобождавшемся от гнета деревенских мироедов, возглавил сельский комитет незаможных селян, состоял членом сельского Совета. В декабре 1931 г. подал заявление в Ново-Котовскую партийную ячейку, в котором он не очень складно, но проникновенно написал, что одобряет линию большевистской партии и желает активно выполнять все ее поручения и «помочь партии в укреплении сельского хозяйства и коллективизации»²⁶².

Как и командир, все бойцы отряда были выходцами из трудовых крестьянских семей, колхозниками сельхозартели «Дружба», сельскими активистами. Отвечая на призыв партии: «Все для фронта, все для победы!», они вошли в партизанский отряд. Командир отряда И. И. Илларионов и его заместитель И. А. Рудой получили оружие — более двух десятков винтовок, несколько ручных пулеметов, боеприпасы, взрывчатку. Оружие и боеприпасы они закопали на меже своих огородов.

Ныне в живых из этого партизанского отряда нет никого. Тщательному анализу были подвергнуты воспоминания старожилов села, изучены архивные документы, материалы судебного процесса, состоявшегося в 1948 г. над лицами, сот-

рудничавшими с оккупантами. Многие подтверждают, что на селе действовали, как они говорят, «красные партизаны» во главе с И. И. Илларионовым.

Сложными оказались в той местности, где располагался отряд, условия для партизан. Село находилось в степной полосе, и все было на виду у фашистской комендатуры, находившейся рядом за лиманом, в поселке, который именовался тогда Страссбургом. Поэтому отряд не мог использовать форму вооруженной борьбы. В тех сложных обстоятельствах были применены другие формы. Подпольщики не раз резали телефонные провода, срывали сбор теплых вещей для фашистской армии, устной агитацией вселяли в односельчан веру в неизбежность победы Советской Армии над немецко-фашистскими захватчиками. Они активно саботировали проводимые оккупантами экономические мероприятия и призывали к этому жителей села. Главным инициатором в этом был И. А. Рудой. В общине он числился кладовщиком. На току, где хранился убранный селянами хлеб, он обязан был вести его учет. Ток охранялся румынскими жандармами. И. А. Рудой спаивал фашистскую охрану, и когда жандармы, пьяные, укладывались спать где-нибудь в скирде, он через сына давал знать односельчанам, чтобы они тайком уносили зерно по домам.

В феврале 1944 г. по хутору прокатилась волна арестов. Были арестованы И. И. Илларионов и все члены его группы. Неистово зверствовали над заключенными в Тираспольской военной тюрьме каратели, пытаясь вырвать у них признания в деятельности против немецко-румынских оккупационных властей. Жена И. И. Илларионова вспоминает, что после ареста мужа она несколько раз навещала его в фашистской тюрьме, передавала передачи. «Муж был сильно избит. Когда удавалось передать чистое белье, он возвращал свое, оно было сильно окровавлено»²⁶³. А. М. Бутнарь, арестованная вместе с партизанами и видевшая в тюрьме партизанского командира, вспоминает: «...Утром меня вызвали на допрос. Возле стены стоял Илларионов Иван, сильно избитый, на него страшно было смотреть. Стоять на ногах он не мог и упирался в стенку»²⁶⁴. Такой же участи подверглись другие подпольщики. А. С. Тоницей был зверски избит на первом же допросе. Его жена вспоминала: «Когда он передал мне свое белье, оно было все иссечено и так окровавлено, что невозможно было и смотреть на него»²⁶⁵. После допросов, сопровождавшихся жестокими пытками, шесть человек — И. И. Илларионов, И. А. Рудой, С. П. Беленко, И. Г. Илларионов, А. С. Тоницей, М. Р. Дмитриев были расстреля-

ны карателями на окраине Тирасполя, на месте нынешнего парка «Победа». Другие подпольщики — В. О. Денисов, М. Г. Илларионов, А. А. Любенко, А. П. Турей, П. П. Данилов, Е. И. Чекан, Ф. Е. Дурбайло, Н. И. Фокша были отправлены в Бухенвальд.

Время все дальше и дальше отдаляет от нас тяжелую военную пору. Но ничто не в силах изгладить из народной памяти подвига павших. Хорошеют и благоустраиваются наши города и села, возводимые руками нового поколения граждан советской страны. Неузнаваемо изменился некогда затерянный в степи хутор Кучурган с его глинобитными мазанками. Ныне он стал поселком городского типа — центральной усадьбой межколхозного сада «Память Ильичу». В хозяйстве больше сотни автомашин, десятки других сельскохозяйственных орудий. Большая светлая школа-десятилетка, несколько детских садов и магазинов.

Все это, созданное руками нынешнего поколения, — светлая и незабываемая память о тех хуторянах, которые смертью своей дали ростки новой жизни.

М. НОВОСЕЛОВ

В ФАШИСТСКОМ ЗАСТЕНКЕ НЕ СМИРИЛИСЬ СОВЕТСКИЕ ПАТРИОТЫ

Словно черная, непроглядная ночь опустился на молдавскую землю оккупационный режим немецко-румынских фашистских захватчиков. В спешном порядке во всех крупных городах республики создавались для советских людей фашистские тюрьмы. Не стал исключением и город Тирасполь, который оккупанты объявили резиденцией «Транснистрии» и начали устанавливать в нем «новый порядок». Переименовали на свой лад улицы, ввели комендантский час, запретили собираться населению группами. Лучшие здания в городе захватили под свои учреждения: детскую консультацию — под квестуру, Дом пионеров — под военно-полевой суд, драматический театр — под воинские склады. Мрачным символом «нового порядка» стали в Тирасполе фашистские тюрьмы. В городе их было две: военно-полевого суда («ынкисоаря курций марциале»), помещавшаяся в трехэтажном здании бывшего общежития завода им. П. Ткаченко, и гражданская, для политзаключенных («ынкисоаре центра-

лэ») — в здании детских яслей на Бородинской площади. Живой свидетель тех дней, офицер Советской Армии, вошедший в город во главе своего подразделения в апрельские дни 1944 г., написал в донесении: «Тюрьма находилась на Бородинской площади в бывшем здании детяслей, а перед оккупацией здесь помещался медсанбат. До войны здание имело чрезвычайно культурный вид, с паровым отоплением, электроосвещением, сейчас же оно приведено в полную негодность. В этом здании находилась мужская тюрьма, в которой содержалось около 1500 человек и более, в здании детсада погранвойск — женская тюрьма.

В тюрьме был исключительно жестокий режим. Все находившиеся в ней имели пожизненную каторгу или 15—20 лет, а также были те, которые подлежали расстрелу. Была усиленная охрана, состоявшая на две тюрьмы из 100 человек, здания были обнесены колючей проволокой, при охране были собаки. В тюрьме имелись нары в два ряда. На втором этаже имелась специальная камера для пыток и истязаний»²⁶⁶.

Сотни и тысячи советских граждан испытали на себе зловещий режим фашистских застенков в Тирасполе. В них томились партизаны, подпольщики, бывшие партийные и комсомольские работники, советские активисты, все те, кто в той или иной форме принимали участие в борьбе против оккупационного режима. Среди них были подпольщики Тирасполя, Дубоссар, Ближнего Хутора, Ново-Котовска, Слободзеи, Незавертайловки, других сел и городов Молдавии, жители Ананьевского, Балтского, Котовского районов Одесской области, ряда мест из Винницкой области. Двухэтажное здание политической тюрьмы всегда было переполнено. Новые партии заключенных фашистские надзиратели буквально впихивали в камеры, так как для них свободного пространства в камере уже не оставалось.

Свидетельствует бывший узник тюрьмы для политических заключенных Н. П. Лановец, житель с. Жорновка Ровенской области: «Три дня после военно-полевого суда я пробыл в тюрьме военно-полевого суда, потом меня отправили в тюрьму на Бородинскую. Попал я в камеру № 3, она была битком набита узниками. Камера негодовала, людей было много. Жандарм на это не обращал внимания и толкнул меня в камеру, и я упал на лежащих. Как я потом узнал, они от голода уже не поднимались и вскоре скончались... Ложились по команде спать, ночью поворачивались на другой бок тоже по команде, так камера была набита людьми... Охранники тюрьмы жестоко нас избивали. Кормили нас плохо.

Никто не поверит, что в сутки давали 200 граммов мамалыги и литр чорбы-баланды»²⁶⁷.

...Мрачный второй этаж фашистского застенка. Тут, как вспоминают очевидцы, томились «вечники», а также те, которым по приговору военно-полевого суда была определена мера наказания в 10—15—20 лет каторжных работ.

Безмолвно напоминают о тех трагических днях настенные надписи узников: «В Тираспольской тюрьме погибла камера в 177 человек. Кто прочтет, пусть передаст привет жене Оле, маме Ксенье, деткам: Гале, Володе, Лиде, Боре, Майе»²⁶⁸.

«3.04.44 г. расстреляна камера в 169 человек».

«Лозовский Антон. Ямполь, с. Михайловка на Днестре. Передайте жене — назначен к расстрелу 3.04.44 г. Но жить, друзья, хочется».

«Расстрелян Витховский Алексей Сергеевич, с. Слободзея. Сообщите родным»²⁶⁹.

Несмотря на жестокие тюремные условия, в стенах гестаповского застенка на Бородинской площади постепенно стала складываться подпольная партийная организация. Первые сведения о ней относятся к лету 1943 г. Основное ядро заключенных тюрьмы составляли подпольщики Тирасполя и близлежащих сел. Эти люди были хорошо знакомы с местными условиями, знали друг друга по совместной подпольной и партизанской борьбе и поэтому более доверительно относились друг к другу и, главное, отчасти сохранили, а затем и более надежно наладили связь с городскими патриотами.

В застенке существовала строгая изоляция заключенных по этажам, а на этажах по камерам. Администрация зорко следила, чтобы узники не общались друг с другом. Но они все же изыскивали пути к объединению усилий для совместной борьбы в стенах тюрьмы.

Со стороны узников-активистов, инициаторов создания подпольной организации решение сплотиться и организованно начать в тюрьме борьбу не явилось чем-то необычным. Оно было естественным проявлением их идейной убежденности, горячих чувств советского патриотизма, стремления внести свой вклад в общее дело разгрома гитлеровской Германии и ее сателлитов.

Порой трудно себе представить, в сколь сложных условиях развивалась борьба в фашистском застенке. Нелегальная партийная организация возникла и стала действовать в застенках, где на охране тюремного режима стояла вооруженная жандармерия, бдительно следившая за каж-

дым шагом узников. Участники этой борьбы постоянно сталкивались с невероятными трудностями, которые вытекали из конкретной тюремной действительности, ее специфики. Находясь в самых сложных, драматических обстоятельствах, патриоты не смирились с участью, уготованной им оккупантами, не стали покорно ждать исполнения приговора военно-полевого суда, а, напротив, создав подпольную партийную организацию, подняли на борьбу узников-патриотов. Несмотря на свое исключительно тяжелое положение, которое, конечно же, порождало легко объяснимое чувство подавленности, обособленности и замкнутости, узники фашистского застенка выступали как достойные представители советского народа. Они стойко пережили, перестрадали, но не сломились морально и физически, сохранили до конца высокие моральные качества, присущие советскому человеку — преданность Родине, готовность идти в борьбе за высокие социалистические идеалы до самого последнего предела своих физических и моральных возможностей.

В апреле 1944 г. в своем отчете бывший узник Тираспольской тюрьмы, тюремный врач Сергей Васильевич Белецкий назвал некоторых членов подпольной партийной организации: «Кривенчук Яков Алексеевич — председатель горсовета г. Жмеринка, Кудельчук Анатолий — житель г. Жмеринка, Алмашев Алексей Алексеевич — заместитель начальника оперативного отдела армии, Черненко Валентин — политрук РККА, Панченко Дмитрий Алексеевич — инструктор Тульчинского райпарткома, Самсонов Николай — житель города Москвы, Перов Иван — старший лейтенант РККА»²⁷⁰. (В дальнейшем, в результате длительных поисков, были выявлены имена других подпольщиков). Я. А. Кривенчук и А. С. Кудельчук были членами Жмеринской городской подпольной партийной организации «Советские патриоты», в которую входили также Я. Я. Назаренко и комсомольцы В. Я. Лихарев и А. К. Янышевский. В октябре 1943 г. все пятеро были доставлены в Тираспольскую политическую тюрьму.

В деятельности подпольной партийной организации тюрьмы особую роль сыграл С. В. Белецкий. Положение тюремного врача предоставляло ему относительную свободу передвижения по территории тюрьмы. Более того, под охраной жандарма он имел возможность выходить в город, в частности в аптеку, к зубному врачу. Узники-активисты знали, что в мае 1943 г. он был приговорен к двадцати годам каторжных работ «за распространение пораженческих слухов», как было записано в приговоре военно-полевого суда

оккупантов. А в действительности С. В. Белецкий, проживая в Тульчинском районе Винницкой области, проводил среди крестьян устную агитацию, прямо говорил, что Советская Армия непременно изгонит фашистов с оккупированной территории.

Лояльное отношение тюремного врача к узникам не осталось незамеченным подпольщиками-активистами. Его постепенно стали вовлекать в подпольную деятельность, поручив обязанности связного. Врач установил в городе связи с молодыми комсомолками: заведующей аптекой П. Ф. Борисовой и зубным врачом Л. И. Владавской, которые по его поручению выполняли различные задания для подпольной партийной организации.

Существенную роль в работе организации сыграло участие в ней подпольщика из г. Шаргорода Н. И. Малинского. С. Б. Белецкий в отчете писал: «10 ноября 1943 г. в тюрьму г. Тирасполя прибыл Малиновский вместе с группой осужденных за подпольную революционную работу и организацию партизанского отряда в Шаргородском районе. Тов. Малиновский был осужден румынским трибуналом к 10 годам каторги»²⁷¹. Никому из узников тюрьмы не было известно подлинное имя подпольщика. Знали только, что он был членом комитета районной подпольной парторганизации в Шаргороде и бойцом партизанского отряда, попал в руки румынской жандармерии, перенес в сигуранце жестокие пытки и тяжело больным доставлен в Тираспольскую тюрьму.

Сейчас доподлинно известна личность подпольщика — Малинский Наум Исаакович (в тюрьме он, в целях конспирации, изменил фамилию и отчество). Родился в 1902 г. В августе 1918 г. вступил бойцом в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Здесь он был принят в ВКП(б), получил определенные навыки партийно-политической работы, будучи политруком подразделения, начальником клуба отдельной части, комиссаром школы среднего командного состава. В начале Великой Отечественной войны комиссар артиллерийской части Н. И. Малинский участвовал в боях под Харьковом, попал в окружение и остался в Шаргородском районе Винницкой области. Вместе с другими патриотами создавал подпольную партийную организацию. Районный подпольный комитет в составе И. Т. Гречаного, И. К. Данькова и Н. И. Малинского руководил всеми организациями патриотов района и нацеливал их на диверсионную и партизанскую борьбу.

Н. И. Малинский внес в движение сопротивления подпольной организации Тираспольской тюрьмы определенные орга-

низационные начала, используя опыт работы в составе районного подпольного партийного комитета. «Примерно через месяц после прибытия нашего в тюрьму,— вспоминает В. Я. Лихарев,— у нас был создан подпольный комитет, в который вошло 9 человек. От Жмеринской группы вошел Малинский из г. Шаргорода и я, по два человека от Тульчина и Ямполья, Иванов и еще двое от Молдавии»²⁷².

Колоритной фигурой в комитете был молдавский подпольщик Никита Александрович Иванов из с. Кузьмин Каменского района. По свидетельству каменных подпольщиков, Н. А. Иванов принадлежал к тем лучшим людям, из которых сложилось патриотическое подполье и которые возглавили его. Подпольная ячейка в селе Кузьмин, которой он непосредственно руководил, отличалась боевитостью, активно вела разъяснительную работу среди населения. Н. А. Иванов лично принимал участие в распространении листовок, причем умело выбирал способы и место для их распространения. Подпольщики из Каменки свидетельствуют, что он это делал «на поле, где работает много людей, на перекрестках дорог, ведущих в разные села, на базаре, вручал лично в руки надежным лицам с просьбой прочитать и передать другому»²⁷³. «Летом 1943 г. Иванов попался на правом берегу Днестра,— вспоминает член каменского подпольного партийного комитета М. Я. Поповский.— Листовок у него не нашли, а кто-то доказал, что он распространял. Жестокие пытки он выдержал, но никого не выдал»²⁷⁴. За распространение «большевистских манифестов» военно-полевой суд приговорил Н. А. Иванова к 12 годам каторжных работ. Так он оказался в Тираспольской тюрьме, где продолжал подпольную деятельность: вел агитационную работу среди узников, налаживал связи с патриотами города, непосредственно участвовал в подготовке побега заключенных из фашистского застенка.

Таким образом, все члены подпольной организации имели до ареста и заключения в тюрьму определенный опыт подпольно-патриотической деятельности. Они владели большевистским словом и умели использовать свое влияние на умы и сердца людей.

Среди участников возникшей в тюрьме подпольной парторганизации, ее выборного комитета, коммунистов было мало. Но они сумели привлечь к борьбе беспартийных патриотов, преданных идеям партии и Советской власти и способных в тяжелых условиях фашистского застенка проявить мужество и бесстрашие.

Несмотря на то, что члены комитета были размещены по

разным камерам, им удалось наладить связь между собой и выработать согласованные действия. В этом им помог С. В. Белецкий, превративший тюремный лазарет в место нелегальных встреч. Н. И. Малинский страдал туберкулезом легких и был помещен в тюремный лазарет. Члены подпольной организации это обстоятельство использовали как удобный повод для конспиративной связи. «Обсуждение всех вопросов,— вспоминает один из них,— происходило через Малинского, который лежал в санчасти, а мы по очереди могли туда попадать к врачу, который также был заключенным и не возражал, когда мы там задерживались»²⁷⁵.

Сразу же после создания подпольной организации возникла необходимость в налаживании постоянных контактов с городским населением. Наиболее сознательные и патристически настроенные жители города считали своим неременным долгом чем-то помочь томящимся в фашистском застенке узникам. «...В тюрьме мы оставались не одиноки и получали поддержку с воли не только моральную, но и материальную,— вспоминает М. А. Сосидько.— Моральная поддержка заключалась в сводках, которые через доктора мы получали регулярно. Материальная — в том, что многие люди, которых мы и не знали, приносили нам передачи: курево, продукты, белье. Жаль, что не сохранились в памяти имена этих патристов, которые с риском для жизни помогали нам»²⁷⁶.

Выдавая себя за родственников заключенных, многие девушки и женщины города приходили в тюрьму и добивались у администрации встречи с узниками. Передавали пакеты с пищей, медикаменты и перевязочный материал, а зачастую и последние новости с фронтов Великой Отечественной войны. Чтобы не вызвать подозрения у надзирателей, они заранее уговаривались, кто и к какому узнику будет приходить на свидание. Эта «безобидная» уловка дала возможность подпольному комитету регулярно поддерживать связь с волей, иметь информацию о положении на фронтах. Член комитета В. Я. Лихарев вспоминает по этому поводу: «...Несмотря на смертельную опасность, многие жители города старались чем могли облегчить нашу участь. Они в одиночку и группами носили все, что было в их силах и возможности передать нам... Мы чувствовали человеческую заботу, чувствовали, что за нашими спинами стоят сотни людей, желающих внести свою лепту в борьбу с озверевшими оккупантами...»²⁷⁷

А вот еще одно свидетельство помощи узникам тюрьмы.

Вспоминает Л. М. Шведова — жительница города Тирасполя: «Приходя в тюрьму, мы давали деньги часовым, и к нам выводили заключенного, фамилию которого мы называли, или просто любого заключенного. И пленным и заключенным мы давали лично хлеб, продукты, мыло, табак, папиросы. Мы коротко сообщали им, что Красная Армия приближается все ближе к нам»²⁷⁸.

Партийная организация тюрьмы поддерживала связь не только с отдельными гражданами, действовавшими самостоятельно, но и с членами городского подполья. Ф. А. Соловьева, член подпольной молодежной группы, вспоминает, что, пользуясь вражеским радиоприемником, они слушали сообщения Совинформбюро, «записывали, какие города освобождены от фашистов, где находится наша армия, а на следующий день вывешивали листовки». «Свои листовки,— пишет она,— мы передавали и в тюрьму через отца Аллы, советского пограничника, попавшего в плен и ставшего одним из узников фашистских застенков. Он распространял наши воззвания среди заключенных. 5 апреля 1944 г. оккупанты расстреляли мужественного пограничника вместе с другими узниками»²⁷⁹.

Постоянная связь с патриотами города имела исключительно важное значение для узников, которые находили в ней не только реальную моральную и материальную поддержку, но и уверенность в том, что они в этой борьбе не одиноки. Сознание этого укрепляло их веру в собственные силы, поднимало дух, усиливало сопротивление.

Специфика условий, в которых создавалась подпольная организация, выдвинула на первый план агитационную деятельность. Патриоты, которым в результате смелого побега впоследствии удалось вырваться из тюрьмы, вспоминают, что в камерах постоянно велась устная агитация. По заданию организации вели ее часто раздатчики пищи, у которых была возможность ходить из камеры в камеру. Они передавали информацию тем, кому доверяли. В своем отчете С. Белецкий писал: «Партгруппа Тираспольской тюрьмы проводила резкую агитацию против румынско-немецких властей между заключенными, доказывала, что победа фашизма невозможна и что враг не только будет изгнан с территории нашей Родины, но будет уничтожен абсолютно на своей территории»²⁸⁰. Эта информация была для узников той ниточкой, которая связывала их с Родиной, вселяла надежду на скорое избавление от фашистского ига.

Сложным в работе подпольщиков был конец 1943 г. К этому времени на советско-германском фронте немецко-

румынские захватчики понесли значительные потери. Стараясь их как-то восполнить, оккупанты активно повели среди населения захваченных советских территорий пропагандистскую работу по вовлечению молодых людей в наемную армию. Была объявлена запись в так называемую русскую добровольческую армию и в фашистской тюрьме. Вербовщики ходили по камерам и соблазняли узников посулами легкой жизни в воинстве наемников.

Члены подпольной партийной организации активно воспротивились этой акции оккупантов. Лживой пропаганде вербовщиков они противопоставили свою правду, напоминая людям о их чести и достоинстве, долге советского гражданина. «Когда проходила вербовка добровольцев в тюрьме в немецкую армию,— вспоминает С. В. Белецкий,— партгруппа вела агитационную работу против немецкой армии, против записи добровольно в армию»²⁸¹. Это подтверждают и другие бывшие узники. Один из них свидетельствует: «По-моему, в начале 1944 г. в тюрьму приехал вербовщик во власовскую армию. Мы узнали об этом в тот же день, хотя он к нам и не заходил. Сейчас же через наших людей была проведена работа, чтобы никто не вербовался. Записавшихся были единицы»²⁸².

Но и среди этих малодушных единиц партийная организация повела разъяснительную работу. В сложившейся ситуации она разъясняла людям, сделавшим ложный шаг в жизни, что лучший способ избавиться от позора и спасти свою честь — совершить побег на волю, обрести с риском для жизни свободу от заключения и свободу от взятого обязательства служить в армии наемников. По воспоминаниям очевидца, «партгруппа позже повела разъяснительную работу с записавшимися добровольцами в армию, указала им сделать побег из тюрьмы, предварительно дав план побега, и 8 человек убежали»²⁸³.

Самой яркой и заметной страницей в деятельности подпольной партийной организации тираспольского фашистского застенка явилась организация массового побега из тюрьмы. Активисты из подпольной организации вспоминают, как тщательно готовила организация этот побег. «В основном мы готовили людей к массовому побегу»,— пишет член комитета В. Я. Лихарев²⁸⁴. «Партгруппа повела заключенных на побег из тюрьмы»,— подтверждает врач тюрьмы С. В. Белецкий²⁸⁵.

Подпольной партийной организации удалось, как вспоминают узники, осуществить три групповых побега, последний был массовым, когда из тюрьмы сумели убежать все

заключенные в нее советские патриоты. По своей сути последний побег носил характер вооруженного восстания, в ходе которого заключенные, применив самодельное оружие, освободились из стен тюрьмы силой.

В конце марта 1944 г., когда войска 3-го Украинского фронта активно вели наступательные действия в направлении Одессы и дни пребывания немецко-румынских войск в Тирасполе были сочтены, румынская администрация передала тюрьму немецким карателям. Фашисты сосредоточили узников всех городских тюрем и лагерей в политической тюрьме на Бородинской площади и начали массовый расстрел советских патриотов. Начали с расстрела узниц женской тюрьмы, затем стали расстреливать узников мужской тюрьмы по 150—200 человек в день. Патриоты поняли, что немецкие фашисты решили истребить всех узников. В этой ситуации подпольный партийный комитет принял решение организовать массовый побег из фашистской тюрьмы. Комитет создал руководящую «пятерку» по подготовке побега, во главе которой поставил одного из инициаторов побега — члена подпольного комитета от Молдавии, каменского подпольщика Никиту Иванова.

«Пятерка» во главе с ним распределила узников по десяткам, определила порядок выхода узников из камер и преодоления проволочного заграждения. Особое внимание обращалось на дисциплину и организованность при выполнении задуманного плана. Узники были строго предупреждены, чтобы никто без команды не предпринимал самочинных действий. За основу был принят план, который предложил руководитель «пятерки» Иванов. Ему как руководителю побега очень пригодился довоенный опыт строителя. Он еще раньше установил, что здание тюрьмы строилось не для содержания заключенных, а потому не имело специальных межэтажных перекрытий. Поэтому он предложил пробить перекрытие и выйти на чердак, без шума напасть на часовых, уничтожить их в рукопашной схватке, используя в качестве оружия бутылки из-под молока, наполненные водой, обломки кирпичей, и выйти на тюремный двор. Там каждая десятка в своем секторе самостоятельно преодолевает проволочное заграждение и выходит в город.

Три ночи подряд пытались узники бежать. Но часовые усилили охрану и при малейшем шорохе в камерах они открывали огонь по окнам. В ночь с 4 на 5 апреля, когда в городе разыгралась снежная пурга и для побега создались благоприятные условия, решили бежать, чего бы это ни стоило. Накануне узников согнали в одну общую камеру, их оста-

лось всего около 280 человек из двух тысяч, находившихся в заточении, остальных успели уничтожить.

В полночь, когда караульные несколько ослабили охрану, узники приступили к осуществлению задуманного плана. Штырем и ложками Н. Иванов с помощью Анатолия Кудельчука, Якова Кривенчука, Володи Лихарева, Якова Назаренко стали выламывать потолочное перекрытие. Н. Иванов вспоминает: «На наше счастье перекрытие было сделано скверно, без подшивки. Когда начали выламывать доски, я услышал протест одного заключенного. Он требовал прекратить взлом. Уговоры этого подлеца ни к чему не привели, он стоял на своем. Пришлось договориться с ребятами о ликвидации предателя. Ему удалось вырваться и наделать шуму. На крики последовали выстрелы в окно камеры. Создавшаяся обстановка вызвала полную решимость идти напролом. Из камеры полетели в часовых бутылки, кирпичи. Выломали решетку. Через образовавшееся отверстие стали выпрыгивать через окно со второго этажа. Одновременно выбили дверь и поток узников вырвался на противоположную сторону здания»²⁸⁶.

А вот воспоминания еще одного члена «пятерки»: «Мы выбили дверь, уничтожили охрану в коридоре и с криком «Ура!» бросились к выходу. Напротив выходной двери расположился пулеметчик. Забросали его бутылками, набитыми штукатуркой со стен, и огонь прекратился»²⁸⁷.

Вывавшись из застенка, узники заполнили тюремный двор. На пути к свободе был забор из колючей проволоки, наружная охрана с часовыми на вышках. «Пятерка» по руководству побегом знала об этих препятствиях и заранее разработала план их преодоления, предупредив заключенных. Не мешкая во дворе, узники на бегу срывали с себя одежду — пиджаки, фуфайки, кидали на колючую проволоку и бросались через забор. Вокруг тюрьмы теснились маленькие домики Кирпичной Слободки, они стали надежным укрытием узников от автоматного огня охранников. Большинство спасшихся бросились бежать в сторону железнодорожной насыпи и укрылись в селах Ближний Хутор, Парканы, Владимировка, Славяно-Сербка, Гребеники.

Безусловно, гитлеровцы уничтожили бы всех находившихся в тюрьме узников, если бы подпольная партийная организация не увлекла оставшихся в живых заключенных к побегу. Так сила партийного влияния коммунистов и беспартийных патриотов, объединившихся в стенах фашистской тюрьмы в подпольную организацию, спасла жизнь многим людям.

Трудно с исчерпывающей полнотой раскрыть всю деятельность подпольной партийной организации, возникшей и действовавшей в фашистском застенке на Бородинской площади в Тирасполе. Одни из ее членов были расстреляны в апрельские дни 1944 г., другие погибли при массовом побеге из тюрьмы, третьи — на фронтах Великой Отечественной войны, сражаясь с фашизмом в рядах Советской Армии, в которую они вступили после освобождения Тирасполя советскими войсками.

Борьба советских патриотов в фашистском застенке, их беспримерный массовый побег — это пусть и малая, но неотъемлемая часть борьбы советских людей, оказавшихся в тылу врага.

П. ШОРНИКОВ

МАССОВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ РАБОЧИХ МОЛДАВИИ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Справедливый, освободительный характер Великой Отечественной войны обусловил участие в борьбе против захватчиков самых широких масс рабочих и крестьян, придав этой борьбе общенародный характер. «Общенародно то движение,— указывал В. И. Ленин,— которое выражает объективные нужды всей страны... которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»²⁸⁸. «Наиболее широкой формой народной борьбы,— отметил бывший начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко,— являлся срыв населением политических, экономических и военных мероприятий захватчиков». В районах, где естественно-географические и другие условия затрудняли развертывание партизанских действий, невооруженное сопротивление населения стало «преобладающей формой народной борьбы»²⁸⁹.

Уже в первые месяцы оккупации рабочий класс Молдавии оказал реальную помощь советским войскам, саботируя ремонтные работы на железной дороге. Хотя 22 июня 1941 г. руководство румынских железных дорог отдало распоряжение о «нормализации» движения на основных магистралях Бессарабии в 10-дневный срок²⁹⁰, надежды на эффективное использование местной рабочей силы не оправдались. Несмотря на настоятельные требования военного командования ремонт затянулся на долгие месяцы.

Пока под Одессой продолжались бои, противнику не удалось провести через территорию Молдавии к фронту ни одного эшелона. В середине октября все еще оставался парализованным Бендерский узел, поезда ходили только до станции Бульбоака. Бендерский железнодорожный мост через Днестр был сдан в эксплуатацию только в феврале, а мост в Атаках — в июне 1942 г.²⁹¹

Фашистские оккупационные власти пытались поставить себе на службу промышленность Молдавии. В созданном на правом берегу Днестра губернаторстве «Бессарабия» они реквизировали 823 предприятия с числом работников 10 и более или двигателем мощностью 5 и более л. с., т. е. около 75% всей цензовой промышленности края. На Левобережье, в губернаторстве «Транснистрия», оккупанты завладели всей промышленностью.

Трудящиеся были охвачены системой принудительного труда. В сентябре-октябре 1941 г. оккупанты провели обязательную регистрацию рабочих и ремесленников. Главным методом обеспечения промышленности и транспорта рабочей силой стали трудовая мобилизация (ей подлежали лица призывного возраста) и «реквизиции» рабочей силы²⁹². Кишиневская полиция уже в ноябре 1941 г. доложила, что рабочие города либо отправлены на принудительные работы, либо нанялись на предприятия²⁹³. Однако к августу 1942 г. в промышленности губернаторства «Бессарабия» было занято всего 7,9 тыс. человек²⁹⁴, еще несколько тысяч рабочих имелось на железной дороге. В марте 1943 г. общая численность «квалифицированных и неквалифицированных рабочих», включая ремесленников, составляла здесь 14 тыс.²⁹⁵ На долю правобережных районов МССР приходилось до 10 тыс., вчетверо меньше, чем было до войны²⁹⁶.

Несмотря на голод и меры принуждения рабочие массами уклонялись от работы на предприятиях, используемых врагом. В связи с регистрацией рабочих и ремесленников широкое распространение получила такая форма саботажа, как сокрытие производственной квалификации. По сведениям экономических органов оккупантов, в губернаторстве «Бессарабия» 30—40% являвшихся на регистрацию рабочих отказывались представлять документы о своей профессиональной подготовке²⁹⁷. Те, кого оккупантам все же удалось загнать на предприятия, работали медленно и некачественно. Мало того, рискуя жизнью, жертвуя своими непосредственными материальными интересами, рабочие повсеместно скрывали, разукрупняли, портили производствен-

ное оборудование, инструментарий, применяли другие мало-заметные, но весьма действенные способы дезорганизации производства.

11 декабря 1941 г. губернатор «Транснистрии» в личном письме фашистскому диктатору Румынии сообщил, что одной из серьезных трудностей, встреченных его аппаратом при пуске промышленных предприятий, является нехватка приводных ремней и других деталей, изъятых населением²⁹⁸. В Кишиневе рабочие поврежденного фашистской авиацией в начале войны кафельного завода спрятали и сохранили до освобождения наиболее ценное оборудование предприятия²⁹⁹. В ночь на 12 апреля 1942 г. «неизвестные лица» изъяли ряд дефицитных деталей из слесарных мастерских Кишиневского железнодорожного депо, а в июле — из типографии. В ремонтной мастерской Управления автомобильных дорог была предпринята попытка разукomплектовать двигатель³⁰⁰. Случаи активного саботажа сигуранца отмечала в Тирасполе, где рабочие маслобойного завода только в первой половине 1942 г. дважды выводили из строя прессы³⁰¹.

В первые месяцы оккупации боевые группы подполья провели ряд диверсий, в том числе в промышленности и на транспорте. В Кишиневе они сожгли ватную фабрику и мыловаренный завод, на станции Пэмынтены близ Бельц — партию телеграфных столбов, у станции Быковец взорвали железнодорожный мост. Пример подпольщиков был подхвачен рабочими, которые 29 сентября 1941 г. устроили пожар в железнодорожных мастерских станции Унгены³⁰², а 15 ноября в Сороках выпустили на землю запас горючего на коммунальной электростанции³⁰³. В селе Пересечино Оргеевского района 27 ноября были сожжены частная мельница и реквизированная оккупантами маслобойка³⁰⁴, 29 ноября в Бельцах — уничтожены 20 бочек горючего на электростанции³⁰⁵.

Подобные действия помешали захватчикам ввести в эксплуатацию значительную часть промышленных предприятий оккупированной Молдавии. К августу 1942 г. на правобережье Днестра все еще простаивали 172 наиболее крупных предприятия. Во многом это было результатом проведенных перед отходом советских войск эвакуационных мероприятий, но важно отметить, что даже оставшееся оборудование противник большей частью не смог эксплуатировать. На долю действовавших предприятий, по сведениям оккупационных органов, приходилось всего 26% общей стоимости производственных средств промышленности края³⁰⁶.

Противодействие рабочих не позволило захватчикам использовать в полную меру даже наличные производственные мощности. На Бельцком сахарном заводе, который комиссия румынских экспертов сочла возможным пустить в ход в двухмесячный срок, ремонтные работы затянулись более чем на два года — до ноября 1943 г.³⁰⁷ В рабочем состоянии попали в руки врага Кишиневская папиросная фабрика и плодоовощной завод в селе Кошница Дубоссарского района, но фабрика так и не была введена в действие — работал только ферментационный цех, а плодоовощной завод дал в 1942 г. в четыре раза меньше продукции, чем в довоенном 1940 г.³⁰⁸ По оценке администрации, только на 25% удавалось использовать и мощности механического завода в Бельцах³⁰⁹. На тираспольском консервном заводе им. 1 Мая в 1942 г. было произведено всего 165,5 тонны продукции против 26 210 тонн в 1940 г.³¹⁰ Ремонт Кишиневской типографии затянулся более чем на год, но и после сдачи в эксплуатацию она работала так, что оккупационные власти не смогли организовать здесь выпуск ежедневных газет. Не лучше действовали типографии в Тирасполе и Бельцах. До конца оккупации фашистам приходилось свои газеты «Басарабия» и «Транснистрия» печатать в Бухаресте.

Румынская буржуазия расхищала и отправляла за Прут запасы масличных семян, обеспечивая сырьем собственные предприятия. В то же время оккупационные власти, извлекая прибыль из эксплуатации маслобойных заводов Молдавии, стремились наладить их работу. Уже в 1941 г. они пустили в ход 5 заводов растительных масел. Но рабочие систематически срывали производство. С июля 1941 по июнь 1943 г. вследствие поломок и перебоев в поставках сырья кишиневский завод «Пальмира» проработал всего 369 дней, бельцкий № 1 — 274, № 2 — 314, резинский — 202, атакский — только 173 дня³¹¹. К концу октября 1942 г. эти предприятия общей мощностью 15 тыс. тонн масла в год выработали всего 3,5 тыс. тонн³¹².

Большое значение придавали оккупанты производству спирта, необходимого для выработки некоторых видов военной продукции. К октябрю 1941 г. они пустили в ход в правобережных районах Молдавии 7 спиртзаводов, общей мощностью 200 тонн спирта в месяц. Но в конце 1941 г. оккупационные власти были вынуждены признать, что фактически действуют только два из них, остальные простаивают из-за бесконечных поломок. До конца октября 1942 г. было выработано всего 406 тонн спирта³¹³. Лишь периодически действовали спиртзаводы и в левобережных районах

Молдавии. С августа 1942 г. по март 1943 г. Тираспольский завод выработал 82,7 тонны спирта. Его производство сократилось с 20—25 тонн в месяц осенью 1942 г. до 3—4 тонн в месяц в 1943 г.³¹⁴

Многие из своих провалов оккупационные власти на местах охотно относили на счет объективных причин, прежде всего на счет последствий разрушений периода боевых действий. Но глава специальной службы информации при Совете министров Румынии Е. Кристеску в представленном 16 марта 1942 г. обзоре был вынужден признать, что саботаж имеет место главным образом на предприятиях, работающих на нужды оккупационной армии. Неповиновение рабочих он назвал в числе главных причин простоев предприятий оккупированных румынскими фашистскими войсками Молдавии и областей Украины. По мнению шефа контрразведки, имеющиеся здесь рабочие были настолько «подозрительны», что вообще не могли быть использованы «на предприятиях, работающих исключительно для армии»³¹⁵. Это мнение разделяли и руководители оккупационной администрации. 9 сентября 1942 г. губернатор «Транснистрии» даже в приказе, доведенном до сведения населения, признал, что «работники делали все от них зависевшее, чтобы уклониться от работы»³¹⁶.

Наряду с саботажем рабочие использовали и такую форму борьбы, как забастовка. Так, уже в октябре 1941 г. забастовали рабочие станции Комрат³¹⁷. Хотя все участники стачки были брошены в тюрьму, это не испугало комратских железнодорожников, и летом 1942 г. забастовки повторились. Этим же летом бастовали рабочие ряда бельцких предприятий, механической мастерской управления автомобильных дорог, трамвайного депо, грузчики железнодорожного узла, строительные рабочие Кишинева, железнодорожники Страшен. По данным полиции, в губернаторстве «Бессарабия» только в первый год оккупации произошло 7 трудовых конфликтов, в которых приняли участие около 2 тыс. рабочих. Во многих случаях оккупантам и буржуазии пришлось пойти на уступки. В Бельцах рабочие эксплуатируемой военными органами мельницы добились регламентации рабочего времени, работницы типографии — повышения заработной платы, грузчики станций Кишинев и Страшены — увеличения тарифных расценок и т. д.³¹⁸

В 1943 г. выступления рабочих с требованиями об улучшении условий труда произошли на спиртзаводе, в железнодорожном и трамвайном депо, в типографии, пекарнях, на других предприятиях Кишинева. Их боевой, наступательный характер превратил трудовые конфликты в метод

подготовки трудящихся к массовым патриотическим действиям, дополнявший усилия подполья в деле политической мобилизации населения. На почве трудовых конфликтов, отметил в отчете командир специального полицейского отряда, направленного осенью 1943 г. в Кишинев из Румынии в связи с усилением стачечной борьбы, население «призывается не платить государственных и коммунальных налогов, не выполнять трудовых повинностей, не являться по призыву на переподготовку или военную службу, не вступать в немецкую армию, к саботажу и т. д.»³¹⁹

С массовым неповиновением и саботажем трудящихся столкнулись захватчики и при проведении своих политико-идеологических мероприятий. По признанию оккупационных органов, не достигали цели «меры правительства по румынизации фамилий бессарабцев»³²⁰. Губернатор Бессарабии бил тревогу по поводу того, что большинство молдавских семей вопреки требованиям оккупантов в повседневном общении «заменяют чисто румынские имена их эквивалентами в русском языке», в этом он усматривал не только форму сопротивления насильственной ассимиляции, но и акт политического неповиновения³²¹. Повсеместно нарушался запрет на публичное использование русского языка, что также рассматривалось как форма протеста. «Некоторые из работниц предприятия,— доносила кишиневская полиция 26 июня 1942 г. о работницах одного из предприятий по переработке фруктов,— разговаривают между собой по-русски и вынашивают коммунистические идеи, выражают свое сожаление об уходе Советов из Бессарабии»³²².

Особую ярость захватчиков вызывало то, что по-русски демонстративно разговаривали не только русские. Запрет говорить по-русски, докладывала полиция, нарушают «все национальные меньшинства»³²³. Среди лиц, осужденных фашистским трибуналом за использование русского языка, трактуемое как «оскорбление румынской нации», было множество молдаван. Собирающиеся на кишиневской бирже труда рабочие, возмущалась оккупационная печать, «разговаривают почти только по-русски, одни шепотом, другие кричат на советском языке как только могут...»^{323а}

Расколоть рабочий класс Молдавии по национальному признаку врагу не удалось. О молдавских рабочих южных уездов полиция летом 1942 г. докладывала, что по своему отношению к оккупационному режиму они «ничем не отличаются от ремесленников и рабочих миноритарного этнического происхождения»³²⁴. Презируя распоряжения оккупантов, рабочие-молдаване уклонялись от получения сви-

детельств о «румынском» этническом происхождении и о румынском подданстве. По свидетельству оккупационной печати, к январю 1944 г. большинство их так и не обзавелось этими «документами»³²⁵.

Зимой 1942/43 г. руководство военно-фашистской Румынии приняло ряд мер к усилению эксплуатации и ограбления экономики оккупированной советской территории, ужесточило оккупационный режим³²⁶. На правобережье Днестра советских граждан, «повинных» в саботаже, захватчики ставили в один ряд с вооруженными борцами против оккупации. 18 февраля 1943 г. было объявлено, что отныне наказанию будут подвергаться не только схваченные саботажники и партизаны, но и их семьи³²⁷. Однако борьба не только не прекратилась, но и разгорелась с новой силой. Мобилизуя трудящихся на борьбу против оккупантов, Коммунистическая партия ориентировала их не только на усиление партизанских действий, но и на массовое невооруженное сопротивление врагу. Не платить налогов, не сдавать сельхозпродуктов, саботировать все мероприятия захватчиков призывались рабочие и крестьяне в получившем распространение в республике обращении ЦК КП(б)М и СНК МССР «Бейте врага с тыла!» Инструктивный характер имели также передачи на молдавском языке, подготовленные молдавской редакцией при Всесоюзном радиокомитете.

В Кишиневе, Тирасполе, Бендерах, Сороках, Дубоссарах, Унгенах, других городах МССР возникали новые подпольные организации и группы, активизировались созданные ранее. Обзаводясь радиоприемниками, подпольщики принимали сообщения советского радио и распространяли их в виде листовок, устную агитацию вели тысячи патриотов, в том числе и не входившие в подпольные организации. С начала 1943 г. материалы сигуранцы изобилуют сообщениями о «настоящем наступлении» подполья на идеологическом фронте. Чрезвычайно быстро узнавало население о победах советских войск. Хотя о капитуляции фашистской группировки под Сталинградом оккупанты некоторое время не сообщали, уже 4 февраля 1943 г. областной инспектор полиции, резюмируя донесения из уездов, был вынужден доложить в Бухарест о «неописуемой радости» трудящихся по поводу этой победы³²⁸. Во «Внутреннем информационном синтезе» областного инспектората полиции за февраль 1943 г. также признано, что «среди подрывных элементов царит хорошее настроение и нетерпение в ожидании красных армий», и на многих примерах показана активизация патриотических сил³²⁹.

Эта активизация проявлялась не только в усилении политической и боевой работы подполья. Подпольные организации все более действенным образом направляли массовую борьбу рабочих. На промышленных предприятиях подпольщики спланировали рабочих, организовывали саботаж. На Каменской МТС механики М. З. Григорьев и А. И. Литновский по заданию подполья возглавили группу слесарей, которая систематически повреждала поступавшую на ремонт технику. Механик С. В. Волянского, не зная о его причастности к подпольной организации, оккупанты назначили администратором маслосырзавода. Коммунист стал на предприятии организатором саботажа. Изготавливаемое масло недосаливали, плохо отжимали, в результате чего оно быстро портилось. Доброкачественная же продукция поступала на нужды подполья, ее переправляли партизанам, раздавали семьям красноармейцев³³⁰. В селе Сербка Тираспольского района продукцию маслосырзавода приводила в негодность работавшая на предприятии подпольщица Р. М. Шинкова (Томашевская)³³¹.

В Тирасполе по заданию одного из руководителей подполья В. С. Панина подпольщик Г. Грунерт возглавил группу рабочих, которая систематически срывала работу типографии. Участник Григориопольского партийного подполья В. Ф. Паляницын использовал свое положение кладовщика ремонтной мастерской для изъятия горючего, запасных частей, инструментов. В конечном счете подпольщики вывезли со склада еще оставшиеся там материальные ценности, имитировав ограбление³³². По данным оккупантов, вследствие саботажа рабочих один день работала, а пять простаивала электростанция в г. Леово³³³.

Пока не приблизился фронт, на используемых противником промышленных предприятиях продолжались поджоги. В ночь на 14 мая 1943 г. патриоты сожгли завод растительных масел в Атаках³³⁴, в ноябре — маслобойное предприятие в Оргееве³³⁵, помещение и оборудование ремонтной мастерской одного из румынских предпринимателей в Бендерах³³⁶. На одном из спиртзаводов Кишинева хранилась половина продукции, выработанной за весь период оккупации — 160 тонн спирта. 5 января 1944 г., когда оккупанты попытались его вывезти, на предприятии вспыхнул пожар. На следующий день был подожжен работавший на нужды противника коптильный завод³³⁷.

Скрывая свою неспособность предотвратить диверсии или хотя бы разыскать виновных, полицейские власти представляли вышестоящим инстанциям множество пожаров на

объектах военного значения как случайные. Но генштаб румынской армии в изданном 14 сентября 1943 г. циркуляре оккупационным органам подчеркнул, что «в последнее время пожары на военных складах и военизированных предприятиях приняли пропорции, которые не могут быть отнесены на счет случайности». Причину их генштаб потребовал в большинстве случаев искать в актах саботажа³³⁸.

Массовый саботаж дезорганизовывал промышленность, особенно производство продукции, наиболее необходимой оккупантам. В губернаторстве «Бессарабия» в третьем квартале 1943 г. было выработано вдвое меньше растительного масла, чем в первом. С момента оккупации до 30 октября 1943 г. здесь было произведено всего 8,4 тыс. тонн масла³³⁹. Производственные возможности наиболее крупного и наиболее стабильно работавшего спиртзавода в Кишиневе противник смог использовать только на 5—7%³⁴⁰. Масштабы производства других видов продукции были еще меньше.

Серьезный ущерб противнику наносил саботаж на железной дороге. Если в 1942 г. в депо станции Бессарабская ежедневно обеспечивалась подготовка к рейсам 20—25 паровозов, то к октябрю их число сократилось до 10—15. Снизилось качество ремонтных работ. Выходя в рейсы, паровозы оставались на перегонах в 5—6 км от станции³⁴¹.

Массовый характер приобрели мелкие диверсии. Как явствует из приказа генштаба командованию оккупационных войск, в период боев на Волге тыловые службы вермахта многократно сообщали своим румынским союзникам о «многочисленных кражах тормозных трубопроводов от немецких железнодорожных вагонов» на линиях, оккупированных румынскими войсками. Немецкие фашисты подозревали, что это дело рук железнодорожного персонала, румынские, не оспаривая этого, полагали, что столь широкий размах «кражи» тормозных шлангов приняли потому, что организуются коммунистическим подпольем. По мнению генерального штаба, эти «акты саботажа» не только затрудняли снабжение немецких войск, но и компрометировали в глазах немцев румынскую армию, неспособную обеспечить безопасность военных перевозок в своей зоне оккупации. Хотя число подобных диверсий возрастало, к январю 1943 г. никто из «злоумышленников» схвачен не был³⁴². В декабре 1943 г., оценивая морально-политическое состояние рабочих-железнодорожников, полицейские власти в представленном в Бухарест отчете с тревогой предсказывали дальнейшее усиление саботажа и диверсий³⁴³. Действительность подтвердила эти прогнозы. Наряду с явными диверсиями в 1943—1944 гг. в Кишиневе,

Бендерах, Тирасполе, на станциях Бессарабская, Сипотены и других, как докладывали полицейские органы, по «халатности» рабочих и другим невыясненным причинам произошел ряд столкновений и крушений поездов, множество других железнодорожных «происшествий».

Патриотически настроенные трудящиеся систематически повреждали проводную связь оккупантов. В декабре 1942 г. после «целой серии хищений телефонного кабеля», признанных «чрезвычайно опасными», органы Кишиневского областного инспектората полиции получили указания об усилении охраны телефонных линий. Тем не менее в 1943 г. только в Кишиневе стоимость вырезанных и унесенных телефонных проводов достигла нескольких сот тысяч лей, причем полиции, как признавала фашистская печать, не удалось схватить ни одного «злоумышленника»³⁴⁴. В числе прочих диверсий сигуранца безрезультатно расследовала исчезновение из городской примарии коммутационной коробки и 7-метрового куска многожильного кабеля в сентябре 1943 г.³⁴⁵, пожар на городской телефонной станции в ночь на 11 ноября³⁴⁶. В декабре «неизвестные лица» неоднократно повреждали связь расположенного в Кишиневе штаба 10-го егерского полка с телефонной станцией и штабами батальонов³⁴⁷. В 1944 г., когда в правобережных районах Молдавии вновь активно развернулась партизанская борьба, телефонная связь Кишинева с уездами постоянно нарушалась³⁴⁸.

Сопrotивление оккупационному режиму в той или иной форме оказывало подавляющее большинство трудящихся Молдавии. В феврале 1944 г. фашистский губернатор в направленном в Бухарест отчете признал падение «авторитета» оккупационных властей. Оно выражалось в массовом уклонении от реквизиций, от выполнения трудовых повинностей, от уплаты налогов и т. п.³⁴⁹ Полиция эту обстановку квалифицировала как «климат, благоприятный для развития коммунистической деятельности», т. е. для усиления подпольно-патриотической и партизанской борьбы³⁵⁰. Рабочий класс шел в авангарде народного сопротивления. Оценивая морально-политическое состояние наиболее многочисленного его отряда — рабочих Кишинева, квестор полиции уже в августе 1943 г. предостерег руководство, что в случае приближения фронта они могут выступить на стороне Красной Армии с оружием в руках³⁵¹.

Массовое сопротивление рабочих явилось одним из решающих факторов провала экономической политики оккупантов. В своей борьбе многонациональный рабочий класс Молдавии неизменно выступал единым фронтом. Все рабочие —

молдаване, русские, украинцы, гагаузы, болгары и другие — оказали стойкое сопротивление политике фашизации и румынизации, сохранили верность делу Коммунистической партии и дружбе советских народов. Партия организовывала, вдохновляла и направляла массовую борьбу рабочего класса.

Невооруженное сопротивление рабочих оккупационному режиму тесно переплеталось с борьбой коммунистического подполья. Если политическая и боевая работа подпольщиков придавала массовой борьбе систематический и целенаправленный характер, то неповиновение масс трудящихся создавало в оккупированной республике обстановку, благоприятную для деятельности подпольных организаций. Высокая эффективность невооруженного сопротивления рабочих явилась убедительным свидетельством способности патриотического авангарда в самых сложных условиях действенным образом руководить борьбой масс.

Н. ТУФАР

ТРУДОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО МОЛДАВИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Еще задолго до нападения на Советский Союз в гитлеровской Германии был детально разработан план ограбления нашей страны и превращения ее в сырьевой придаток немецких империалистов. Этот план был изложен в секретном документе под названием «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» (так называемая «Зеленая папка» Геринга). Согласно этим директивам, все экономические ресурсы оккупированных областей должны были быть использованы для обеспечения фашистской армии и немецкого тыла. Подчеркивалась особая заинтересованность Германии в сельскохозяйственных продуктах. Ничто, за исключением нефти, не было ей так нужно, как продовольствие. Получение его было даже объявлено главной экономической целью нападения на Советский Союз. «Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кампании»³⁵², — отмечалось в директивах.

Экономическая цель немецко-румынских фашистских оккупантов в Молдавии — богатом сельскохозяйственном крае,

со значительными людскими ресурсами — состояла прежде всего в том, чтобы выкачать как можно больше сельскохозяйственной продукции и максимально использовать даровую рабочую силу. Все, что находилось в зоне румынской оккупации, должно было быть поставлено на службу захватчикам. Румынская оккупационная администрация губернаторства «Бессарабия» объявила: «Всю продукцию, весь скот Бессарабии считать блокированным. Войска будут снабжаться за счет своей зоны, ничего не будет привезено из Запрутья...»³⁵³ А для этого «надо брать на месте все, что есть, брать без всяких церемоний»; за утайку продовольствия, за малейшее сопротивление — расстреливать на месте, а дома сжигать»³⁵⁴.

Однако фашистские захватчики не добились полного осуществления своих планов. Этому помешала развернувшаяся с первых дней вражеского вторжения на территорию республики повсеместная народная борьба, которая направлялась Коммунистической партией и имела самые разнообразные формы — начиная от массовых актов саботажа, в которых участвовало абсолютное большинство жителей молдавской деревни, и кончая смелыми боевыми действиями партизан и подпольщиков.

Проблема участия трудового крестьянства в организации массового саботажа имеет огромное политическое и научное значение. Вместе с тем эта проблема изучена очень слабо; здесь по сути сделаны лишь первые шаги, что объясняется прежде всего малочисленностью документов советских органов. Поэтому большое значение имеет критическое осмысление документов фашистской администрации (директивы, распоряжения, отчеты, служебная переписка и т. д.), которые дают возможность разоблачать массовые преступления оккупантов их материалами. В этих документах содержатся также данные о структуре административных и сельскохозяйственных органов оккупантов.

Успешные действия Красной Армии, боевая деятельность партизан и подпольщиков, передачи Всесоюзного и молдавского радиовещания, заброска самолетами на территорию республики листовок и газет, борьба рабочих промышленности и транспорта способствовали расширению масштабов саботажа мероприятий фашистских грабителей со стороны трудящегося крестьянства временно оккупированной территории Молдавии.

Трудовое единоличное крестьянство правобережных районов Молдавии оказывало упорное сопротивление действиям оккупационных властей по возврату земли и другого имущества прежним владельцам. Это вынуждены были признать

сами оккупанты, которые не без основания считали, что одной из главных причин недовольства крестьянства «новым порядком» в сельской местности является то, что земля перешла к помещикам, кулакам, капиталистам, значительная часть которых возвратилась в Молдавию в обозах фашистских захватчиков.

На заседании «Военно-гражданского кабинета по администрации Бессарабии и Буковины» 11 августа 1941 г. представитель министерства сельского хозяйства и имущества официально сообщил о «появлении конфликтов между бывшими собственниками, которые отправились, чтобы вновь стать хозяевами земель и собрать с них урожай, и теми, которые получили землю от русского государства»³⁵⁵. Такие же сведения поступали в Бухарест и от органов контрразведки³⁵⁶.

В ярость приходили оккупационные власти в связи с отказом сельских жителей Молдавии работать на полях бывших колхозов и совхозов. Губернатор «Транснистрии» Г. Александру 14 декабря 1941 г. на заседании фашистского правительства Румынии вынужден был поставить вопрос об увеличении численности карательных сил, чтобы заставить людей выходить на сельскохозяйственные работы. Он говорил: «Сегодня мы остро нуждаемся в жандармах и армии, которые бы принуждали людей выходить на работу»³⁵⁷. Такого же рода просьбы в адрес правительства Румынии поступали и от административных органов губернаторства «Бессарабия», на что И. Антонеску отвечал: «Вы должны выводить людей на работу даже кнутом, если не понимают иначе»³⁵⁸.

Последовали один суровее другого приказы и распоряжения оккупационных властей, главным требованием которых было выводить людей на работу с помощью жандармов и заставить крестьян работать днем и ночью на уборке урожая 1941 г. За непослушание предусматривались тюремное заключение и крупный денежный штраф. Однако и при помощи этих мер оккупанты не достигли желаемых результатов. Крестьяне, отвечая на призыв Коммунистической партии не дать врагу использовать ресурсы республики для усиления своей военной машины, не выходили на работу, несмотря на строжайшие меры наказания. В результате этого урожай 1941 г. не был убран на значительной площади.

Бедняцкие и середняцкие слои крестьянства правобережных районов Молдавии уменьшали посевные площади, не выполняли предписаний местной сельскохозяйственной администрации о правилах ведения хозяйства. Крестьяне обязаны были вести свое хозяйство по предписаниям местной оккупа-

ционной администрации, в которых содержались указания о сроках выполнения сельскохозяйственных работ, о необходимости засеять всю площадь земли указанными сельскохозяйственными культурами и т. д. Но такого рода планы оккупанты не смогли реализовать не только из-за недостатка рабочей силы в сельском хозяйстве, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, но главным образом из-за полной незаинтересованности крестьян, которые заранее знали, что урожай будет у них отобран и послужит средством укрепления военной машины фашистских захватчиков.

Чтобы заставить крестьян повиноваться, каратели прибегали к различным видам наказаний: «нарушителей» штрафовали, заключали в тюрьмы и «трудовые лагеря». Как свидетельствуют документы оккупационной администрации, в Бендерском уезде были наказаны за то, что «не обработали землю», как было предусмотрено властями, или за отказ вообще выходить на работу, «несмотря на неоднократные предупреждения», сотни крестьян. Такое же положение было и в других местах. Однако это не страшило трудовое крестьянство. Оно продолжало срывать мероприятия оккупантов. Губернатор Бессарабии 28 октября 1942 г. в своем приказе был вынужден констатировать, что «...население провинции вместо того, чтобы выходить на работу и обрабатывать свои участки земли, отказывается работать и ходит по селу...». Признавая это как один из факторов, приводивших к «застою экономики», он приказал репрессивным органам, чтобы каждый житель провинции любого пола, который будет замечен хотя бы один раз на улицах, был подвергнут лагерному заключению³⁵⁹. Подобного же содержания приказы издавались и в «Транснистрии». Но это не помогло. В 1941 г., например, в селах Спя и Тея Тираспольского (ныне Григориопольского) района план сельскохозяйственных работ был выполнен менее чем наполовину. Такое положение наблюдалось и в селах Бендерского уезда — Варнице, Хаджимусе, Бульбоаке, Цынцаренах, Ботнарештах, в селе же Новая Кобуска план был выполнен лишь на 20%. В селе Немцены Кишиневского уезда было вспахано на 17 октября 1941 г. только 90 гектаров из 3597 и засеяно 45 гектаров из 360, а в Яловенской волости на начало ноября 1942 г. план был выполнен лишь на 9%³⁶⁰.

В Бельцком же уезде, как свидетельствует секретная информация уездной полиции и службы сигуранцы, в конце ноября 1942 г. «засеяно пшеницы по сравнению с прошлым годом значительно меньше, кукуруза в основном находится на поле, а осенняя вспашка фактически не проведена, значи-

тельная часть сахарной свеклы не вскопана до сих пор»³⁶¹.

Упорное сопротивление оказывало крестьянство мероприятиям фашистов по использованию дарового труда на полях крупных землевладельцев. В селе Кайнары Бендерского уезда 15 крестьян были отданы под суд за то, что не явились на работу в имение некоего Иона Станчулеску. В селе Баймаклия Кагульского уезда за то, что «не явились на работу в назначенный срок, местным сельскохозяйственным комитетом...» были арестованы 12 человек. Местная примария села Немцены Кишиневского уезда за саботаж сельскохозяйственных работ предала суду и оштрафовала 82 крестьян³⁶².

Попытки оккупантов силой заставить крестьян работать на чужих полях не дали ожидаемых результатов. Крестьяне продолжали повсеместно уклоняться от работы. По данным таблицы, составленной оккупационными властями по Комратской волости Кагульского уезда, явствует, что только в имении Арциз 105 крестьян, мобилизованных из сел Кирсова, Твардица, Бешгиоз, Джолтай, Комрат, Ферापонтьевка, Авдарма, прекратили работу. По сравнению с 1940 г. осенью 1941 г. в Сорокском уезде посевная площадь озимых уменьшилась на 42%, в Оргеевском — на 43, в Бендерском — на 44%³⁶³. План осеннего сева в 1942 г. в Бессарабии был выполнен только на 65%, в том числе по пшенице — на 67%, по ржи — на 57, по ячменю — на 20%³⁶⁴. Выступая в январе 1943 г. перед представителями сельскохозяйственных органов провинции, губернатор Бессарабии Войкулеску обратил особое внимание на то, что «план сельскохозяйственных работ не выполняется повсеместно». В «Транснистрии» была засеяна только треть пахотной земли³⁶⁵.

Саботировало трудовое крестьянство использование даровой рабочей силы и на полях так называемых «государственных ферм». Вследствие этого значительные массивы полевых культур ежегодно оставались необранными. На это указывал, в частности, директорат сельского хозяйства имений Бессарабии в январе 1942 г.: «Несмотря на очень запоздалое время остались необранными значительные площади кукурузы и других культур»³⁶⁶. В конце того же года руководство фермы «Баймаклия» обратилось к сельскохозяйственному комитету с жалобой на отсутствие рабочей силы, из-за чего «остаются необранными кормовая свекла, картофель, кукуруза и другие культуры». Согласно приказу губернаторства Бессарабии № 52 от 10 марта 1943 г. коммунальный сельскохозяйственный комитет решил реквизировать в ноябре 1943 г. ежедневно 40—50 жителей для уборки продукции фермы «Баймаклия»³⁶⁷. Такое же положение наблю-

далось и в других уездах. Так, в распоряжении от 3 ноября претуры Дубоссар отмечается, что обмолот еще не был закончен, кукуруза еще не была убрана³⁶⁸.

Одной из самых распространенных форм саботажа был срыв мероприятий оккупационных властей по заготовке сельскохозяйственной продукции. Карательные и административные органы еще в конце декабря 1941 г. получили санкцию И. Антонеску проводить «заготовку» сельскохозяйственных продуктов, применяя самые драконовские меры. Несмотря на это, в Сорокском уезде, например, в марте 1942 г. с большим трудом удалось собрать и отправить в Румынию всего лишь 14 гагонов ячменя вместо 100³⁶⁹. Это взбесило оккупантов, которые прибегли к репрессиям даже против тех, кто с ними сотрудничал. В селе Нэдушита (ныне Грибово) все члены сельскохозяйственного комитета были отданы под суд³⁷⁰.

Отвечая на призыв партизан и подпольщиков, крестьяне правобережных районов Молдавии при снятии урожая перевозили тайком с поля к себе домой, закапывали его в специальные ямы. Чтобы не дать возможности крестьянам расхищать урожай, оккупанты учредили в селах должность охранников полей. Крестьяне, не желая становиться соучастниками оккупантов, отказывались идти в охранники. О массовом саботаже этого мероприятия грабителей свидетельствуют документы оккупационных властей. Так, примарь села Кетросы Сорокского уезда в докладной записке от 29 мая 1942 г., адресованной шефу Дрокиевского сельскохозяйственного округа, писал, что жители отказываются подавать заявления на должность охранников полей. К этому времени в коммунах этого округа удалось завербовать лишь 10 охранников, а всего нужно было 57³⁷¹. Такие же донесения об отказе сельских жителей идти в охранники полей поступали со всех концов губернаторства «Бессарабия» и других оккупированных территорий³⁷².

Вместе с тем, чтобы сельскохозяйственные оккупационные органы не могли учесть урожай, крестьяне-труженики повсеместно скрывали от них размеры своих наделов. И это несмотря на то, что местные власти за такое сокрытие повышали налог на землю в четыре раза³⁷³. Ежегодное анкетирование сельскохозяйственного производства ни разу не давало точных данных. Как отмечено в документах оккупационных властей тех лет, «сельскохозяйственное анкетирование не соответствует действительности потому, что жители не делают честные декларации относительно располагаемой площади, ибо боятся сельскохозяйственного налога»³⁷⁴.

Значительный ущерб заготовительным планам фашист-

ских оккупантов наносило крестьянство левобережных районов Молдавии. В «общинах» Каменского района механизаторы, помогая членам «общин» скрывать и тайно перевозить по домам часть убранных зерна, при каждом благоприятном стечении обстоятельств оставляли после работы полные бункеры комбайнов с зерном и уводили их подальше от токов, которые тщательно охранялись³⁷⁵. Здесь, как и в остальных районах левобережья, срыв мероприятий оккупационных властей по тотальному ограблению сельского хозяйства принял настолько значительные размеры, что вынудил префекта Рыбницкого уезда в секретном распоряжении указать префектору Каменского района: «Примите самые срочные меры к тому, чтобы пшеница, рожь, ячмень, находящиеся в складах общин, были взяты на хранение в 2—3 более крупных склада на территории района... Эта мера предпринимается в связи с тем, что, согласно полученным сведениям, имеют место хищения зерна со складов общин...»³⁷⁶.

Одной из узаконенных и широко применяемых оккупантами форм ограбления сельского хозяйства и эксплуатации трудового крестьянства были чрезмерно низкие цены на сельскохозяйственную продукцию. В служебной переписке властей содержатся неоднократные упоминания о том, что индивидуальное крестьянство правобережных районов Молдавии отказывается продавать свою сельскохозяйственную продукцию по заранее фиксированным фашистским государством мизерным ценам³⁷⁷.

Крестьянство Молдавии саботировало также заготовку оккупационными властями овечьей шерсти, а также теплых вещей и т. д.³⁷⁸

Такое же отношение со стороны трудового крестьянства Молдавии было к заготовкам так называемого «патронажного совета», который насильно требовал от крестьян «подарков» для солдат фашистской армии. Спасаясь от грабежа, жители сел покидали свои дома, закрывая двери на замок. Как отмечается в одном из приказов директора административных дел Бессарабии, «в некоторых областях призыв к добровольной контрибуции вызывает серьезное недовольство, в особенности среди бедного населения... некоторые жители, когда видят заготовительные команды, закрывают двери и уходят из дому...»³⁷⁹.

Крестьяне не приводили для осмотра реквизиционными комиссиями транспортные средства и живую тяговую силу, которые предназначались для нужд фашистской армии. А если им порой не удавалось уклониться от этого, они не доставляли в указанные места уже описанное и реквизиро-

ванное имущество. Нотарь села Болдурешты Кишиневского уезда жаловался вышестоящим инстанциям в марте 1943 г., что хозяйства не отдали реквизиционным комиссиям 35 лошадей и 15 повозок. И это после неоднократного напоминания представителями местной фашистской власти³⁸⁰.

Одним из самых распространенных видов саботажа было уклонение от уплаты налогов. Только в коммуне Бешалма Кагульского уезда 826 хозяйств не доплатили по графе «престацие» (повинность) сумму в 599 000 лей, а по графе «контрибуция ши гэрзь» («налог и охрана») на 10 мая 1942 г. 432 крестьянских хозяйства той же коммуны имели задолженность в 532 317 лей³⁸¹.

Известно, что фашистские оккупанты насильственно насаждали румынский язык. Много приказов издавали относительно запрещения русского языка. Но и здесь оккупанты встретили сопротивление со стороны сельских жителей. Им так и не удалось запретить местному населению разговаривать по-русски не только в семье, на улице, в школе, но даже в учреждениях. В упомянутом выше письме претор волости Тараклия пишет: «Ученики всех школ говорят по-русски»³⁸². О полном провале планов оккупантов по насаждению румынского языка свидетельствует приказ губернатора Бессарабии № 115/942 за март 1942 г., в котором записано: «Наблюдается постепенный возврат к старой системе, при которой румынский язык государственными служащими, выходцами из Бессарабии, отстраняется и одновременно вводится русский язык...»³⁸³.

Крестьяне Молдавии не подчинялись фашистским законам оккупационных властей, по которым местному населению запрещалось, без специального на то разрешения, находиться хотя бы временно даже у родственников и знакомых в соседних селах. Так, приказ префекта Дубоссарского уезда предупреждал: «Никто не вправе проживать в каком-либо селе, если не проживал в данном селе до 22.VI.1941 г.» и предусматривал арест и наказание нарушителей по законам военного времени³⁸⁴. К ответственности привлекались также и те, кто принимал «посторонних» и не ставил об этом в известность местные административные и полицейские власти. Например, в протоколе от 7 января 1942 г. примарии коммуны Карболия Кагульского уезда обвинялся житель села Семен Дерменжи в том, что принял в свой дом Василия Якоба, уроженца села Гаваносы, и не сообщил об этом в примарию и местную полицию, а Василий Якоб был привлечен к ответственности за то, что покинул свое село без специального на то разрешения местных властей³⁸⁵.

Большой размах получил срыв планов оккупантов по строительству шоссейных дорог военного значения. Крестьяне, несмотря на категорическое запрещение, строгие меры наказания, конфискацию в пользу армии оккупантов укрытого имущества, как это имело место, например, в селах Бачой, Болдурешты и других в ноябре 1943 г., уклонялись от перевозок материалов для строительства шоссе и мостов, от заготовки леса для этих целей, прятали повозки. 20 человек из сел Братулены и Кырнешты, как сообщала администрация села Болдурешты Кишиневского уезда 19 января 1942 г. местному жандармскому посту, несмотря на неоднократные предупреждения не убегают из дому, когда их вызывают на перевозку леса на станцию Унгены, каждый раз скрывались³⁸⁶. Систематически уклонялись от лесозаготовок жители сел этого же уезда — Маринич, Болдурешты, Немцены, Збероя³⁸⁷. В марте 1942 г. Липканская примария докладывала Хотинской префектуре, что 57 человек из села не явились на работу для заготовки леса.

Уклоняясь от этих повинностей, крестьяне зачастую продавали или резали рабочий скот. Это стало таким частым явлением, что оккупационные власти на территории правобережных районов Молдавии 19 февраля 1942 г. разослали по всем населенным пунктам циркуляр, в котором говорилось: «Губернаторство имеет сведения, что крестьяне режут и продают рабочий скот для того, чтобы легче уклоняться от сельскохозяйственных работ и работ военного значения. Начиная со дня опубликования данного приказа, запрещаю крестьянам продавать и резать рабочий скот»³⁸⁸. Но подобными мерами не удалось пресечь акты саботажа.

С особой ненавистью встретил молдавский народ попытки правителей военно-фашистской Румынии использовать его в качестве пушечного мяса. Подростки и юноши, которые были насильно загнаны в «организацию допризывной и внешкольной подготовки», отказывались от так называемого «общественно полезного труда», несения службы по охране объектов военного значения, не посещали занятия в кружках по военной подготовке и т. д.

Оккупанты, неся тяжелые потери в личном составе своих войск на фронтах войны, в 1943 г. стали насильственно призывать в румынскую армию и уроженцев Бессарабии. В связи с этим подпольщики Молдавии призывали земляков уклоняться от мобилизации.

В этом направлении проводилась большая политическая работа как в устной форме, так и путем выпуска листовок. В отчете Кишиневского областного инспектората полиции о

внутреннем положении за октябрь 1942 г. сообщается, что советский патриот «Стикольчиков Иван... днем 17 октября проник в среду мобилизованных, прибывших в г. Кагул, подстрекая их не выполнять приказ о мобилизации, а в случае, если они будут отправлены на фронт, не воевать против коммунистов, а сперва убивать офицеров и командиров, ведущих их на смерть, на защиту интересов капиталистов и помещиков»³⁸⁹. В результате призывники всячески уклонялись от мобилизации. Военное министерство Румынии в приказе № 68 от 3 декабря 1943 г. признавало, что «...с целью уклонения от выполнения военной повинности некоторые подлежащие мобилизации показывают фальшивые фамилии или неправильный адрес административным или полицейским властям».

Стремясь предотвратить саботаж, министерство предусмотрело высшую меру наказания — расстрел и конфискацию имущества. Но никакие приказы не могли заставить крестьян вступить в румынскую фашистскую армию. Так, в первые же дни мобилизации скрылось 38 призывников из села Старые Селиште, 71 — из села Большие Милешты, 35 — из сел Кайнары и Гайдар, 72 — из села Александрены, 37 — из села Кишкарены, 42 — из села Каракуй, 48 — из Баймаклии³⁹⁰. Подобное наблюдалось и во многих других населенных пунктах.

Если бессарабцам не удавалось избежать мобилизации, то многие из них с первого дня пребывания в румынской армии старались дезертировать. В феврале 1943 г. из 189 солдат-молдаван, отправленных поездом в Одессу, до пункта назначения доехали только 88 человек. Узнав об этом, И. Антонеску приказал расстрелять перед строем каждого десятого, а приказ зачитать во всех соединениях, где есть бессарабцы. Кроме того, приказом предусматривалось, чтобы во всех примариях вывешивались объявления о принятых мерах³⁹¹.

Однако дезертирство продолжалось. При первой же возможности целыми группами солдаты-молдаване переходили на сторону Советской Армии и к партизанам. Например, заброшенная 25 января 1944 г. в тыл врага группа организаторов партизанского отряда под командованием С. Д. Автеньева, состоявшая из 8 человек, за два с половиной месяца выросла в отряд, насчитывавший 70 бойцов. Кроме того, партизаны этого отряда создали из местных жителей ряд партизанских формирований общей численностью 224 человека. Такие же значительные количественные изменения произошли со всеми партизанскими отрядами и группами, заброшен-

ными на временно оккупированную территорию Молдавии весной и летом 1944 г.³⁹².

Трудовое крестьянство республики помогало партизанам во всем. С теплотой отзываются о многих жителях сел командиры партизанских отрядов. «Он был глазами и ушами отряда», — сказано в отчете командования отряда «Журналист» о леснике А. Кирикэ из села Сесены Каларашского района. Таким же человеком для отряда им. М. В. Фрунзе (командир И. Лысов) был лесник из села Бравичи того же района А. Харя.

Целые села стали опорными базами для партизан. Например, для партизанского отряда им. Ф. Э. Дзержинского под командованием Е. Петрова базами служили села Кристешты, Бурсук, Галбеница, Кырлань, Садова, Ниспорены, Городка, а для партизан под командованием П. Бордова — села Сарата-Мерешены, Каракуй, Мирешты, Мерены и др. Как отмечается в отчете П. Бордова, «отряд в районе действия при встрече с мирным населением, где бы то ни было... всюду мог получить дружескую поддержку». То же самое отмечают в своих отчетах о боевой деятельности отрядов все партизанские командиры.

Таким образом, массовое и повсеместное участие крестьянства Молдавии в срыве рапоряжений и мероприятий оккупантов явилось одним из наиболее ярких проявлений всенародного характера борьбы против фашистских поработителей. Эта борьба велась с неослабевающей силой на протяжении всего оккупационного периода. Попытки захватчиков и местных эксплуататоров приостановить ее при помощи как экономических, так и полицейских мер потерпели полный крах.

Борьба трудового крестьянства возникла, во-первых, как результат политической работы партии среди населения, приведшей к осознанию трудящимися сельской местности того, что, срывая мероприятия оккупантов, они ослабляют гитлеровскую военную машину и помогают общему делу разгрома врага; во-вторых, она была ответом народа на политику грабежа, террора и невиданной эксплуатации, проводимой оккупантами.

- ¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М.: Политиздат, 1982, с. 6.
- ² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.
- ³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 6, М., 1974, с. 19.
- ⁴ *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании. М., 1958, с. 419.
- ⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 229.
- ⁶ КПСС в резолюциях..., т. 6, с. 24.
- ⁷ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг.: Сб. документов и материалов, т. II. Кишинев, 1976, с. 224, 236.
- ⁸ См.: Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1981, с. 294.
- ⁹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 103.
- ¹⁰ Там же, с. 73.
- ¹¹ *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев, 1981, с. 255.
- ¹² См.: Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Кишинев, 1981, с. 324.
- ¹³ См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 11.
- ¹⁴ *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великую Отечественную войну). М., 1975, с. 5.
- ¹⁵ Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II, с. 259, 269, 278, 279, 284, 288, 291, 309, 322, 331.
- ¹⁶ См.: *Левит И. Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску. Кишинев: Штиинца, 1983, с. 371.
- ¹⁷ См.: ПА ИИП при ЦК КПМ, ф. 3280, оп. 1, д. 192, л. 21—24; д. 190, л. 3.
- ¹⁸ Там же, д. 1019, л. 11.
- ¹⁹ Там же, л. 81.
- ²⁰ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 25.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же, л. 35.
- ²³ Там же, л. 26.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, л. 26 об.
- ²⁷ Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 796, л. 4—5.
- ²⁸ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 27.
- ²⁹ Там же, ф. 51, оп. 2, д. 64, л. 1—2.
- ³⁰ Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 160, л. 158.
- ³¹ Там же, л. 157.
- ³² Там же, л. 159.
- ³³ Там же, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 28.

- 34 Там же, л. 90, 91.
- 35 Там же, л. 33.
- 36 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1019, л. 27.
- 37 Там же, л. 26.
- 38 Там же, д. 798, л. 5.
- 39 Там же, д. 1019, л. 28.
- 40 Там же, д. 160, л. 92.
- 41 Там же, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 32.
- 42 Там же, л. 33.
- 43 Там же, л. 34.
- 44 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 785, л. 4 об.
- 45 См.: Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Одесса, 1970, с. 343.
- 46 В документе ошибочно указано 16 ноября. В хронике партизанских действий в зоне 3-го армейского корпуса фашистской Румынии, подписанной начальником штаба корпуса, указывается: «15.XI. Крыжополь-Рудница. Неизвестные демонтировали полотно ж. д. между Крыжополем и Рудницей, вызвав крушение немецкого поезда, груженного пушками» (Одесская область в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 343).
- 47 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, л. 207.
- 48 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 107.
- 49 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1019, л. 163.
- 50 Там же, л. 162, 179.
- 51 Там же, д. 807, л. 2, 3, 6, 7; д. 839, л. 2, 3, 5.
- 52 Там же, д. 143, л. 13—14.
- 53 Там же, д. 192, л. 4 об.
- 54 Там же, д. 1026, л. 3.
- 55 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 150.
- 56 Имеются в виду молдаване, поселившиеся на Северном Кавказе и в Крыму еще во время царизма. Проведя учет всех молдаван, проживающих в Приднестровье, Крыму и на Северном Кавказе, и стремясь их переселить в пределы губернаторства «Транснистрия», правители фашистской Румынии полагали, что молдаване, объявленные ими румынами и соответственно «перевоспитанные», при дележе советских территорий после победы гитлеровцев будут служить доказательством «прав» Румынии на территорию между Днестром и Бугом» (см.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза т. II, с. 150, 572).
- 57 Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Кишинев, 1970, с. 176.
- 58 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II., с. 150.
- 59 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 16, л. 433 об.
- 60 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 2, д. 73, л. 16—18.
- 61 См.: ЦГА МССР, ф. 1026, д. 31, л. 2.
- 62 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 164, л. 9.
- 63 Там же, д. 1026, л. 129.
- 64 Там же, д. 155, л. 81.
- 65 Там же, д. 562, л. 33.
- 66 Там же.
- 67 Там же, л. 4.
- 68 Там же, л. 35.
- 69 Там же, л. 31.
- 70 Там же, д. 652, л. 2, 3.
- 71 Там же, д. 1026, л. 27.

- 72 Там же, л. 79.
- 73 Там же, д. 562, л. 31.
- 74 Там же, д. 1026, л. 11.
- 75 Там же.
- 76 Там же, ф. 51, оп. 3, д. 37, л. 57; ф. 3280, оп. 1, д. 1026, л. 12.
- 77 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 917, л. 29.
- 78 Там же, д. 1026, л. 171.
- 79 Там же, д. 562, л. 36.
- 80 Там же, д. 1026, л. 28.
- 81 Там же, л. 201.
- 82 Там же, д. 1026, л. 118—119.
- 83 Там же, л. 68.
- 84 ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 31, л. 8.
- 85 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 164, л. 9, 10, 11.
- 86 См.: Советская Молдавия, 1947, 13 декабря.
- 87 См.: История Кишинева. Кишинев, 1966, с. 338—339.
- 88 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1022, л. 123.
- 89 Там же, д. 156, л. 22 об.
- 90 Там же, д. 1022, л. 157.
- 91 Там же, д. 156, л. 20 об.
- 92 Там же, д. 1020, л. 138.
- 93 Там же, д. 1022, л. 126.
- 94 Там же, д. 1024, л. 2—3.
- 95 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 310.
- 96 Там же, с. 346.
- 97 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 156, л. 3 об.
- 98 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 296—297.
- 99 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1021, л. 245.
- 100 Захарова М. Они способствовали достижению победы.— В кн.: Посвящение. Кишинев, 1976, с. 266.
- 101 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1022, л. 236.
- 102 Там же, л. 100.
- 103 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4770, л. 80.
- 104 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1023, л. 79, 80.
- 105 Там же, л. 208 об.
- 106 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 380.
- 107 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4771, л. 647 об.
- 108 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1021, л. 217, 218.
- 109 Там же, д. 1020, л. 138.
- 110 См.: ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4770, л. 92, 92 об.
- 111 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1016, л. 2.
- 112 Там же, ф. 31, оп. 1, д. 339, л. 4.
- 113 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 151, л. 27.
- 114 Там же, д. 1016, л. 58.
- 115 Там же, д. 1016, л. 73.
- 116 Там же, д. 151, л. 27; д. 1016, л. 58.
- 117 ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 118 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 151, л. 30, 34.
- 119 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 573.
- 120 ЦГА МССР, ф. 2065, оп. 2, д. 13, л. 198.
- 121 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 596.

- 122 ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 13, л. 168.
- 123 Там же, л. 686.
- 124 ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 125 Там же.
- 126 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 151, л. 28.
- 127 Там же, д. 1016, л. 138.
- 128 Там же, л. 191.
- 129 Там же, л. 169.
- 130 Там же, д. 1017, л. 69.
- 131 ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 132 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1017, л. 67.
- 133 Там же, д. 1016, л. 23.
- 134 ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 135 Там же.
- 136 Там же.
- 137 Там же.
- 138 Там же.
- 139 Там же.
- 140 В обращении губернатора «Транснистрии» за август 1941 г. к местному населению по случаю установления фашистской администрации прямо говорилось: «Сегодня маршал Ион Антонеску... от всех требует послушания и возвращения к труду... Те, которые осмелятся отступить от этих законов, будут наказаны без сострадания, по военным законам...» (ЦГА МССР, ф. 413, оп. 1, д. 1, л. 50).
- 141 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 13, 105—106.
- 142 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 167.
- 143 Там же, л. 8—9.
- 144 См.: ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 145 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 27.
- 146 Там же, л. 10.
- 147 Там же.
- 148 Там же.
- 149 Там же, л. 10—11.
- 150 Там же, л. 261.
- 151 Там же, л. 11.
- 152 Там же, л. 11, 351—352.
- 153 Г. И. Сухоносенко по указанию шефа жандармерии обслуживал в с. Парканы жандармский пост. Под предлогом заточки инструментов в Одессе он выпросил справку, которую передал подпольщикам.
- 154 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 11—12.
- 155 Там же, л. 303.
- 156 ЦГА МССР, ф. 413, оп. 1, д. 71, л. 82, 83, 83 об.
- 157 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 13.
- 158 Там же.
- 159 ЦГА, ф. микрофильмов.
- 160 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 14.
- 161 Там же.
- 162 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 446.
- 163 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 15.
- 164 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 446.
- 165 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 70, 76.
- 166 Там же, л. 16.
- 167 Там же.

- 168 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 446.
- 169 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 28.
- 170 Комсомолка учительница З. Чабан с 1942 по март 1944 г. руководила в Тирасполе подпольной комсомольско-молодежной группой. В начале апреля 1944 г., вскоре после ареста, она была расстреляна гитлеровцами вместе со своим отцом Н. В. Чабаном и остальными членами группы (см.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 750, л. 40).
- 171 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 28.
- 172 Там же.
- 173 Там же.
- 174 Там же, л. 155.
- 175 Там же, л. 78.
- 176 В донесении сигуранцы г. Тирасполя штабу 3-го румынского армейского корпуса указывается, что по заданию П. Е. Кустова «была установлена связь с конспиративной квартирой села Плоское, где пряталась часть парашютистов.....» (ЦГА МССР, ф. микрофильмов).
- 177 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 18—19.
- 178 См.: ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 179 В числе арестованных подпольщиков с. Большое Плоское были И. Т. Маслий, братья Петр и Сергей Колесниковы, С. Небогатов. В начале апреля 1944 г. они были расстреляны гитлеровцами в Тирасполе.
- 180 См.: Очерки истории Тирасполя. Кишинев, 1967, с. 112.
- 181 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1027, л. 214.
- 182 Там же, л. 232.
- 183 Там же, л. 82.
- 184 Там же, л. 80.
- 185 Там же, д. 29 об.
- 186 Там же, д. 1027, л. 151—152.
- 187 См.: ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 188 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 2, д. 54, л. 2.
- 189 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1027, л. 304 и 304 об.
- 190 Там же, л. 285.
- 191 Там же, л. 299 об.
- 192 Там же, л. 115 об.
- 193 Там же, д. 752, л. 27.
- 194 ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 195 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1027, л. 382.
- 196 См.: Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. Кишинев, 1975, с. 47.
- 197 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1027, л. 152 об.
- 198 Там же, л. 121.
- 199 Там же, л. 97.
- 200 См.: ЦГА МССР, ф. микрофильмов.
- 201 Там же.
- 202 Там же, ф. 413, оп. 1, д. 1, л. 50.
- 203 Там же, ф. 411, оп. 1, д. 481, л. 194.
- 204 Там же, ф. 411, оп. 1, д. 3; ф. 814, оп. 2, д. 3, л. 8, 22; ф. 575, оп. 1, д. 1, л. 50.
- 205 Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II, с. 565—566.
- 206 Там же, с. 75.
- 207 См.: ЦГА МССР, ф. 1026, оп. 2, д. 29, л. 7, 34, 58, 80.
- 208 Там же, ф. микрофильмов
- 209 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 192, л. 5, 9, 10.
- 210 Там же, ф. 123, оп. 5, д. 15, л. 18—19.

- 211 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 69—70.
- 212 Там же, л. 15.
- 213 Там же, л. 64, 71.
- 214 Там же, л. 15—16, 64, 141.
- 215 Там же, л. 17, 64.
- 216 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 134. В том же месяце А. М. Жулавский был арестован и направлен в следственную тюрьму г. Одессы. Через полтора месяца по настоянию примаря села его освободили за денежный выкуп.
- 217 Там же, л. 71.
- 218 Там же, л. 65.
- 219 Там же, л. 18, 72, 157.
- 220 Там же, л. 18, 73—74, 108, 111, 112; ф. 123, оп. 5, д. 15, л. 18—19.
- 221 Там же, ф. 123, оп. 5, д. 15, л. 18—19.
- 222 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 72—73.
- 223 Там же, л. 19.
- 224 Там же, л. 74.
- 225 Там же, л. 19.
- 226 Там же, л. 19; ф. 123, оп. 5, д. 15, л. 19.
- 227 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 119—120.
- 228 Там же, л. 119, 129, 175.
- 229 Там же, л. 55—57.
- 230 Там же.
- 231 Там же, л. 54—58.
- 232 Там же, л. 76.
- 233 Там же, л. 21, 129.
- 234 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4669, л. 31.
- 235 Там же, л. 50.
- 236 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 21, 76—77.
- 237 Там же, л. 21, 77.
- 238 Там же, л. 21—22, 77, 127.
- 239 Там же, ф. 123, оп. 5, д. 15, л. 19; ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 22.
- 240 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1013, л. 162.
- 241 Там же, д. 152, л. 7—8.
- 242 Там же, д. 751, л. 17.
- 243 Там же, д. 1029, л. 92.
- 244 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4611, л. 202.
- 245 Там же, д. 4615, ч. 1, л. 133—134.
- 246 Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II, с. 352.
- 247 Там же, с. 353.
- 248 ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4615, л. 135.
- 249 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 751, л. 30—31.
- 250 Там же, ф. 51, оп. 2, д. 47, л. 78.
- 251 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 165, л. 1.
- 252 Там же, л. 2—3.
- 253 Там же, л. 3.
- 254 Там же, л. 2.
- 255 Там же, л. 4.
- 256 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 192, л. 2.
- 257 Там же, л. 14—15.
- 258 Там же, д. 1025, л. 210.
- 259 ЦГА МССР, ф. 495, оп. 2, д. 2, л. 275.
- 260 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 1025, л. 131.
- 261 Там же, л. 192.

- 262 Там же, ф. 60, оп. 2, д. 202, л. 4.
 263 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1030, л. 72.
 264 Там же, д. 2032, л. 79.
 265 Там же, л. 289.
 266 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 51, оп. 2, д. 47, л. 78.
 267 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 1028, л. 41.
 268 Там же, ф. 51, оп. 2, д. 47, л. 79.
 269 Там же.
 270 Там же, ф. 3280, оп. 1, д. 153, л. 2.
 271 Там же, л. 1.
 272 Там же, д. 1028, л. 99.
 273 Там же, ф. 20, оп. 1, д. 801, л. 16.
 274 Там же, д. 814, л. 28.
 275 Там же, д. 1028, л. 99.
 276 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 751, л. 32.
 277 Там же, д. 1028, л. 102.
 278 *Ломанченко Г., Феч Ю.* На смерть ради жизни. Кишинев, 1975, с. 57.
 279 ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 622, л. 6—8.
 280 Там же, д. 153, л. 2.
 281 Там же.
 282 Там же, д. 751, л. 32.
 283 Там же, д. 153, л. 2.
 284 Там же, д. 1028, л. 100.
 285 Там же, д. 153, л. 2.
 286 Там же, д. 160, л. 135.
 287 Там же, д. 1028, л. 101.
 288 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 283.
 289 *Пономаренко П. К.* Непокоренные (Всенародная борьба в тылу фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне). М., 1975, с. 48, 52.
 290 ЦГА МССР, ф. 1931, оп. 2, д. 69, л. 70.
 291 Там же, ф. микрофильмов, оп. 1, д. 483, л. 133; д. 529, л. 93; д. 521, л. 31.
 292 См.: История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 198, 203.
 293 См.: ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 4418, л. 281.
 294 Там же, д. 483, л. 798.
 295 *Basarabia*, 1943, 4.IV.
 296 Накануне войны в правобережных районах МССР было свыше 40 тыс. только промышленных и транспортных рабочих. См.: *Царанов В. И.* По пути индустриализации. Кишинев, 1975, с. 28; *Репида Л. Е.* Качественные изменения в численности рабочего класса в период социалистического строительства в Молдавской ССР.— В кн: *Формирование и изменение численности рабочего класса Молдавии.* Кишинев, 1980, с. 124, 132.
 297 ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 532, л. 6.
 298 Там же, д. 528, л. 6.
 299 См.: *Афтенюк С. Я., Елин Д. Д., Коренев А. А., Левит И. Э.* Указ, соч., с. 229.
 300 См.: ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4312, л. 50.
 301 Там же, д. 4482, л. 229.
 302 Там же, д. 4325, л. 290.
 303 Там же, д. 4324, л. 30.
 304 Там же, ф. 2069, оп. 1, д. 68, л. 45.
 305 Там же, ф. м/ф, оп. 1, д. 4325, л. 40.
 306 Там же, д. 483, л. 763.
 307 Там же, ф. 1917, оп. 1, д. 11, л. 23; д. 100, л. 13.
 308 Там же, ф. 1551, оп. 1, д. 6, л. 2.

- 309 Там же, ф. 1925, оп. 1, д. 1, л. 33.
- 310 Там же, ф. 1026, оп. 1, д. 5, л. 17, 18.
- 311 Там же, ф. 171, оп. 6, д. 76, л. 18, 46, 77, 102.
- 312 Там же, ф. м/ф, оп. 1, д. 483, л. 482; д. 506, л. 94.
- 313 Там же, д. 483, л. 482; д. 506, л. 94.
- 314 Там же, ф. 1497, оп. 1, д. 6, л. 14.
- 315 См.: *Левит И. Э.* Указ. соч., с. 295, 296.
- 316 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 592, л. 147.
- 317 Там же, ф. м/ф, оп. 1, д. 4480, л. 572.
- 318 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 251, 278, 280, 582.
- 319 Там же, с. 348, 483, 582, 583.
- 320 Цит. по: *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Указ. соч., с. 177.
- 321 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 114, 115.
- 322 Там же, с. 277, 278.
- 323 ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 571, л. 52.
- 323a *Basarabia, 1942, 28/IX.*
- 324 ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 4483, л. 40.
- 325 *Basarabia, 1944, 27. I.*
- 326 См.: История народного хозяйства Молдавской ССР, с. 208—211.
- 327 См.: *Basarabia, 1943, 14—21. III.*
- 328 ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 4672, л. 2.
- 329 Там же, д. 4663, л. 601.
- 330 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 444—445.
- 331 См.: Гратинич С. А. Парола «Фрямэтэ пэдурия». Кишинэу, 1969, п. 131.
- 332 См.: Коренев А. А. На земле молдавской.— В сб.: Герои подполья. Вып. 2. М., 1972, с. 367.
- 333 См.: ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 545, л. 60.
- 334 Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II, с. 310, 584.
- 335 См.: ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, д. 4558, л. 489.
- 336 Там же, 4655, л. 183, 194.
- 337 Там же, ф. 1931, оп. 1, д. 3, л. 5 об, 49 об.; ф. м/ф, оп. 1, д. 4655, л. 183, 194.
- 338 Там же, ф. 1925, оп. 1, д. 8, л. 48.
- 339 Там же, ф. м/ф, оп. 1, д. 520, л. 6; д. 542, л. 42, 133, 231, 288.
- 340 Там же, ф. 1927, оп. 1, д. 3, л. 5 об., 49 об.
- 341 См.: История Молдавской ССР, т. II. Кишинев, 1968, с. 467.
- 342 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 292.
- 343 См.: ЦГА МССР, ф. 680, оп. 1, 4348, л. 36.
- 344 См.: *Basarabia, 1944, 4. II.*
- 345 См.: ЦГА МССР, ф. м/ф, оп. 1, д. 4667, л. 314.
- 346 Там же, д. 4664, л. 244.
- 347 Там же, л. 280.
- 348 Там же, д. 4812, л. 357.
- 349 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 181.
- 350 См.: ЦГА МССР; ф. м/ф, оп. 1, л. 4665, л. 467.
- 351 Там же, д. 4672, л. 8.
- 352 Нюрнбергский процесс... М., 1957, т. 1, с. 716.
- 353 См.: *Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 181.
- 354 История Молдавской ССР, т. II. Кишинев, 1968, с. 441.
- 355 ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, д. 559, л. 129.

- 356 Там же, д. 10, л. 348—349.
- 357 Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II., с. 98.
- 358 Там же.
- 359 ЦГА МССР, ф. 201, оп. 1, д. 12, л. 121.
- 360 Там же, ф. 222, оп. 1, д. 27, л. 8.
- 361 Там же, ф. 680, оп. 1, д. 4, л. 4.
- 362 Там же, ф. 222, оп. 1, д. 29, л. 9; д. 43, л. 24.
- 363 Там же, ф. 1297, оп. 1, д. 118, л. 26.
- 364 Там же, ф. 706, оп. 1, д. 490 (ч. 2), л. 257.
- 365 См.: Корнев А. А. На молдавской земле.— В кн.: Герои подполья. М., 1970, с. 449.
- 366 См.: ЦГА МССР, ф. 2107, оп. 1, д. 80, л. 46.
- 367 Там же, ф. 1995, оп. 2, д. 8, л. 4.
- 368 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II, с. 170.
- 369 См.: ЦГА МССР, ф. 1297, оп. 1, д. 135, л. 183.
- 370 Там же, л. 2, 3.
- 371 Там же, оп. 3, д. 46, л. 227, 305, 306.
- 372 Там же, л. 321.
- 373 Там же, ф. 1062, оп. 1, д. 12, л. 16, 17.
- 374 Там же, ф. 211, оп. 1, д. 37, л. 1.
- 375 См.: ПА ИИП при ЦК КП Молдавии, ф. 3280, оп. 1, д. 160, л. 92.
- 376 ЦГА МССР, ф. 411, оп. 1, д. 30, л. 78.
- 377 Там же, ф. 222, оп. 1, д. 27, л. 14.
- 378 Там же, ф. 1062, оп. 1, д. 87, л. 6.
- 379 Там же, ф. 2008, оп. 1, д. 17, л. 70.
- 380 Там же, ф. 201, оп. 1, д. 3, л. 22, 160, 162, 164.
- 381 Там же, ф. 19, 98, оп. 1, д. 7, л. 25—42, 44—53.
- 382 Там же, д. 6, л. 7.
- 383 Там же, д. 6, л. 13.
- 384 См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, т. II., с. 74—75.
- 385 ЦГА МССР, ф. 2027, оп. 1, д. 26, л. 44.
- 386 Там же, ф. 201, оп. 2, д. 16, л. 6.
- 387 Там же, ф. 201, оп. 2, д. 16, л. 49.
- 388 Цит. по: Афтенюк С., Корнев А., Елин Д., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, с. 231—232.
- 389 Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, т. II, с. 288.
- 390 См.: Афтенюк С., Елин Д., Левит С. РСС Молдовеняскэ ын Мареле рэзбой ал Униуний Советиче пентру апэраря Патрией. Кишинев, 1961, п. 220—221.
- 391 См.: Афтенюк С., Корнев А., Елин Д., Левит И. Указ. соч., с. 281.
- 392 Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Каменский подпольный партийный комитет	13
Рыбницкий подпольный партийный комитет	27
Кишиневская межрайонная подпольно-патриотическая организация	40
Коммунисты Григориополя — организаторы борьбы против фашистских оккупантов	52
Комсомольское подполье села Парканы	61
Герои подполья г. Тирасполя	70
Патриотическая группа «За Родину»	80
Борьба патриотов сел Приднестровья	89
В фашистском застенке не смирились советские патриоты	103
Массовые формы борьбы рабочих Молдавии против фашистских оккупантов	114
Трудовое крестьянство Молдавии в борьбе против фашистских оккупантов	124
Примечания	135

Коммунистическое подполье Молдавии (1941—1944)

Зав. редакцией К. Друмова. Редактор В. Татуйко. Художник Н. Жук. Художественный редактор С. Майоров. Технический редактор А. Царукова. Корректор Т. Вальмус.

ИБ № 2514

Сдано в набор 08.09.83. Подписано к печати 09.01.84. АБ 2104. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Печатных листов 7,56. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. листов 8,72. Тираж 4000. Зак. № 31816. Цена 70 коп.

Издательство «Карта Молдовеняскэ»
Кишинев, пр. Ленина, 180.

Полиграфкомбинат Государственного комитета Молдавской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Кишинев, ул. Берзарина, 35.